

МАРИ ПЯТКИНА

Ручей

В поисках спокойствия, она устроилась смотрителем энергостанции. Нашла питомца, нуждавшегося в помощи. Но кто поможет ей?

Когда берёшься изменить жизнь, жизнь берётся изменить тебя.

Глава 1. Грей

Не ждёт, не ждёт мой кучер нанятый,
Торопит ветер-господин.

Я принесла тебе для памяти

Ещё подарочек один.

© М. Цветаева

— Ночной Глаз всё больше жмурится, скоро закроется совсем, — с намёком в голосе сказала Мать, и любовно дотронулась носом.

Грей отвернулся. Он помнил свою первую охоту и первый провал. Помнил жгучее нетерпение, с которым ожидал снисхождение гейма, святого безумия битвы, и то отчаяние, которое обрушилось на него после, когда и ему, и семье стало понятно, что он, скорее всего, пустой. Смущённая Мать привела морально раздавленного сына пред нос и очи Матриарха, его Бабки.

— Ничего, — сказала та, осмотрев рослого Грея, — не у всех с первой охоты получается. Самца ты выкормила ладного, Дочка, подождём.

И они с надеждой ждали следующей охоты и... нового фиаско.

— Он тяжело перелинял весной, — стыдливо поясняла Мать своим Сёстрам.

Мать жалела Грея — мало того, что сын, ещё и без гейма. Грей до сих пор болтался на положении маленького, пока семья брала большую добычу, и по ельнику бегал — романтик и глупец. Обе его Сестры теперь возвращались, преисполненные торжества, счастливые, липкие от тёплой ещё крови на шкурах, пахнущие пищей и удачей, а он, как детёныш, собирал кочей под корягами, да мать приносила кость.

Сестры Грея презирали, одна дерзко сказала, что на вторую же течку выберет пару и тоже станет Матерью, а его ни одна самка не выберет, потому что он урод. Мать лишь повернулась в её сторону — та осеклась и поджала хвост, но слова были сказаны, правдивые слова.

Потому что в стае Грей был уродом, пусть не внешне. Пусть его шкура была толстой и жёсткой, как у всех, кости крепкими, как у всех, зубы острыми — как у всех, а хвост гибким и цепким, хоть за ветки цепляйся, хоть добычу хватай — это не играло никакой роли. Взрослый муст без гейма — для семьи балласт, как старик или калека.

Чтоб семья выжила, росла и процветала, чтоб плодились Матери, добыча всякий раз должна была становиться больше, и насытить всех, включая детёнышей. А больше — значит опаснее. Его ровесники уже хвалились шрамами, другие и вовсе не вернулись с охоты, что поделать, так устроен мир.

— А что случается с одиночками? — спросил Грей у Матери после первого провала.

— Если Мать больше не может рожать для семьи — она уходит, — чуть подумав, ответила та. — Если муст стал немощным и опустел — он уходит. Если детёныш родился слабым — его выносят прочь из логова. Семья — превыше всего. Пустой, не можешь слиться — лишний. Здоровая кровь не восполнит рану — лишний. Мусты слишком малы, чтобы выжить в одиночку, а враги велики и сильны. Лишних семья отдаёт Лесу, таков закон.

Грей любил рассвет, когда семья укладывалась спать: Матриарх в центре, рядом с нею привилегированные мусты: лучшие из Дочерей, да Внушек, да самые отважные воины, затем

— остальные мусты. Малыши присасывались к Матерям, молодёжь сворачивалась клубками ближе к выходу. Грей ложился у самого порога, чтоб незаметно улизнуть, а потом бежал, сколько духа хватало, и путал след, и валялся в траве, кусал её до одури и играл с хвостом.

Проклятый гейм! Без гейма ты либо детёныщ, либо никто. Муст вырастал, его гейм просыпался — и он вливался в общее дело, защищал семью и зарабатывал пищу. Муст старился, калечился либо *пустел*, как говорилось, и покидал семью, чтоб не отягощать её лишним чревом. Так, на памяти Грея, ушёл его дед, великий воин, и Тётка, вернувшаяся в логово без задней лапы и хвоста после битвы с зубаном.

— А как это, когда приходит гейм? — спросил однажды Грей.

— Представь небольшой ручей, — чуть подумав, произнесла Мать. — В ясный день он тих и кроток, мы пьём из него, мочим наши тела и шкуры, но после ливня он превращается в бурный поток. Ты заходишь — и поток уносит тебя за собой.

— Я никогда этого не почувствую, — со страхом сказал он.

— Нет, ты просто ещё не проснулся, — ответила Мать, и в знак привязанности отгрызла Грею вибриссу алмазно-острыми зубами: так Матери метят любимцев.

В их помёте безусым ходил только он.

Глава 2. Лана

Лана давно научилась просыпаться до будильника. Даже когда под боком уютно посапывала Капелька, глаза открывались сами по себе, а потом она просто лежала и ждала сигнала, чтоб вставать и идти работать: переворачивать рычаг коллектора. Сперва она ставила на будильник любимую музыку, но забросила: любая песня или мелодия вскоре становилась ненавистной, уж лучше стандартная трель.

Такая гадость — проснуться в четыре утра и слушать шорох улиток, которые вовсе и не улитки, а чёрте что, и избавиться от них никакой возможности нет, право слово, хуже тараканов, спасибо, хоть не ядовитые. Лежать и таращиться в темноту, пока в голове варятся мысли, сырые и жёсткие, словно мясо. Ты вспоминаешь все обиды и гадости, всё неуважение и несправедливость и кажется, что вовсе не жизнь у тебя, а какой-то кулеш из страстей-мордастей и всяческих напастей.

Во-первых, ответственность: между вечностью и Ланой давно никого не осталось, на свете не было ни бабушки, ни мамы, в шаткой лодочке приходилось грести самой, без порицания или совета. Во-вторых, стрёмная работка, она же по совместительству жильё: энергетическая иностранная станция системы «Ручей». Фактически Лана с Капелькой жили не просто в изоляции, но и вне Земли, вне обычной, привычной с детства Земли, и эта оторванность от привычного порядка вещей доставляла дискомфорт.

В-третьих — одиночество: биологический отец Капельки не просто не помогал деньгами или временем, но составлял огромную проблему. Лана никак не могла расторгнуть свой отвратительный брак, несмотря на все старания юристов Общества Защиты Детей и Женщин. Потому что у мужа были свои юристы.

Гадкое слово — абьюзер, где оно взялось? Лана предпочитала называть Павора по старинке — мудаком.

Что муж у неё мудака, она поняла далеко не сразу. Сперва просто думала, что он директор фабрики по переработке мусора и хозяин фирмы по утилизации вторсырья. Лана долго пыталась бороться с его пристрастием контролировать каждый шаг и каждую мысль: не работай, не ходи, не смотри. Не смей вызывающе одеваться, остриги ногти, но волосы стричь не смей, не крась губы. Не смей молчать, не смей говорить, не смей жить на свете.

Нарастала волна абьюза постепенно, отчего Лана долго тупила и не догоняла, что происходит. Когда Павор впервые приласкал её кулаком, даже думала, что виновата сама — спровоцировала, слишком дерзко отвечала. После третьих, кажется, побоев, до Ланы дошло, что в сущности, ни в чём она не виновата, кроме поспешного брака.

Лана была сиротой на шее пожилой тётки, сестры отца, когда появился ухажёр постарше, с прекрасными жилищными условиями, отличным доходом и обходительностью. В свои тридцать шесть Павор ни разу не был женат, и вот здесь бы насторожиться, задаться вопросом, почему такое сокровище ещё не упрятали в брачный сундучок другие, более шустрые дамы, но Лане было двадцать лет, и она ничерта о жизни не знала, имея только неудачный опыт студенческих, легкомысленных отношений. А тут — целый директор с цветами, улыбками и эксклюзивными презентами, которых студент себе позволить бы не смог.

Предложение Павор сделал красиво: накануне выпускного, с чудесным, очень стильным

кольцом и янтарными серёжками к нему, набором. Подумаешь, разница в возрасте, говорила тётка! Да и Лане казалось, что она бога за бороду поймала. Сказала «да» и полетела в ЗАГС сразу после универа, в результате ни дня не работала.

Праздники Лана быстро возненавидела, потому что проследила простую связь: выпил — будет бить. Разумеется, желание уйти возникало не раз, но останавливали мысли практического толка: куда она денется без работы, без собственного жилья и с Капелькой? Тянулась её абьюзерная семейная жизнь шесть целых лет, три из которых прошли с праздничными побоями.

Однажды благоверный так ударил в спину, что на поясице расцвёл синяк размером с тазик, а в моче появилась кровь.

— Иди сюда, — позвала его Лана и показала унитаз. — Это не месячные, это отбитая почка.

— Не говори ерунды, — примирительно отмахнулся муж, глянув на розовые потёки, — недотёпа моя. Иди обниму.

Лана ушам своим не поверила, слушая шутливый тон Павора и глядя на улыбку, означавшую, что случилось небольшое недоразумение, которому не стоит уделять внимания.

— Вчера ты меня бил, а сегодня этой же рукой обнимешь? — уточнила она.

— А я тебя второй обниму, которой не бил, — тем же шутливым тоном ответил пахнувший перегаром и туалетной водой благоверный.

Именно в этот момент Лана и поняла, что пора спасаться бегством, потому что однажды он её убьёт. Она потихоньку собрала и вынесла в камеру хранения самые нужные вещи, свои и Капельки. Из подарков Павора, которыми он пытался откупиться после побоев, не взяла ничего, пошёл он к чёрту. Денег тоже самую малость, и то наличкой.

Возвращаться к тётке не следовало — там мудаки легко бы их нашёл, а после, шантажом и угрозами, принудил бы вернуться. Лана сбежала к куратору своей универской группы, Марье Ивановне, феминистке-ксенозоологу.

Пожилая дама гренадёрского роста, стриженная под единичку, энергичная и деятельная, она до сих пор преподавала, а по загородному её дому бегало с десятков иностранных симусов и две стерилизованные кошки. Также она занимала руководящий пост в Обществе Защиты Детей и Женщин, организации с солидным благотворительным фондом, государственным грантом и зубастыми юристами, что, по сути, выбор и обусловило.

— М-да, Светлана, — сказала кураторша, выслушав эпопею. — Будь я помоложе, то спросила бы, почему ты терпела все эти шесть чёртовых лет, не боролась и не ушла раньше, но такая старая кошёлка как я прекрасно знает, что шит постоянно хепенс. Молодец, что наконец-то решила жизнь поменять и пришла напрямик по адресу.

На террасе радостно визжала Капелька, периодически захлёбываясь смехом — её обступили любопытные и доброжелательные питомцы Марьи Ивановны, все разных оттенков синего, от светло-голубого до фиолетового, отчего казалось, что девочка плещется в пушистом бассейне.

— Документы мы оформим и на развод подадим, — продолжала Марья Ивановна, — Жаль, побои уже не снять, это пригодилось бы. Пока суть да дело, необходимо найти жильё и занятие. Кажется, тебе прямая дорога в «Ручей».

Повисла пауза. Самец симус, тёмный, с золотой полоской по хребту, подобрался к босым ногам Ланы и уселся на хвост, затем самым уморительным образом сложил на груди

лапки и выпучил глазища-плошки, полные мольбы. Умильное зрелище! Не даром эти дружелюбные очаровашки отвоевали кусок сердечной территории у кошек и собачек.

— Чего это мне в «Ручей»? — насторожено спросила Лана.

Зверёк, кажется, мечтал о яблоке с её тарелки и Лана отрезала кусочек.

— Не вздумай давать, у него желудок слабый, — Марья Ивановна упреждающе потрясла пальцем. — Этого я кормлю только аутентичной пищей, нажрётся наших фруктов, а после рвёт. Он вообще какой-то ослабленный, то поносит, то простужен, а намедни глаз гноился, так неделю капала антибиотиком. Светлана, ты же знаешь, что станции в «Ручье» — как острова, устройшься вполне комфортно и твой абьюзер до тебя не доберётся.

— Да кто меня возьмёт на работу с ребёнком?

— Я и возьму, — куратор доброжелательно подмигнула, — как минимум на лето, а там состряпаем горе-папаше судебный запрет на приближение. Общество имеет в «Ручье» собственную станцию, ведь нам нужна энергия для офисов и всей структуры. А станции как раз нужен смотритель. Работа "не бей лежащего" — дважды в день поворачиваешь тумблер, фиксируешь показания приборов, температуру, влажность, силу импульса ручья, а если что-то сломается — вызовешь специалиста, он починит.

— А куда предыдущий смотритель делся? — угрюмо спросила Лана.

На станциях иных сторон регулярно случались какие-то траблы.

— До пятницы там живут мои студенты, четвёртый курс. Они дипломную защищают по беспозвоночным формам. Улиток собирают и препарируют. В пятницу защита — и станция твоя.

— Ну, они же ксенобиологи, а я просто агротехник...

— Просто соблюдай технику безопасности и с тобой ничего не случится.

Эту же фразу Лане сказали в отделе кадров Общества, когда она пришла писать заявление. Её же повторили те самые студенты-дипломники, двое девчонок и парень в круглых очках, оставившие после себя ужасный беспорядок и полчища живых улиток, которые на улиток походили только ракушкой, шустро шныряя практически везде, от спальной до пищеблока. Её же повторил инженер по технике безопасности сразу, как только снял переходный скафандр. И постепенно Лана убедила себя в том, что всё самое гадкое с ней уже случилось в той, другой жизни. В которой она была замужем.

Глава 3. Павор

Всё шло своим чередом, ничто не предвещало беды.

Домой Павора привезла непьющая секретарша, старая кляча, которую Павор давно хотел поменять на молодое животное с сиськами, да всё недосуг было. Потом, толку от этих сисек, если в сундуке над ними каша? И вообще, бог вечно дарит сиськи стервам. Не сдержишься ещё, ущипнёшь или крикнешь, а стерва жалобу настроит, не-е-ет, уж лучше старая объезженная кляча, на ту ори, хоть лопни, она только зенки выпучит и зубы крепче стиснет, к тому же с большим желудком баба. Нет, братцы, ничего лучше старой секретарши с большим желудком.

Ну, может, самую малость подзадержался. Ведь как отказать, когда юбилей у коллеги?

Павор любил, чтобы дома было чисто и вкусно пахло, а жена встречала у порога с Капитошкой на руках, расчёсанная и в нарядном халатике, которых он ей сам купил с десяток. Обязательно с улыбкой — Павору нравилось выражение радости и признательности, тем более, жене было за что благодарить — шутка ли, сидит дома, на всём готовом, ни дня в жизни не работала. Фактически из говна её вытащил, законным браком взял в приличный дом, ни разу не попрекнул, что копейки с собой не принесла, подушки, даже ложки ржавой. С одной стороны, что Павору приданное? Своего добра слава богу нажито, не нищий вроде её тётки. Главное, пизда в наличии была, значит жена годилась, чтоб рожать. Самое бабье дело. Детей Павор любил и непременно хотел ещё и сына, над чем старательно работал, хе-хе.

В этот раз его никто не встретил, более того, в прихожей валялись какие-то вещи, Павор даже поднял что-то по инерции, и только потом начал сердиться. Закрутилась, что ли? Не слыхала, как подъехала машина?

— Светлана! — крикнул он. — Я дома!

Никто не отозвался, не затопали детские ножки Капочки, доченьки, не зазвенел её голосочек, тогда Павор испугался. Травма? Больница? Не доглядела за ребёнком? Почему не позвонила?!

И только когда увидел царящий повсюду хаос, понял — тварь его бросила. И ладно бы, чтоб сама увалила ко всем чертям, но тварь забрала самое дорогое — дочку.

До ночи Павор бесновался и всё крушил. Разбил дорогой экран и прекрасное зеркало в резной раме красного дерева, стоившее больше, чем некоторая мебель. После вспомнил про идеальный антистресс — бутылку бурбона. Хватил стакан — вроде попустило.

— Ну вот чего ей моча в голову стукнула? — спросил он у фикуса. — Я ей что, не покупал шмотьё или цацки? Требовал луну с неба? Да просто, блядь, чтоб порядок дома был, и чтоб ебало лишний раз не разваливала. Ну случилось может палку перегнуть раз или два, так я же потом финансово извинялся?

Павор осёкся и, грузно переваливаясь, побежал на второй этаж, проверять гардеробную. Увиденное повергло его в шок — эксклюзивная одежда висела в своих чехлах, он не поленился пересчитать. Янтарные цацки, которые теперь стоили дороже бриллиантов, лежали в своих коробках. А раз жена не взяла того, что можно продать — значит забрала его заначку!

Сейф открылся с пятой попытки, потому что руки тряслись. Наличные и кредитки

остались неприкосновенными, это добило Павора окончательно. Всё стало ясно, как белый день — очевидно, тварь нашла ёбаря, который согласился взвалить себе на горб бабу с чужим дитём. Как он ни присматривал за женой, как ни воспитывал и каким бдительным не был — теперь он рогоносец. В тот вечер Павор Игнатъевич напился до освинения и плакал слезами, жалуясь фикусу на сволочных проклятых женщин, которые первые почти что сорок лет жизни Павора избегали его, не взирая на все достоинства, а после сорока подло предали.

Только действительность оказалась гораздо хуже. После обеда, когда пожёванный похмельем Павор уже почти пришёл в себя посредством аспирина и кока-колы, в офис приползла какая-то шалашовка.

Павор ненавидел коротко стриженных, уверенных в себе баб, одетых с той небрежностью, которая словно призвана подчеркнуть их нежелание нравиться мужчинам.

— Я юрист ОЗДЖ и представляю интересы Светланы, — дерзко заявила шалашовка. — Мы начинаем процедуру развода.

Она ещё что-то говорила, в открытую дверь было видно, что из кабинетов высовывали головы подчинённые и переглядывались с ухмылочками. Даже старая мымра, его секретарша, кажется, злорадствовала. Павор готов был принять наличие у жены хахаля, ну, повелась баба на молодой крепкий хуй, дело обычное и лечится вожжами, но не этого привселюдного унижения.

— Передайте Светлане, что я её уничтожу, — ледяным голосом сказал он.

Глава 4. Грей

Дневной глаз стоял в зените. Вся семья спала, когда раздался рёв и рык огромного врага невиданного вида, неслыханного гласа. Вонял враг тоже удивительно и странно, Грей подобного не слышал, хотя запахи запоминал с первого раза и навсегда.

Детёныши сбились в кучу за хвостами младших Матерей и старших Сестёр. Дяди и старшие братья приготовились к бою, Матриарх ощерилась: ащц! Все мусты недоверчиво нюхали воздух — никто не встречал такого странного зверя. Он не исследовал местность и не осматривался, не искал добычи либо водопоя, а просто с рёвом мчался, как обезумевший весною мант, а крушил на своём пути лес — как целое семейство мантов. За ним оставалась широкая, вся изрытая тропа, по которой на задних двух лапах двигались другие, маленькие враги, возможно, детёныши большого. Каждый из них — как приличный зверь размером. Грей испугался, короткая жёсткая шерсть у него на загривке стала дыбом, вдоль хребта вздыбились костяные отростки позвонков — как у всех.

— Разведай, — велела Матриарх одному из сыновей. — Будь осторожен!

— Ласкою твоею, Мать, — ответил тот и исчез в траве, быстрый, как молния.

Семья отошла от логова на безопасное расстояние, обсела большое дерево, оттуда смотрели, там ждали. Детёныши осмелели вдали от шума, принялись играть в ветвях, ловить жуков, но взрослые мусты были настороже.

Не успел Дневной Глаз зажмуриться, как дядя вернулся, с глубокой раной в плече, весь в крови.

— Царапина, — презрительно бросил он, когда Сёстры принялись зализывать.

— Что ты видел? — спросила Бабка. — Что ты узнал, мой сын?

— Большую, шумную зверюгу не прокусить, очень твёрдая шкура, — ответил дядя. — Я сломал о неё клык, — он ощерился, показывая. — Но в ней, внутри, сидит маленький зверь, бесхвостый, такой же, как и те, что идут на задних лапах по тропе следом. Сидит, словно плод в самке, она несёт его в себе, а он помогает ей идти.

— Плод помогает идти?! — фыркнула Мать Грея, но Бабка взглядом велела ей молчать.

— Помогает, двигаясь. Когда он прекращает шевелиться, большая зверюга замирает. Я подумал, что дело именно в них, в маленьких. Двухногих, без хвоста. Я подумал, что это не семья, они с большой тварью — словно птицы на быке, всегда рядом, вроде блох. Я напал на одного.

Молодёжь заволновалась, Сестра Грея взвизгнула и застонала от восторга.

— У него в лапах был гром, — продолжал дядя, — и очень острый коготь. От грома я увернулся, но когтем он меня ударил. Его шкура тоже твёрдая, хоть и мягче, чем у огромной зверюги.

Семья встревоженно перекликалась.

— Я прокусил его шкуру. С трудом, но прокусил. Мой рот наполнился кровью. Меньшие враги — уязвимы, хоть и опасны со своим громом в лапах и острым когтем.

— Ты пришёл в его крови, — подумав, сказала Матриарх. — Значит, это не враг, а добыча.

— Третий, как слышно? Приём.

— Первый, слышно нормально. Что у тебя?

— Третий, на меня напала какая-то тварь. Прокусила комбез. Смените меня кем-нибудь.

— Первый, отходи на базу. Что за тварь?

— Третий, без понятия. Я толком и не рассмотрел. Что-то вроде крупной ласки, но с шипами по хребту. Очень быстрый. Я успел рубануть мачете и задел, но оно как прыгнет метров на пять! И ушло. Весь рукав кровью заплыл, пока жгут наложил.

— Первый, понял, готовлю мед капсулу.

И диспетчер энергостанции компании по добыче янтаря отключился.

Чёртова земля, проклятое урочище! Валентин ненавидел лес с его огромными деревьями, гигантскими папоротниками, буреломом, влажностью и непролазными чащами, где всё живое хотело тебя убить: растения — отравить, насекомые — ужалить, а звери — сожрать. Он проклинал тот день, когда, соблазнившись большими деньгами, пошёл за Ручей охранником. Просто компания по разработке ископаемых, говорили в центре занятости. Высокая зарплата, прекрасный соцпакет! Уже тогда было понятно, что где-то кроется подвох, но что поделывать, если ты родился мужиком, да ещё ухитрился жениться и размножиться? Сыновья-близнецы выросли, пришла пора подумать о профессии, а ВУЗ жена рассматривала только самый приличный. И тут хоть тресни, хоть порвись на коловрат — нужны большие деньги кроме военной пенсии.

В группе георазведки было шесть человек охраны. Он и пять мусоров-отставников, четверо — отъявленные уроды, а один неожиданно оказался нормальным парнем. Вооружили их отлично, словно на войну, для защиты дали прочный комбез с металлической сеткой внутри ткани, практически броню. По сути, не охрана, а настоящее ЧВК. Сперва Валентин удивлялся и думал, зачем такой эскорт экскаватору да машине с геологом? Пока, однажды, на группу георазведки не выскочила тварь размером с небольшой дачный домик, похожая на ублюдка пещерного медведя с саблезубым тигром. Кто кого в этой паре выебал Валентину было плевать, играло роль лишь то, что уложить саблезуба удалось только с пятого выстрела, а стрелял он метко. Потом был бешеный самец-рогач, как для краткости называли местных слонобразных, похожих размерами да волосатой толстой шкурой на мамонта, только без бивней, со здоровенными рогами на башке. Этот, пусть и травоядный, раздавил в лепёшку машину геологов и растоптал двух охранников, пока удалось его укокошить. А теперь эта хищная мелочь.

Постанывая, он вернул рацию в специальный кармашек.

Глубокая рваная рана, оставленная маленьким, в сущности, зверьком, адски болела. Слава богу, у него была аптечка с турникетом, которым Валентин остановил кровотечение из разорванной артерии. Также в аптечке валялась наркота, святой присно блаженный промедол, добрый и верный товарищ. При помощи приятеля Валентин ввёл себе обезбол.

— Вот так, калечимся идохнем за чужое бабло, — сказал приятель.

С тех пор, как Нулевые Точки решили все вопросы с энергией, алмазы и золото перестали цениться, зато янтарь внезапно вырос в цене до космических масштабов. Дальше за дело взялись корпорации. Если иномирье, фактически принадлежавшее всеильному "Ручью", географически являлось той же Землёй, но без человека, значит и разведанные залежи идентичны — решил какой-то умник. А раз Ручей продаёт лицензии и предоставляет бизнесу точки доступа-перехода — нужно выжать из нового мира всё, что тот сможет дать.

— Вот это зубы! — перекрикивая грохот экскаватора, кладущего трассу к будущему

месту разработки, констатировал товарищ и прижал к ране гемостатический бинт. — Гляди, армированный комбез прогрызло! Такие зубы сокрушат любого инозавра. Слава богу, что зверушка была мелкая!

— И одна, — добавил Валентин, переводя дух.

Он почувствовал, как наркотик растекается по венам, а боль отступает. Мир сразу стал светлее, а полный опасностей дикий нетронутый лес — уютнее.

Валентин как раз садился на скутер, когда зверьки посыпались со всех сторон. Они прыгали с веток деревьев над головой, подобно баллистическим снарядам вылетали из высокой травы. Коллеги открыли огонь, какие-то бестии упали и остались лежать, мёртвые, словно камни, на которые пролилась их кровь, но на место павших приходили новые. Десятки оскаленных пастей, готовых рвать живую плоть, превратились в сотню, в целый сонм полных ярости бестий!

Валентин увидел, как юркие гибкие тела облепили его товарищей, и стартанул. Он слышал грохот выстрелов и гневные вопли, быстро переросшие в крики боли, и со всей силы давил на газ. В конце просеки притормозил и откинул стекло шлема, чтоб получше разглядеть побоище за спиной. Земля была усеяна мёртвыми зверьками, но никто из коллег больше не шевелился, их разорванные комбезы были залиты кровью, а чёртовы твари, как одна сплошная, живая, шевелящаяся шкура, облепили со всех сторон экскаватор. Даже издали он слышал скрежет зубов и когтей по металлу и стеклу — звери пытались дорваться до кабины с перепуганным водителем. Сердце замерло от животного ужаса и эгоистической радости.

— Слава тебе, господи, спасся! — Валентин размашисто перекрестился дрожащей здоровой рукой, когда его ударило по спине, словно добрый знакомый догнал в толпе и хлопнул с ладонью.

Узкая морда с чёрным носом и иссиня-чёрными, без белков, глазами, высунулась из-за плеча и ощерилась, словно ухмыляясь: приве-е-ет, Валик! Он махнул в ту сторону мачете, но юркое тело извернулось, тварь легко ушла от удара и выскочила на грудь из-под руки. Он успел увидеть торчащий между зубами длинный язык. На светлом брюшке висели набрякшие небольшие сиськи, как у щенной суки — это была кормящая самка. А после руку с мачете оплёл длинный хвост, острейшие зубы впились в лицо раз и ещё раз, вырывая куски плоти, словно тварь хотела прогрызть дорогу ему в голову.

Хвала господу за малые радости — благодаря наркотику умер Валентин без боли.

— Не буду есть, каша невкусная!

— Барышня Капитолина, не капризничайте!

— Тогда расскажи мне сказку про станцию, где мы живём!

Капелька торговалась, но накормить её непременно следовало.

— Начиналось всё будто в анекдоте с академической бородой, — шутливым тоном сказала Лана.

Вряд ли Капелька в свои пять лет знала, что такое академическая борода, но слушала эту историю с любопытством уже пятый раз, заодно не забывая периодически открывать широкий рот для ложки овсяной каши с фруктами.

— Собрались однажды два десятка учёных орангутанов, — Лана сноровисто заправила кашу по назначению. — Как думаете, коллеги, удастся ли нам на новом, преонном коллайдере получить кварк-глюонную плазму в промышленном количестве?

Глазки Капельки были преисполнены восхищения от кучи настоящих взрослых слов.

— Конечно, для того и построили.

— А на старом преонном коллайдере, мы уже получаем кварк-глюонную плазму?

— Однозначно, профессор.

В углу пищеблока шебуршали улитки. О ксенобиологии Лана имела самые общие знания после краткого курса в сотню часов, или оправдывала так собственную невнимательность и скверную память. Угостить отравой шустрых беспозвоночных с пёстрой ракушкой было не по-агрономски жалко, а сбор и вынос за пределы помещения, на территорию станции, привел только к тому, что теперь улитки встречались везде: на кустах, в траве, на клумбе, которую Лана разбила у двойного стального забора, в винограде и на фруктовых саженцах. Станция автоматически поддерживала в заборе высокое напряжение, к счастью, внутренняя часть была надёжно изолирована.

— А если мы, помолясь, столкнём на скорости света два потока кварк-глюонной плазмы, что выйдет?

— Ньютон его знает, надо попробовать...

— Синхронизация йотосекунда!

Позади станции Лана посадила розы, клубнику, ещё один сорт винограда и яблони. Улитки ползали и там, причём, всеядные, вредили существенно.

Последняя ложка каши отправилась в рот и дальше, в животик.

— Что такое помолясь? — спросила Капелька. — Дай ещё сока. Чем сегодня займёмся?

— Может, начнём улиток ловить и через забор ими кидаться?

В прессе немало описывали историю появления Ручья, главного научного открытия человечества. Серьёзные источники утверждали, что именно так проблему энергетики решить и собирались, согласовали эксперимент в ООН и даже утвердили в бюджетах стран, её членов, чтобы по всей матушке Земле в одночасье открылись тысячи больших и малых энергетических потоков — ручейков, текущих из самой ткани пространства и времени. Несерьёзная, жёлтая пресса писала о массонском заговоре, утверждая, что добрая половина учёных, участвовавших в эксперименте, относится к этому ордену, о рептилоидах, таким образом пытавшихся пробить дорогу в наш обжитый мир, даже были публикации, в которых

утверждалось, что появление Ручья доказывает плоскость Земли. Ничто из этого не меняло того факта, что теперь из тысячи источников текла свободная энергия, искрясь всей цветовой палитрой свободных кварков, светясь и переливаясь. А посередине каждого потока образовалась нулевая точка — отверстие в соседнее измерение, иной мир, увитое молниями статического электричества.

Ужаснувшись и восхитившись делу рук своих, потомки диких волосатых людей, придумавших колесо, придумали накинуть на порталы железобетонный колпак и подключить провода к ближайшей электросети. Так, под эгидой ООН, появился "Ручей", новая всемирная энергосистема, и всемогущая организация с тем же именем, контролирующая как энергетические потоки, так и всю территорию иномирья. Прекратилась нехватка энергии — началось изобилие. Голодных накормили, голых одели, страждущих утешили, экономика со скрипом встала на новые рельсы. Тут, как обычно, богатые стали ещё богаче, разумеется кроме тех, кто не смог приспособиться и разорился. А на иной стороне оказался близнец Земли, только без человечества, с собственной флорой и фауной, порой — прелестной, мирно живущей в замкнутых экосистемах, на островах, а порой — смертельно опасной, привыкшей к борьбе за выживание, но неизменно удивительной. Нет предела человеческому любопытству и корысти! На иной стороне строились институты и копались учёные, туда лезли военные, испытывать новые виды оружия, там строились максимально изолированные тюрьмы для самых опасных преступников, там паслись дельцы, браконьеры и чёрные копатели, туда шастали любители пощекотать нервишки да авантюристы всех мастей. Разумеется, крупный бизнес старался добиться разрешений на разработку новых ресурсов. Но первая и основная функция Ручья оставалась неизменной — энергетика, а для этого у порталов строились защищённые станции, или модули нулевых точек. Их смотрители, Светланы с Сергеями, Мэри с Джонами, Сем Цены с Ли Хунами по всему иномирию сидели в бункерах и дважды в день, строго по будильнику, поворачивали рычаг коллектора, ровняющего плазму. Отчего же приходится делать это вручную? Оттого, что автоматика у самой Нулевой Точки не работает. А Света, Джон и Ли работают, вот и всё.

Быть смотрителем — несложное дело, от того и зарплата минималка, зато достоинства неоспоримы: бесплатная еда, тишина и свежий воздух с повышенным количеством кислорода. В случае Ланы ещё и бесплатное жильё. Самое место для художника, поэта либо писателя, но и агроному подойдёт, особенно, если некуда деваться.

По воскресеньям давали выходной, тогда Лану менял старичок-микробиолог, являвшийся с резиновым чемоданом, полным пробирок и чашек петри. Лана с Капелькой уходили назад, в большой мир, точнее, на территорию ОЗДЖ, где были живые люди, два кинотеатра, с десятков кафе, маленький контактный зоопарк с безопасными иномирными формами жизни, гидропарк и луна-парк, а старичок снимал пахнущий озоном переходной скафандр, надевал защитный комбинезон, ярко-алый, армированный, и выходил за территорию брать пробы. Если старичок собирался далеко, его провожал универский охранник с парализующим ружьём — станция Светланы стояла на солнечном, лысом пригорке, но в зоне видимости простирался ельник. По словам старичка, там даже грибы вполне съедобные росли.

Лана никогда не проверяла, ещё чего! Никакие грибы не стоили риска. Ведь за ельником, сколько видел глаз, простирался нетронутый дикий лес, огромный, зелёный, живой океан. Оттуда доносились крики диковинных зубатых птиц и утробный рёв зверей,

оттуда приползало и приходило разное живое, и слава богу и охранной системе станции за тот самый двойной стальной забор под напряжением — внутрь забраться не могло.

Случались и трагедии. Самая «масштабная» — с рогаками. Однажды явилась самка с детёнышем и под ликующие вопли Капельки принялась бродить вокруг забора.

— Мама, гляди, какие милые!!!

Даже маленький милаха легко бы растоптал её. Воняли оба так далеко, что слышно было невооружённым носом. Рогачей сопровождала стая мух и слепней. На всякий случай Лана поспешила забрать дочку с улицы, хотя её не раз уверяли в абсолютной безопасности внутренней территории. На станции, чтобы Капелька прекратила рёв, Лана усадила её перед мониторами, велела внимательно следить за рогаками онлайн и вести видео-журнал. Это была важная миссия и Капелька согласилась отереть слёзы.

Густой клочковатой шерстью и размерами рогаки походили на мамонтов, огромные бошки венчали крутые рога, у самок — небольшие, у самцов — огромные, увитые кольцами. Башка-таран, башка — оружие, ими самцы бешено дрались в период гона, с грохотом и треском сталкиваясь гигантскими тушами и круша лес, ими же среди морально нечистоплотных соотечественников Ланы стало популярным украшать жилище. Даже Павор подумывал приобрести такие у браконьеров.

— Буду с рогами, хе-хе, — говаривал он.

Но это же соображение мудака и остановило.

— Плохая примета, — решил Павор и варварского украшения с комод размером покупать не стал.

Сперва в забор ткнулся безрогий ещё малыш, похожий на медвежонка и слонёнка-переростка, его отшвырнуло ударом тока. Обижено вереща, он поднялся на свои волосатые ножки-столбики и бросился к матери. Самка подслеповато прищурилась, тупо разглядывая непонятную шгуку, вдруг напавшую на дитё, фыркнула, взревела и, по-бараньи опустив голову, ринулась в атаку. От удара невероятной силы станция вздрогнула, а в толстенном стальном заборе осталась глубокая вмятина. Рогачиху шибануло на помин души, если у животных бывает душа, конечно. Огромная туша сперва прилипла к прутьям, дрожа и сотрясаясь, затем её, дымящуюся, отбросило прочь. Самка тяжело повалилась, взбрыкнула ногами и вытянулась. Детёныш бродил вокруг, громко плача, трогал мордой, пытался поднять, теребил остывающий сосок — ужасное, жалкое зрелище. Капелька снова расплакалась, Лана еле успокоила её.

Перепуганная, позвонила инженеру по технике безопасности и Марье Ивановне.

— Неприятность, шит снова хепенс, — сказала та. — Жди, я пришлю кого надо и приду, сама не выходи, веди видеозапись.

Рогачёнок не отходил от тела матери. То горевал, то вдруг играть принимался, как дурачок, то снова начинал плакать и толкать неподвижное тело. Вечером запищали двери модуля — пожаловали гости. На станции сразу стало тесно.

— Чай сделать? — спросила Лана.

— Если можно, кофе, — ответил инженер по безопасности. — Без сахара.

— А мне с сахаром, — сказал мужик, оказавшийся ветеринаром.

Также было два зоолога, всего — трое из ксенозоозищаты, двое рабочих с инженером и сама Марья Ивановна. Они сняли переходные скафандры, облачились в защитные комбезы для улицы и заняли весь пищеблок. Огромную тележку с подъёмником и резиновыми мешками поставили во дворе. Все напились кофе и чаю, кроме мрачной девушки-зоолингвистки.

Та с негодованием зыркала на коллег — как можно кофе пить, если рогачи погибают?!

— В дикой природе ему не выжить, — пояснила Лане кураторша. — Заберём в институт, пока в парке загон поставим, а там видно будет. В Саванна-терру, может, отдадим. Слоны у них живут, целых три земных, африканских, и два шерстистых ксеноносорога, найдётся место и этому.

Началась операция по отлову.

Детёныша усыпили из ружья слоновьей дозой седатива, ограду отключили. Ветеринар приладил ко рту спящего зверя аппарат с порционной подачей кислорода, зафиксировал. Переругиваясь, пыхтя и тужась, зоологи облачили рогача в огромный мешок, сделанный из того же материала, что их собственные переходные скафандры, подъёмником загрузили на тележку и через нулевую точку отчалили, только запах озона и остался. Рабочие с инженером задержались, чтобы починить повреждённый участок ограды. Экскаватором вырыли целый котлован и там закопали тушу рогачихи.

— Что с маленьким? — спросила Капелька у Марьи Ивановны на прощанье.

— Выкормим, всё будет в порядке, — ответила та. — Вырастет здоровым, все заборы перебодает.

В тот день, внепланово, с разрешения руководства, пока на станции работали инженер с помощниками, Лана с Капелькой сходили «в мир» на чудесный новый мультик.

Забор после ремонта остался частично повреждённым — теперь наружная его сторона не просто отбрасывала зверей, а сразу убивала высоким напряжением.

— Заказали изоляцию, починим на следующей неделе, — сказал инженер по ТБ.

Неделя растянулась в месяц, за этот месяц у забора появилась кличка — Убийца, а у Ланы неприятная новая обязанность — закапывать обугленные трупы присевших любопытных птиц.

Глава 6. Павор

— Встать, суд идёт!

Павор поднялся и оправил натянутый на животе пиджак. Надо взять себя в руки, заняться с тренером и прекратить жрать, но как? Работа у Павора нервная, теперь ещё и суды кровь сосут. Для восполнения высосанной крови Павор ел еду, закусывал пищей и загрызал десертом — молочным шоколадом с целыми лесными орехами, источником эндорфинов. Ну и запивал ликёром, чего греха таить. Разумеется, поднабрал немного на стрессе.

Его защитник, бывший полицейский и теперешний совладелец адвокатской канторы Виктор Юхимович тоже встал, меланхолично перелистывая пальцем документы в наручном компе-часах, готовился по мере требований подавать картинки на экран. Голова у Юхимовича была продолговато-вытянутой, как яйцо, короткая стрижка только подчёркивала эту смешную физическую особенность адвоката.

— Что он может порешать, яйцеголовый? — фыркнул Павор сперва.

— В бракоразводных водах он — акула, — уверял в ответ Толик, рабочий юрисконсульт, знавший всё и вся. — Да и вообще, Витёк — решала высокого класса, помяните моё слово.

Кривясь и корчась, Павор согласился, о чём порой жалел. Хвалёная акула смогла выбить из судьи ровно то же, что любой обычный адвокат — полгода отсрочки. Развод Павор давать не хотел, кричал, что любит Светлану и ждёт её возвращения, что готов принять и простить, что не держит обиды и жить без неё не может, он едва не плакал и заслужил ебаный Оскар, в какой-то момент даже сам поверил, что мог бы простить Светлане этот длинный и мерзкий, как дохлая змея, скандал, в котором Павор выглядел дурак дураком, осмеянным, осуждённым и порицаемым. «Это который Мусорщик, от которого жена ушла?» Он бы охотно убил гадину, если бы мог.

Заседание было уже третьим. Как на зло, судья ему попался скверный: седой и преисполненный достоинства армянин с густыми чёрными усами. Господи, как же Павор ненавидел мясистый нос судьи и неуступчивые усы, лишённые пороков и порочных родственников усы, потому что любая слабость судьи, его жены либо сынишки пригодилась бы Павору, слабость — это тот костерок, в который можно подбросить соломки из ноликов, но усы были непорочны, как святая дева. Оставалось тянуть время и ломать комедию.

Действия яйцеголовый Виктор предпринял обычные и действенные: нашлись «близкие друзья семьи» и «вхожие в дом коллеги», которые выступили в защиту Павора, называя его прекрасным семьянином, образцовым отцом и мужем. Сосед, живущий «забор в забор» с правой стороны его дома тоже свидетельствовал в его пользу, но сосед с левой стороны оказался сукой и не пошёл, он всегда ненавидел Павора, считая, что тот отжал кусок его газона. Очередная клевета, не газон это вовсе был, а захламленный кусок, рассадник крыс, который едва ли не клином заходил в участок Павора. Иди к чертям, без тебя разберёмся!

Но настоящей находкой, королевским янтарём в ожерелье защиты стала тётка Светланы, молодящаяся старая кобыла, добытая лично Павором. Она не только явилась в суд хвалить зятя, но и показала видеоролик, в котором сыграла оскорночную роль актрисы второго плана, перебирая и называя вслух брендовые вещи в чехлах из гардероба племянницы. Ролик к отсрочке в разводе и привёл — дали время на примирение, как ни пыжилась, как ни ярилась стриженная шалашовка в мешковатых штанцах по щиколотку,

адвокатка Светланы.

Тётке Павор подогнал электрокар, они расстались со всем взаимным удовлетворением.

— Ты всегда мне нравился, Павруша, — сказала она, усаживаясь за руль, и улыбаясь пухлыми, обколотыми губами — дань прошедшей молодости. — Я, как в первый раз тебя увидела, сразу моей дурочке сказала — Ланка, солидный мужчина, а красивый какой!

— Да ладно вам! — польщённый Павор рассмеялся.

«Вдуть старушке, что ли?» — подумал он на радостях, но дальше мыслей дело, слава богу, не продвинулось.

— Послушайте, Павор Игнатьевич, — сказал яйцеголовый, когда они остались без лишних ушей. — Отсрочку мы получили, но вы поймите, если жена будет упрямо держаться своих требований, вас всё равно рано или поздно разведут.

Слышать это было неприятно. Павору хотелось, чтоб Светлана вернулась. Уж тогда бы он оторвался. Уж тогда бы он за все плевки, за все косые взгляды в его сторону отомстил, без сомнения. И бить не понадобилось бы. Но по большому счёту на это можно было плюнуть, главное — забрать дочь. И потому, что единственного ребёнка Павор по настоящему любил, и потому, что лишившись Капельки, стерва так настрадается, что любо-дорого.

— В случае неминуемого развода я хочу лишить жену прав на ребёнка, — сказал Павор.

— Несомненно, на тех основаниях, что общество матери опасно для жизни и здоровья дочери? — осторожно спросил адвокат, улыбаясь краем рта.

— Именно так.

— Тогда неплохо бы узнать, где находятся ваши женщины, чем занимаются, эксэтра.

— Цена вопроса? — спросил Павор.

Глава 7. Грей

Семья пересчитала павших бойцов и Матерей, получилось, как зубов во рту и когтей на пальцах — слишком много. Бывалые, взрослые мусты ходили хмуро. На рассвете Матриарх собрала всех, от мала до велика, в логове. Пришёл и Грэй, напуганный и... вновь опозоренный. Потому что проклятый гейм спал крепким полуденным сном. Пока семья в слиянии билась с нашествием опасных двуногих зверей, Грей трясся в стороне, наблюдая, как родичи гибнут один за другим.

Он видел разные битвы, но впервые такую странную, когда после каждого удара грома кто-то падал замертво и уже не шевелился. Гром убил многих, пока мусты не поняли, что надо изворачиваться.

Он видел, как ранило в живот Сестру, и как она, влекомая геймом, ползла в бой на передних лапах, а задние и хвост безвольно тянулись следом. Сестра вцепилась-таки в двуногую, прежде чем умереть, а там и другие подоспели. Когда тот упал, уже не смог бить громом, просто кричал гортанным резким криком.

Грей видел, как одна из Матерей, с чёрными от гейма глазами, бросилась вдогонку за убегающим двуногим и прыгнула ему на спину в тот миг, когда тот обернулся. Мать убила его в одиночку, так велика была её ярость.

Он помнил, как семья пыталась прогрызть шкуру огромного, главного зверя — всё без толку, одно хорошо — хоть зверюга рычала громко и грозно, но никого не убила. Потом родичи нашли лаз в утробу, будто в логово или древесное дупло. Тогда решилось быстро: без грома, с одними когтями, двуногие оказались слабыми и ни на что не годными, примерно как сам Грей.

Он так и не смог слиться. И он ничего не почувствовал, кроме страха. Всех утащил полноводный ручей гейма, не считая детёнышей. И его.

Матриарх взобралась на камень.

Бабка была ранена в плечо, передняя лапа вчера ещё висела как сломанная ветка, но Матери целую ночь лизали рану, длинными тонкими языками вылизали кусок странного камня, и рана стала срастаться.

— Такое уже случалось раньше, — сказала Матриарх, — в те времена, когда я сосала свою Мать. На логово набрёл безумный, истекающий слюною патр. Он убил много мустов моей семьи, пока издох. И вслед за ним издохли все, кто бился с ним и ел его мясо, остались детёныши, да пара Матерей. Но семья смогла окрепнуть и подняться вновь. Семья стала ещё сильнее — тела тех, кто выжил, научились не болеть от ядовитой плоти слюнявых зверей. Каждый из вас несёт мою здоровую кровь, и те чужачки, что приходят из других семей к моим сыновьям, унесли её с собой. Семья всегда поднимается, мы расплодимся вновь.

Мусты взволнованно переговаривались.

— Таких зверей мы не видели! — крикнула одна из Тёток Грея.

— Но мы смогли их победить, — ответила Матриарх. — Враги стали добычей. Теперь мы знаем, в чём их сила, слабость, и убьём всех, кто придёт следом. Пусть мои Дочери и Дочери Дочерей идут в чужие семьи, в болото и на скалы, и вернутся непраздными.

Среди родичей мусты никогда не искали пару, а шли в далёкие семьи. Порой и к ним захаживали чужачки в течке, поискать отца своим детям, оставались на пару дней, затем

возвращались к своим. Выбирали всегда тех, что старше, крепче и бывалее. Мать не раз с гордостью говорила Грею, что его отец был старым воином, покрытым шрамами.

— Чтобы семья процветала, чтобы рожали наши Матери и росли новые воины, — продолжила Бабка, — она должна очиститься.

Матриарх умолкла, и тьяканье других затихло тоже. Вдруг Грей понял, что Бабка смотрит прямо на него. И другие мусты смотрят на него. И только Мать отворачивается. Внутри, за грудиной всё сжалось от ужаса и стыда.

— Пустой, увечный, немощный — прочь! — приказала Матриарх.

— Прочь, прочь, прочь! — закричала семья.

Грей попятился.

— Убирайся! — крикнула вторая, оставшаяся в живых Сестра. — Лучше бы ты погиб, а не она!

— Прочь, пустой! — несло со всех сторон.

Родичи резко двигали головами, щерились в его сторону, дыбили шипы на спинах, и Грей попятился ещё ближе к выходу.

— Пустой! Чужой! Ничей!

Кто-то подтолкнул его сбоку, и он сжался от ужаса, что начали бить, но это оказалась Мать.

— Беги! — шепнула она. — Хорошо прячься, будь осторожен.

— Прочь! Прочь! Прочь! — кричали родичи, недоброжелательно приближаясь.

Он весь подобрался, готовый к стремительному бегству.

— Я приду, когда твой гейм проснётся, — тихо сказала Мать, умеренно скалясь на родню: ащц! — Я услышу тебя.

— Этого не будет, — с горечью ответил Грей, — прощай!

И выскочил прочь.

Он помчался куда глаза глядят, изо всех сил. Прыжками, от ствола к стволу, нёсся сквозь лес, временами останавливался отдышаться да воды из лужи попить, и снова бежал от жгучих слов «пустой» и «прочь», как от врагов. Вдали от логова пришёл в себя, на всякий случай стал путать след — вдруг кто большой учует, поймает и съест. Забегал вперёд, возвращался, прыжками взлетал на ель, перепрыгивал на соседнюю, спускался, цепляясь хвостом, и мчался дальше, к светлому краю впереди. Влетел в белизну на полной скорости, оторопел и замер столбиком.

Грей сидел неподвижно, старался отдышаться, принюхивался и таращил глазёнки, едва не ослепшие с непривычки от яркого света и обилия пустого воздуха со всех сторон. Понадобилось какое-то время, чтобы глаз настроился и вновь стал зорким.

Ни кустов не было впереди, ни укрытий, просто огромное голое место. Удивительное дело — здесь росла одна трава, над нею в небе пылал Дневной Глаз и летали птицы и крыланы, а лес закончился. Где прятаться? Как охотится та семья мустов, что живёт неподалёку? А потом вдруг понял, что других мустов поблизости нет и быть не может.

И вовсе не потому, что Грей не слышал их запахов и не видел территориальных меток — на лысом холме стояло нечто такое странное, что Грей сразу вспомнил огромную зверюгу, нёсшую двуногих с громом. Оно было чудовищно огромным, неподвижным и молчаливым. Не скала, не дерево, а невесть что. Грей залёг в траву, убедился, что можно проскользнуть под листьями, кое-где прижаться и сойти за камень, а значит крылан не унесёт. Ветер дул на Грею, нёс тяжёлые, невкусные запахи двуногих — их шкур, палок и

странных, ползущих зверюг.

Аккуратными перебежками, принюхиваясь и поглядывая во все стороны, он двинулся вперёд так осторожно, как мог.

«Я буду тихим, — думал он, — и терпеливым. Мои глаза станут смотреть, а уши слушать. Я многое узнаю и запомню. Знания о новых врагах пригодятся».

Подобравшись поближе, он притаился. Стоял недвижимый, невидимый — серая жёсткая шесть практически сливалась по цвету с камнем, за которым он прятался. Мелкие грызуны выползи из нор и суетились у самого его хвоста, не видя Грея, даже не догадываясь, что его длинное, сильное тело — не камень. Простая добыча, к тому же, приличный в его положении перекус, но Грей проигнорировал мышиную возню — он весь превратился в слух, зрение, обоняние и терпенье. Это было не сложно, ведь терпенье — первое, чему Мать учит детёныша: жди.

Не успел Ночной Глаз открыться на небе, как он уже кое-что узнал. Грей был прав, он набрёл на логово двуногих. Из норы по многу раз выбегал, а затем вбегал детёныш, шумел в окрестностях и резвился. Грей подумал ещё — ничего не боится! Видно, за ним большая семья. Иногда выходила самка, они с детёнышем перекликались голосами высокими, как у крыланов, и делали непонятное, и рылись в земле, и игрались в охоту. Но больше никого Грей не насмотрел и не насчитал. Где самцы с грубыми голосами и громом, их воины? Где другие Матери с потомством? У этих он не видел даже когтей.

Ночью двуногие, вместо того, чтоб идти на охоту, укрылись в логове, наверное, спали. Он побродил по округе, нализался росы и подкрепился чем луг послал — теми же мышами и кочами. Обнюхал всё, что мог, ни на миг не теряя бдительности, но из логова больше никто не вышел. Грей расслабился и чуть не проворонил опасность — огромную крылатую тень, совершенно бесшумную в ночи. В самый последний момент увернулся от удара огромных изогнутых когтей ночного крылана и клюва, полного острых зубов. Муст без гейма — просто добыча, кусок мяса. А мясо должно прятаться, если не хочет, чтоб его сожрали. Грей петлял в густой траве, уходя из-под ударов крылатого хищника, запутал его и сбежал, потом забился в щель между корнями, там угрелся и до утра подрёмывал. Отдохнул прилично.

На второй день расслабился. Он уже открыто прогуливался и ловил мышей вокруг своего камня — детёныш с самкой были невнимательны и не видели его. «Для семьи оба — плёвая добыча, — с презрением думал он. — Они пасутся словно неповоротливые сайсы, а бегают хуже». Он подобрался ещё ближе, почти не скрываясь, а его всё так же не замечали. «Скоро я у них под носом разгуливать буду, — кичливо подумал он, — а они меня не учуют! Нелепые враги...»

Грею стало смешно — ведь он сидел на расстоянии хорошего прыжка, присмотритесь, двуногие! Его как следует учили ждать, таиться и охотиться. Жаль, что наука без гейма словно прелые старые листья — ни на что не годится. Как и муст.

Вокруг логова тянулись толстые прямые ветви, образующие нечто вроде пчелиных сот — ещё один неестественный и гадкий признак двуногих. Они торчали из земли вокруг всего логова, там, за ними, детёныш с самкой и гуляли. Дырочки были малы на вид, сквозь них Грею не пролезть, а вот наверх по ним забраться и спрыгнуть можно запросто.

Грей нашёл возвышенность, как следует прицелился, взял разгон и, балансируя хвостом, прыгнул напрямик на соты — самый длинный прыжок в его жизни.

А затем раздался треск, будто дерево упало, и невидимая, страшная сила сжала горло, сковала кровь в его жилах и ударила о землю так, что свет вокруг померк и разом вышибло

дух. Он ещё услышал крик двуногого детёныша — его наконец-то заметили, учуял горелую вонь собственной шерсти и плоти в тех местах, где он коснулся сот, и всё укрыла тьма, уютная, как тёплый угол семейного логова. В ней исчезли стыд, боль, запахи и звуки.

Глава 8. Лана

— Мама! Мамочка!!! — разрывалась Капелька.

«Да что там снова?! — в панике вытирая руки, подумала Лана. — Ей богу уйду из зрителей, только до развода пересажу, и уйду куда угодно...»

Она как раз растёрла творог с яйцом и сахаром, чтобы сделать ванильные сырники им на ужин, но, кажется, ужин откладывался.

— Мамочка, зверька забором убило! — рыдала Капелька, показывая пальцем за ограду.

И в самом деле, на земле валялась скорченная тушка какой-то мелкой живности размером побольше кошки, шерсть зверька обуглилась, на груди зияла глубокая рана.

— Вот дерьмо, — сказала Лана, изучая трупик.

— Плохой забор, ужасный! — вопила дочь, топая ногой и угрожая забору кулачками.

— Хороший забор, защищает нас от фауны. Иди-ка в станцию, — ответила Лана. — Проверь, выключила ли я сковородку.

— Мерзкий Убийца!

Чтоб не разводить антисанитарию, детские слёзы, мух и скверные запахи, новую жертву забора следовало по-быстрому закопать. У Ланы уже было собственное кладбище диких животных: незабываемая самка рогача, два стервятника, большая летучая мышь и нечто сродни филину, только зубатое, что ж, найдётся место и для хорька.

Согласно инструкции, требовалось надеть защитный комбез, отключить по периметру ток, открыть замок, выйти, закрыть замок, временно подать тока с пульта, сделать нужные дела снаружи (пробы почвы, забор воды или погребение зверушки) и повернуть всё в обратном порядке: отключить, открыть, зайти, закрыть, включить рубильник. Когда у Ланы, ещё школьницы, умер пекинес, его забрали на утилизацию, но здесь подобной службы не было, в отличие от рыдающей дочери. Слёзы Капельки ускорили дело. Ругаясь на сломанную изоляцию и неторопливую службу поддержки, Лана быстро оделась.

— Чёртовы лодыри, — бормотала она, — небось, если бы сломался главный рубильник и прекратилась подача энергии в коттеджи и офисы, наверняка бы всё как надо сделали, а тут, ну подумаешь, птицы сдохли...

Она непременно пожалуется Марье Ивановне, а та ускорит починку. У Ланы, в конце концов, ребёнок, а у ребёнка уже стресс.

Обесточила.

Маленькая калитка из двойных стальных прутьев рядом с большими железными воротами гулко клацнула, закрываясь за её спиной, и забор Убийца снова заработал. Опираясь на лопату как на посох, Лана подошла к зверушке.

— Прости, чувак, — сказала она, воткнув лопату в землю, — я твой могильщик.

Чувак в ответ чихнул. Лана подпрыгнула от неожиданности, затем наклонилась рассмотреть. Немыслимо, но зверёк был жив. Обожжённый, с глубокой раной от впявшегося прута на груди, он дышал, ноздри крохотного носа тихонько расширились и сужались. Удивительно и совершенно невероятно, впрочем, второго дня рождения не получилось бы.

— Всё равно сдохнет, — сказала Лана вслух. — Просто быстро добей и закопай.

Прозвучало крайне скверно.

Она присела на корточки.

Должно быть, живым-здоровым зверёк смотрелся симпатично. Он походил на ласку-переростка, только хвост был толстым и мускулистым, скорее всего хватательным, а на затылке и холке имелся небольшой костяной гребень, как у ящерицы. Цвета зверь был серого.

Приносить фауну «извне» правила эксплуатации станции запрещали, но кто им следовал? К примеру, ксенобиологи из универсальной работы Марьи Ивановны ловили птиц и собирали беспозвоночных для своих диссертаций. Иномирной некрупной фауной наполнились контактные зоопарки. В холле на станции стояла оставленная кем-то большая птичья клетка, если открутить от неё крышку, получится приличное помещение для передержки. Хватит места и лотку с опилками, и миске с водой, и подстилке, поспать в тепле и безопасности.

— Сдохнет — закопаю, а если оправится — сразу выпущу, — сказала Лана, и это прозвучало гораздо лучше, чем «просто добей».

Она взяла зверька на руки — тот был лёгким, и в самом деле, чуть тяжелее кошки, и понесла вовнутрь. Ещё во дворе увидела, как открылся ярко-жёлтый глаз с круглым зрачком. Глаз глянул на Лану с ужасом и тут же зажмурился. Кажется, новый знакомец был не прочь улизнуть, только не мог.

— Не бойся, не обижу, — с улыбкой сказала Лана.

Позже она не раз вспоминала эти свои слова. Тогда она ещё не знала, что бояться надо ей.

Глава 9. Грей

«Съест», — понял Грей и обречённо зажмурился. Слаб он был настолько, что сил хватило только глаз открыть да губу верхнюю приподнять.

Самка что-то прокурлыкала и проскрежетала, Наверное, звала детёныша на мясо. Что поделаться, не мы такие, жизнь такая, либо ты ешь — либо тебя, третьего не дано. Его положили на что-то мягкое, как самый густой мох, но не пахнущее мхом. Грей снова провалился в темноту, а пришёл в себя глубокой ночью, не сразу вспомнил, где находится. Нашёл воду в круглой лужице, напился и перевернул. Нашёл сырое, странно пахнущее мясо, но есть не стал, ещё чего. Нашёл уголок с деревянными крошками, там помочился и как следует зарыл, чтоб самка не унюхала. Обошёл по кругу небольшое пространство, в котором оказался.

Со всех сторон доносились гадкие чужие запахи, целое море запахов, которых он не знал. Слышались странные, тихие звуки, цоканье и писк. Светились странные неподвижные светлячки, не было ни малейшего ветра. Он, несомненно, оказался внутри логова двуногих, но не во всём, а на его маленьком кусочке, окружённом твёрдыми сотами вроде тех, что едва не убили его. Как Грей ни старался, они не разгрызались. Утомившись, он как попало вылизал рану и остатки шерсти, где достал. Лёг на мох, который и не мох совсем, ах, всё равно. Сам не заметил, как уснул.

Проснулся Грей от шума — над ним стоял детёныш, кричал пронзительно и тонко, как крылан, и лопотал, как уорч, и крикал, как водяная птица, Грея аж перекосило. Он поджал хвост, забился в угол с деревянными крошками. Он бы охотно сбежал куда глаза глядят, но твёрдые соты не пускали. Ясно же как день, что самка его не съела, чтоб детёныш учился охоте, сейчас детёныш будет долго и неумело его добивать. Грей зажмурился, но снова ничего плохого не случилось, только пришла самка и отогнала детёныша. Она принесла Грею новое мясо вместо подсохшего за ночь, по запаху другое, кажется, птичье. Есть хотелось ужасно и Грей проглотил его не жуя.

Когда двуногие уходили в другие части логова, он снова принимался искать выход: бродил кругами, висел на верхнем крае сот, лизал рану, пытался пролезть в дырочки — всё без толку, можно было только лапу высунуть, либо нос, либо хвост, а сам Грей никак не помещался, и не раздвинуть. Печаль, беда, огорчение. Уныло смотрел и слушал.

К великому изумлению Грея, по логову двуногих ползали кочи, а те, глупые, не ели их. «Какие странные звери», — с негодованием думал он. Даже если добыча велика (а у самки есть добыча, раз она носит Грею мясо), от коча, «лакомства малышей», мусты никогда не отказывались. Он наблюдал, как движутся лакомые кочи и облизывался.

Вечером снова пришла самка, забрала деревянные крошки с его мочой и калом. Грей не успел взволноваться, как вернула назад, только свежие, снова поставила мяса.

«Наверно у них была удачная охота и есть огромная добыча, по вкусу вроде бык, от неё по кускам и отгрызают, — думал он, глотая куски холодной, обескровленной плоти. — Вот доедят быка — сожрут меня».

На день, по счёту как средний палец на лапе, Грей понял, что есть его не собираются. Это поражало. Да, двуногие без умолку кричали гадкими голосами, даже когда были в другом конце логова, но Грея не трогали, более того, давали воду и еду. Однажды самка

принесла ему странную рыбу без костей, ОЧЕНЬ ВКУСНУЮ РЫБУ, Грей ел как не в себя «Значит, я для них не мясо, — растерянно думал он, вылизывая первую в своей жизни рану, которая заживала и страшно чесалась, — так кто же я? Вернее, для чего я?»

Самое гадкое — ужасная скука. Грей не мог ни сбежать, ни исследовать логово. Он просто сидел, ел, спал и лизался. Ну, ещё смотрел и нюхал. И терпеливо ждал, разумеется. «Терпенье — первая добродетель муста», — говаривала Мать.

Это в самом деле была семья, только очень маленькая — одна самка и один детёныш, тоже самочка. Когда старшая не видела, младшая совала в пространство Грея лапы с длинными пальцами без когтей, тогда он отходил и подбирал хвост. А однажды притащила кусок странного, невкусного мяса, которое Грей есть не собирался. Но чтобы положить угощение, самочка лапой сделала в сотах большую дыру — повернула маленькую штучку, которая Грею никак не давалась, ни пальцем, ни хвостом, а зубами и подавно достать не мог.

Они были медлительными, эти двуногие. Самочка ещё вытаскивала лапу, как он проскользнул в дыру прямо под нею, вырвался в логово, бросился к выходу, но опять не смог открыть, тогда в два прыжка спрятался в углу, за кусками вонючего дерева и плоской дряни с запахом сухого дерева. Здесь было сухо, пыльно и висела паутина с пауком, потом без паука. Двуногие суетились снаружи, много курлыкали и крякали, совали ему мясо на палке. Повторяли раз за разом один и тот же крик, жалобный и нежный, и Грей подумал, что так зовут его. Мясо он, допустим, взял, но сам не вышел. Вот ещё! Нашли дурилку.

Он просидел в своём укрытии до ночи. Когда двуногие ушли и звуки стихли, осторожно выбрался. Сперва разнюхал, затем выглянул, после — вылез весь. То, что Грея не сожрали, ничего не значило: он снова оказался взаперти, только вместо маленьких сот — в большом углу логова.

Грей с любопытством облазил новое пространство сверху до низу, одни непонятности пробовал на зуб, другие специально сбросил, чтобы посмотреть, как падают, третьи случайно опрокинул и разбил на острые звенящие осколки. Нашёл немного земли с растением, туда помочился и зарыл старательно, как следует, чтоб не унюхали. Потом отыскал ещё одной земли и неведомых невкусных цветов, жёстких и язвительно-сочных, пожевал и понял, что такой травой живот не прочистить, так выблевал.

Но первым делом, разумеется, подобрал и съел всех до единого кочей, которых нашёл, и которые нашли его, вот это было просто бесподобно.

Глава 10. Яйцеголовый

Анатоль Сапрыкин, в миру попросту Толясик, ещё совсем молодой, но уже сознательный, граждански-активный, ведущий здоровый образ жизни, имеющий чёткую политическую позицию старший инспектор кадров ОЗДЖ, с трудом разлепил очи и задремал ещё на минутку. Такой прекрасный эротический сон ему только что снился, как вдруг всё смешалось и пропало, кино оборвалось на самом интересном месте.

Голова раскалывалась, во рту насрали кошки, в общем, Анатолий испытывал все прелести классического отвратительного пробуждения в гадком похмелье. «А ведь выпил всего ничего», — подумал он.

В своём обычном баре, по дороге с работы, он взял единственный слабоалкогольный коктейль с игривым названием «Секс на пляже». Пил в компании присевшей рядом с ним за барную стойку симпатичной кудрявой брюнетки, которая, кстати, потом ему и снилась. Именно на пляже!

О боже, а ведь он обещал постричь газон у своей высокопоставленной тётки, так же та просила обновить гортензией альпийскую горку, кто-то значимый для тёткиного сердца преподнёс ей этот злосчастный цветок. После бара Толясик собирался ехать сразу к ней...

Он понадеялся, что добрался до дачи нормально, на такси, и что не спит, как провинившийся, на диване в гостевой, вместо супружеской их с Наткой постели. Он хотел закинуть руку за многострадальную голову, рука звякнула наручниками и, едва дёрнувшись, снова прилипла к спинке странной кровати вроде больничной, к которой Толясика приковали за правую кисть. Вот тут-то он и вскинулся, дрожа и шаря глазами по сторонам.

Он явно был не у тётки на даче, и не в их с Наткой городской квартире, и даже не в больнице, а в самом настоящем притоне, какие временами показывали в криминальных новостях, наводнённые полицией, с полуголым, размытым цензурными квадратами трупом на полу. С десятков женщин, вытащенных из таких гадюшников, жили в местном филиале ОЗДЖ, лечили зависимости, ожидали новые документы и приличные вакансии. Кто-то не выдерживал и сбегал назад, в весёлую и яркую жизнь, а какие-то так привыкали, что оставались волонтерить за еду и одежду.

Мягко светила ночная лампочка, попискивал дешёвый пластиковый климатконтроль. У стены, за столиком с пустой бутылкой из-под шампанского, сидел незнакомец в майке и джинсах, рылся в наручных часах. Увидев, что Анатолий подал признаки жизни, незнакомец поднял удлинённую, яйцеобразную какую-то голову и самым неприятным образом улыбнулся, отчего Толе сразу вспомнились юношеские ещё, протестные проблемы с полицией.

— Не волнуйся, Толясик, — сказал незнакомец. — Обещаю, надолго не задержу.

Анатоль ещё больше задёргался под пристальным взглядом узко посаженных глазок, но вытащить руку из браслета не смог. Был он в носках и мокрой рубашке с галстуком, но ни джинсов, ни трусов нигде не наблюдалось.

— Сейчас мы с тобой посмотрим кино. Прости, попкорна нет, но кола есть.

Яйцеголовый показал глазами в угол кровати, там и в самом деле лежала баночка колы. Анатолий схватил её свободной рукой, кое-как открыл и припал длинными глотками, как еврей к живительному источнику, вдруг забившему в египетской пустыне.

Тем временем на стене появился экран, а на экране — самый жуткий фильм ужасов. Страшнее ничего в своей жизни Толясик не видел, хотя до хоррора, вообще-то, был большим охотником и пересмотрел массу старых и новых лент.

Главную роль исполнял он сам, а его партнёршей была та самая брюнетка из бара. И, чёрт побери, они были на пляже! При виде того, что его губы выделяли с плотью брюнетки, Толясик мучительно покраснел и хотел отвернуться, но глаза сами по себе снова и снова тянулись к экрану, где его собственный рот едва ли не вгрызался между бёдер особы, которую Анатолий знать не знал. И он ничего не помнил!

— А ты, я смотрю, ныряльщик со стажем, — сказал яйцеголовый, улыбаясь.

Брюнетка на экране схватила Толясика за волосы на макушке и буквально насильно его лицо выбритой вагиной, а он в исступлении, полузадушенный, как сумасшедший работал языком и впивался пальцами в пышные ягодички. Анатолий жалобно всхлипнул.

— Сразу видно нашего брата, пиздолиза, — яйцеголовый подмигнул и покачал пальцем. — я вот тоже могу пригубить по пьяни, но ты-то любишь шифануть киску, за уши не оттянешь!

— Это не я! — пискнул Толясик.

— Разумеется ты.

— Я ничего не помню!!!

— А вот это плохо, зачем ОЗДЖ кадровик с альцгеймером? Но, главное, зачем Натке алдовый пиздолиз? Она у тебя красивая, молодая, богатая, бездетная, найдёт другого, и не одного. А вот, смотри, хороший эпизод, мой любимый, сейчас будет золотой дождь...

Толясик чуть не заплакал от беспомощности и жалости к себе.

— Чего вы хотите, денег? — сдавленно спросил он.

Денег не было. Вернее, были, но у тещи и, соответственно, Натки. Разумеется, Толясик что-то зарабатывал, но не по рамкам того круга, в который женился. Как говаривала родня, УУУ: умудрился удачно устроиться. Он и работал в Обществе только с целью зацепиться за идею, которая поможет в политической карьере, в будущем.

— Нет, деньги не нужны, — успокоил яйцеголовый, останавливая видео. — А нужна информация.

— Что вы хотите знать?

На экране застыло его собственное счастливое лицо и волосы в короне капель.

— Нужны сведения о женщине с ребёнком, обратившейся в вашу богадельню, после чего их след исчез.

— О наших подопечных мы информации не даём, — заученно, на автомате ответил Толясик.

— Тогда твоя жена и теща, твои сотрудники и, заодно, подопечные, завтра получают это видео, — ожидаемо ответил яйцеголовый. — Тебе может показаться, что мне похуй на твою возможную карьеру в политике, а может и не показаться. Но либо дашь мне всё, что я прошу, либо видео идёт в ход.

Толясик помолчал для приличия. Им обоим было понятно, что вопрос решён.

— У женщины фамилия есть? — спросил он.

Яйцеголовый поднялся и отстегнул наручник.

— Я позвоню тебе завтра, на работу, — сказал он, уже стоя в дверях. — И не бухай. Видишь, в какое влез дерьмо из-за простого коктейля? Заметь, ни одна дерьмовая история пока не начиналась со стакана минералки.

Глава 11. Лана

Постоялец оказался ужасно беспокойным, Лана не раз и не два пожалела, что не вынесла зверька за ограду сразу, едва тот очнулся. Запертый в лаборатории, он грохотал шкапами, бил чашки Петри старичка-биолога и нассал в каждый божий вазон без исключения, а некоторые ещё и погрыз острейшими, очевидно, зубами. Прятался он в выемке за тяжёлыми шкапами с биологическими консервированными препаратами и чьей-то полусобранной и брошенной коллекцией насекомых. Чтобы постояльца достать, шкафы требовалось отодвинуть, Лана в жизни не смогла бы это сделать одна, и даже, пожалуй, с кем-то вдвоём. Она почти решилась позвать на помощь зоозащиту со снотворным, но всё тянула, опасаясь нагоняя. Как ни крути, а постоялец отнюдь не птичка и не улитка. Кстати говоря, всех нелегализованных улиток в лаборатории он изничтожил в первую же ночь, только осколки раковин и остались лежать там и сям.

Капелька, по неосторожности упустившая его, торжествовала и отчаянно старалась подружиться. Ей хотелось зверька оставить.

— Это мой первый питомец! — трогательно складывая руки, говорила она. — Се-е-ерый!

Лана была не в восторге от постоянных уборок в лаборатории. Пришлось вынести оттуда остатки посуды и все цветочные горшки. Что она скажет микробиологу? В ближайшее воскресенье, в общем, придётся зверя явить и признаться. С другой стороны, Павор не разрешал завести ничего живого, кроме рыбок, в то время как Лана считала: ребёнок должен расти среди растений и животных. Она колебалась.

— Капелька, он совершенно дикий и всем чужой. Он не приручится, — сказала она. — Его место на воле. Он уже поправился, теперь нужно его изловить и выпустить.

— Приручится! — неожиданно спокойно ответила Капелька. — Вот посмотришь.

Капелька сидела на пищеблоке, ела гренки в яйце и спокойно смотрела мультфильмы, когда Лана закрыла дверь самым обычным образом, с самым простым родительским доверием — повернув ручку. Лана не думала, и не подозревала, что простой цифровой код лаборатории дочь уже запомнила, поэтому занималась обычной работой зрителя — впечатывала в электронные журналы показания приборов, поворачивала рубильник в нужное положение, впечатывала новые показания, плюс замеры с датчиков внешней среды.

— Я поиграю во дворе? — спросила дочь в закрытые двери.

— Да, — коротко ответила Лана, у неё барахлил барометр.

Закончив с утренней порцией работы, она стушила рагу в мультиварке, заодно посмотрела космический детектив. Сняли фильм дёшево, большей частью сделали на компе, впрочем, сюжет пару раз улыбнул. Из приоткрытого окна доносился смех дочери, слышалась возня, беготня какая-то, в общем, самые умиротворяющие звуки.

А когда Лана вышла позвать Капельку обедать, оказалось, что на едва принявшемся саженце сливы, зацепившись хвостом за ствол, висит постоялец. Он поднял голову и посмотрел на неё янтарно-жёлтыми глазами с узкой полоской зрачка и, как ни в чём не бывало, захрустел улиткой. Лана некстати подумала, что зрачок у зверька то широкий, круглый, то крохотный, полоской.

— Мама, Серый улиток ест! — восторженно закричала Капелька. — А ко мне не

подходит. Мы с ним в догонялки играем, но его не поймать.

— Ну вот, полдела сделано, — проворчала Лана, — из-под шкафа он вышел, осталось его за ворота спровадить.

— Он умный, он к Убийце не подходит, давай его оставим?

Умный постоялец сиганул метра на три, отбежал на газон, и там принялся играть с хвостом самым уморительным и быстрым образом — как юла. Его рана удивительно быстро зажила, остался длинный шрам да опаленная шерсть. Что-то было в постояльце рептилоидное, Лана сказала бы, что о ящерке в далёких предках говорил костяной гребень вдоль хребта и длинные кожаные отростки возле глаз и ушей, впрочем, половые органы имелись, под хвостом бойко торчало два круглых, заметных яйца, на брюшке висел небольшой пупок, значит, такие зверьки живородящие и млекопитающие. Агрессии он не проявлял, что не могло не радовать. Скорее, умеренную осторожность.

— Полезет на забор снова — я ни причём, — Лана развела руками. — Поставлю ему будку из овощной коробки.

Внутренняя изоляция, конечно, была надёжна, но внешняя по-прежнему пробивала. На забор Серый и в самом деле не лез — запомнил с первого раза, что металлической сетки лучше сторониться, однако другими жертвами Убийцы не брезговал поживиться: Лана дважды убирала разбросанные по участку перья. Очевидно, какие-то нерасторопные птицы упали во двор, дальше с ними разбирался Серый и как мог находзяничал. У Ланы имелся большой садовый пылесос, им она и орудовала, пока зверёк на безопасном расстоянии ходил за ней, топорщил костяной свой гребень, негодовал и возмущённо цокал — что-то доказывал. Однажды, когда Лана вынесла Серому синтезированной форели, которую он особенно любил, тот вдруг подошёл к ноге и робко ткнулся лбом, типа боднул, сам же испугался и унёсся длинными прыжками, затем вернулся с прижатыми ушами и всеми своими отростками, костяными и кожаными, взял еду из рук и снова убежал. В целом, по общей оценке, Лана поставила Серому тег — занятный. Клумбу он, разумеется, всю перекопал и разрыхлил, кажется, там и гадил, но гибискусы и розовые кусты не тронул, как и саженцы деревьев. В общем, большего вреда не делал, наоборот, неустанно изничтожал насекомых и улиток, к тому же у Капельки появился партнёр для игр.

Лана поражалась тому, как часто он ест. С другой стороны, с его подвижностью и гиперактивностью, КПД зверька должен быть низким, соответственно, пищи ему требовалось много. К счастью, синтезированного мяса на станции имелось в достатке, Лана сама им питалась и разницы с настоящим, выращенным, не замечала.

Будку Серый презрительно игнорировал, вместо этого мастерски устраивал засады с целью проникнуть в станцию, а там набедокурить. Он прижимался к любым выемкам и косякам, прилипал к полкам, плитусам и карнизам, мог протиснуться в небольшие отверстия и замирал так неподвижно, что порой становился невидим, Лана не раз проходила мимо, не замечая зверька, и лишь потом он находился в самом неожиданном месте, к примеру, в их с Капелькой спальне. Он был ужасно любопытным и быстро наглел по мере того, как пропадал его страх. Не прошло и недели, как тыканье в ногу лбом стало обязательным ритуалом, кажется, так зверь выражал свою симпатию, а когда Лана погладила жёсткие отростки на его лбу, вдоль ушей, то не отпрянул и не оскалился, как бывало раньше, а молча вытерпел ласку.

«Привить бы его от бешенства на всякий случай, — думала Лана, — всё же дикий, пусть и компанейский...»

Но для этого нужно было снова вызывать ксенозоозащиту и как-то пояснить, почему на станции живёт нелегализованный дикий зверь, а уж тогда его однозначно заберут в центр передержки или куда похуже.

Вскоре на месте опаленной шерсти проклюнулась новая, очень жёсткая. Светлана смотрела, как под серой шкурой перекачиваются мускулы и поражалась крепкому, какому-то «спортивному» устройству его длинного тела. С Капелькой спортивный зверёк играл в догонялки, легко обходя её со всех сторон на полных скоростях, дразнил и завлекал, порою даже позволял себя ненадолго поймать.

«Когда-то люди приручили собак и кошек, — думала Лана, — а из последних, иномирных — сумусов, синих лемуров. Кто-то догадался же завести их с островов? Почему бы и мне не приручить новую дикую форму? Интересно, есть ли у него название...»

К воскресенью, когда явился подменный старичок, Серый уже добился допуска в станцию и спокойно гулял по пищеблоку, санузлу и комнате отдыха. Притворенные двери он научился открывать, зубами поворачивая ручку — очень сообразительный. Их с Капелькой комнату теперь приходилось запира́ть на электронный ключ, потому что там зверёк, к восторгу Капельки, лез в постель. Контрольный пункт тоже был под замком — чтоб не повредил аппаратуру.

На всякий случай Лана поставила в коридоре лоток с опилками, но тот остался нетронутым. В доме зверёк больше не гадил, предпочитая справлять нужду в кустах.

Воскресным утром выход нулевой точки загудел — явился биолог-сменщик, Григорий Павлович. Едва услышав новый страшный звук, Серый испарился без следов. Наверное, где-то спрятался и выжидал, пока чужак уйдёт.

— Кошечку держите? — спросил старичок, показывая на лоток пальцем.

— Да как сказать, — промямлила Лана, разглядывая гладкую пластиковую стену, по которой, балансируя, полз четвероногий местный паучок на толстых ножках, чудом избегший острого глаза и зуба.

— Как есть, так и скажите, я доносить не собираюсь, — биолог пожал плечами. — На станциях люди порой подбирают фауну от скуки, иногда успешно, иногда нет. На прошлой неделе какой-то китайский смотритель добыл на охоте зверя, сварил и съел. Его нашли ремонтники, когда ручей плазмы иссяк, уже окоченевшего. И сам отравился, и вся команда слегла в госпиталь, просто побывав на станции — такой токсичной оказалась добыча. Во всех новостях показывали.

— Ох уж эти китайцы, вечно как наедятся чего-то, — брякнула Лана.

Пришлось налить ему чаю с песочным печеньем и рассказать эпопею с забором-Убийцей, горелыми птицами и раненым зверем. Григорий Павлович хрустел угощением и кивал, иногда прихлёбывая из кружки.

— Даже не знаю, что за животное вы описываете, — произнёс микробиолог затем, оглаживая седую круглую бородку. — С другой стороны, млекопитающие не моя парафия. Мне больше инфузории по сердцу да иные простейшие. А покажите вашего квартиранта в живую?

Найти Серого Лана с Капелькой не смогли нигде. Не помогла даже любимая им форель. На станцию пришёл чужак и зверь скрывался, пришлась старичку довольствоваться просмотрами станционного видео-журнала.

— Теряюсь в догадках, — повторил тот, наблюдая, как зверёк играет с Капелькой в мяч. — Экий живчик, словно стреляет телом. Я бы отнёс его к отряду кунных, но лучше

показать специалисту-ксенозоологу, той же Марье Ивановне, пусть заберут в институт и там изучат.

— Ещё чего, — возмутилась Лана, выключая журнал. — Не для того я деточку лечила, чтоб в институт сдавать для опытов.

— А сколько лечение заняло? — любопытствовал старичок.

— Да в считанные дни оправился.

— Регенерация хорошая, значит, и крепкое сердце, раз выдержал такой удар, — микробиолог пожал плечами. — Им, мелким, выживать приходится в тяжёлых условиях, помёты должны быть большими, потомства много. С другой стороны, зверёк может быть социальным — вон как быстро приручился. Но вы его покажите кому-нибудь ещё, я вас очень прошу.

— Обязательно покажу, — солгала Лана, — чуть попозже.

В этот выходной они сходили «в мир» быстренько. Перекусили сладостями в кафе, набрали бесплатных новых вещей в пункте раздачи — чудесные, стильные свитера и классной модели джинсы, взрослые и детские, но на детской площадке Капелька быстро соскучилась, не смотря на всевозможные качели, канаты с лесенками, крутилки и вертелки, разумеется, совершенно безопасные. Дочь, кажется, лишь дважды спустилась с горки, а к обществу сверстников интерес заметно подрастеряла.

— Мама, пойдём, там Серый один под шкафом страдает, боится биолога, — сказала она.

Глава 12. Грей

Логово для пищи, логово для сна, логово чтоб испражняться и шкуру мочить, логово для странных дел, запретное логово — так Грей называл разные части места, куда попал и где теперь вынужденно жил непонятно в каком качестве — не еда и не охотник.

Чужой двуногий оккупировал логово и прогнал самку с детёнышем. Что теперь будет? Грей ужасно взволновался.

Отчасти, запах чужого носили некоторые шлуки в логове для странных дел, где самка его по началу закрывала, те, что Грей разбил, и те, по которым лазал. Там чужой и обосновался — запустил светиться неподвижных светлячков, гремел, звенел, делал беспорядок и громко дышал, смотрел глазами в прозрачный камень и цокал пальцами как дождь. В общем, забрал логово! Больше всего Грею возмутило, что самка и не думала гнать чужака, отбиваться и защищаться. Как так-то? Просто взять и уйти? Такого быть не может, значит, Грей понял неправильно. Чужак, наверное, пришёл спариваться, хотя обычно самки ходят, конечно. Какой самец в здравом уме нападёт на Мать и выгонит из логова? Разве что слюнявый. Но чужак на больного слюнями не походил. Не крушил, не метался, сидел, смотрел и трогал, особого вреда не делая, а уж Грей внимательно следил из укромного места, чтоб везде был порядочек.

Как и все двуногие, самец являл невнимательность, будто слепой, глухой и начисто лишённый нюха — достаточно было вжаться в угол и замереть, чтобы тот его не увидел. И чего он спариваться пришёл, если течкой старшая самка не пахла? В общем, ничего с этими двуногими пока толком не понятно.

Может, они на охоту собираются? Грей ни разу не видел, как самка охотится, вот бы глянуть, особенно, в какой воде берут чудесную рыбу без костей, в реке или озере? Рыбу Грей и сам бы смог добыть, наверное. Небольшую.

Намедни ему приснилось, что он возвращается в семью и приносит Матриарху прекрасную рыбу, такую большую, что её приходится волочь следом. Та недоверчиво нюхает, затем пробует её и говорит Матери — прекрасного сына ты вырастила, сегодня он принёс мустам новую пищу! И как за Бабкой вся семья отгрызает по кусочку от рыбы, а она всё не кончается. Затем наступает день, и все ложатся спать, и Грею кладут на почётное место — рядом с Матриархом, и младшие Матери вылизывают его морду и шрам на груди. Было так сладко, что проснулся Грей, дёргая лапами от удовольствия, не сразу даже понял, что он по-прежнему в логове двуногих.

Кажется, мусты-одиночки умирали не от ран, а от тоски по семье.

Чужак встал, прошёл мимо него и направился в логово для пищи. От него пахло болезнью, мочой и старостью, он чуть прихрамывал на больную лапу. Как такой опытный двуногий мог его не замечать? Как их всех до сих пор не съели?! Бесшумно двигаясь следом, Грей недоумевал.

Чужак себя чувствовал спокойно, как в собственном логове. Он взял съедобной травы в холодной пещере и, конечно, сделал горячую вонючую воду в гейзере. Да, прямо в логове то бил, то пропадал горячий гейзер! С ним Грей осторожничал — не доверял.

Двуногие вечно пили горячую вонючую воду. Грей насчитал как пальцев на лапе разных видов вони и каждый попробовал, когда никто не видел, однажды даже ошпарился. На вкус

было омерзительно. Хрустящие свежие кочи им не нравились, но эту дрянь они бесконечно пили, принося ртами, как на водопое червы. Вот и чужак развонял по всему логову, а в добавок ещё и зажёл вонючую палочку и теперь дымил, словно пень после удара молнии. Нет, скорее бы он спарился и ушёл, долго Грей такого не вытерпит.

По стене полз коч. Он сам отыскался, пришёл, чтоб утолить его голод — старшей самки не было слишком долго и последнее мясо Грей съел ранним утром, ещё до того, как явился чужак, после только прятался. Коч полз у самого его носа, как тут было удержаться? Грей лишь на секунду отвлёкся и проворонил момент, когда самец его заметил. Как-то слишком быстро оказался рядом, залопотал низким голосом, закричал, и притронулся к загрызку лапой. Уж он-то точно собирался Грею съесть, и не пойте ночные песни!

От неожиданности Грей весь вздыбился, взвился в воздух, наотмашь ударил лапу зубами и бросился прочь, сопровождаемый криками и кряканьем, которое двуногие издавали вместо речи. Порой ему начинало казаться, что он что-то разбирает в этом шуме — сейчас, к примеру, чужак негодовал и злился. Смакуя языком его кровь, Грей спрятался в большом растении, в логове для игры, уж там его не найти. Повезло-то как: и врага ранил, и снова спасся!

Без верхней жёсткой шкуры двуногие были мягкими, очень мягкими, как рыба без костей. Всё живое, что муст видел в своей жизни, он делил на две категории: опасный враг и живое мясо. И раз мясо не Грей — значит, мясо они. Когда проснётся гейм, Грей сможет убивать их по одному, семье надолго хватит. Но сперва надо узнать, как пролезть сквозь большие соты, чтобы снова не швырнуло и не стукнуло...

— Боже мой, Григорий Павлович, что у вас с рукой?! — закричала Лана, едва сняв шлем переходного скафандра.

Капелька таращила глаза.

Правая кисть старичка-микробиолога была как попало забинтована, повязка пропиталась кровью.

— У вас что, своей медкапсулы нет? — ворчливо спросил микробиолог. — Я вам кухню залил кровью и разорил вашу аптечку.

— Нету, — Лана развела руками. — Мы в Общественную ходили, когда Капелька ангиной заболела, и когда я сама разбила колено. Что же вы так?!

— Да вот, — вздохнул старичок, — повстречал вашего питомца, хватило ума погладить. Сам виноват, старый дурак. А крокодил-то зубатый, вроде только коснулся — и глубокий порез. Я-то с мылом помыл и обработал как надо, но всё равно привьюсь ещё раз Глобалом, пожалуй. А вы непременно покажите его ксенозоологам, Светлана. Либо просто временно отключите ограду и прогоните кусаку в родную среду обитания. Можно ведь, в конце-то концов, отловить его в перчатках и вынести в ельник?

— Непременно так и сделаю, — поспешно кивнула Лана.

Она снова солгала.

Мать выскочила на прогалину и замерла, её блестящая серая шерсть в укромной тени матово слилась по цвету с веткой. Огляделась, заметила сверчков в палых листьях, но есть побрезговала — лишь прошлой ночью чужая семья брала большую добычу, она охотилась вместе с ними и теперь была сыта. Для верности Мать задержалась в чужой семье на две лишние ночи, до самого конца течки.

Она пришла к болотному семейству спариться, а теперь возвращалась в логово, как надеялась, с потомством в чреве. По крайней мере, время для этого было самым подходящим, а выбранный самец — крепким и настойчивым. Предыдущий помёт её огорчил — слишком мало детёнышей, две Дочери да Грей, неудача, жалость, боль. Родился он легко, последним, молоко сосал хорошо, оттирая в сторону Сестёр. Все трое росли такие ладные, что Матриарх не укоряла её малым числом детей.

Грей никогда не был слабым, наоборот, самым активным, приходилось усы ему обгрызать, чтоб на убежал из логова. Вырос высоким, с теми длинными ногами, которые дают мусту бесподобный прыжок и удар, и которых нет у неё самой. Мать думала, сын станет славным воином для семьи, вместо этого он оказался пустым. Где он теперь? Порой её чуткое ухо улавливало отголосок далёкого пения чьей-то битвы, но его голос не звучал ни разу. Должно быть, лес поглотил и растворил её бедного сына, как ничтожного червя. Одна Дочь погибла в битве с двуногими, другая осталась, но была слишком молодой, чтобы спариваться, её течка случится в конце зимы. Но, к счастью, с прекрасным геймом, а значит станет отличной Матерью.

Она напилась воды из выемки в поваленном стволе, не удержавшись, слизнула слизняка, и продолжила путь длинными и мелкими прыжками, короткими перебежками от ствола к пню, от колоды к зарослям шиповника, и по бревну через речушку, и вновь прыжками по корням. Дважды ей попадались огромные, опасные враги — пятнистый патр и зубарь, но она безупречно пряталась среди кочек или в кроне дерева. Мать была в расцвете лет, зоркие глаза издали замечали опасность, а нос прекрасно слышал.

Унюхал нос кое-что и теперь — пока ещё далёкую, но резкую и едкую вонь, странный запах, ни на что не похожий. Почему-то Мать вспомнила о двуногих и ускорила свой бег.

Туша издыхающего быка перегораживала дорогу и виднелась издалека. Мать искоса глянула на зловонную, зелёную пену вокруг его пасти, налитые кровью глаза и выпавший распухший, чёрный язык. Огромные изогнутые рога распростёрлись на земле — эта голова уже не поднимется. Бык ещё дышал, но это были его последние вздохи, глаза смотрели на Мать и уже не видели. Вдруг ноги задёргались, могучие копыта взрыли землю, и туша в последний раз вздрогнула. Она оббежала быка стороной и замерла, поражённая.

За ним лежали самки его семьи и телята, все мёртвые, будто речные камни, морды каждого — в едко пахнувшей зелёной пене. Чихнув от вони, Мать бросилась вперёд, торопясь и волнуясь. Траву во многих местах и листья кустов, огромные стрелы папоротника покрывала неведомая зелёная пыль с тем же едким запахом, яркая, как пыльца цветов, сбита дождём. Видимо, этой пыли быки и наелись. Краем глаза отметила, что крыланы, севшие на трупы телят, тоже мертвы.

Теперь лес полнился смертью: самка патра с большим уже детёнышем лежали у входа в свою берлогу. Самый опасный враг мустов оказался так же беспомощен перед зелёной пылью, что и бык. Перед смертью самка изорвала когтями деревья, теперь кора свисала с них длинными, рваными клочьями, а вся земля вокруг её лап была разрыта в судорогах.

Рядом с нею на лету рухнул бездыханный крылан и распластался — едва отпрыгнула. Его язык тоже был чёрным и распухшим. Мать замерла столбиком, по привычке вжавшись в ствол, и совершила ошибку — плечо испачкалось в зелёной пыли. Сколько слышал её нос, сколько видел её глаз, весь лес был мёртвым. Не кричали птицы в кронах, не шипели змеи в траве, не квохтали древесные озцы.

Повинуясь чутью, перепуганная и взволнованная Мать со всех ног бросилась прочь от

едкого запаха, прочь из Мёртвого Леса, в котором осталась её семья и собственное логово. Лишь только отбежав совсем далеко, к болотцу и реке, она остановилась отдышаться, и то долго принюхивалась, нет ли отравы в воздухе.

К вечеру Мать занемогла и, почти не шевелясь, лежала у самой воды, в корнях ивы, свернувшись в клубок. Дремала, много пила и мочилась, жевала какие-то травы, которые казались нужными, и снова пила — её мучала такая жажда, сложно в утробе открылся собственный Дневной Глаз, и жёг изнутри.

«Я дышала запахом смерти, — думала она, — и смерть услышала, как пахнет моя шкура. Теперь лес возьмёт и меня, и неродившихся детей, как всех врагов и всю добычу, что умерли сегодня...»

Но лес не взял её.

Проснувшись на третий день Мать почувствовала, что голодна и собрала в округе водных кочей, как детёныш. Затем в камышах нашла утиное гнездо с яйцами. А потом ей просто повезло: поймала у берега неповоротливую рыбу, пришедшую на нерест, и целый день питалась ею. Так, постепенно, в себя и пришла.

Прошли дожди — Мать пряталась в дупле, где раньше, давно, гнездились птицы, и ела то, что ползёт и плавает. Она таки понесла, и детёныши слабо шевелились в чреве. За дождями прошли другие. От реки пришлось уйти, так она разлилась. Мать вспомнила, как говорила Грею, что гейм похож на полноводный ручей. Где сейчас её сын? Где семья?

За холмом, в сосновом бору, по запаху нашла детёныша прохта, который бесшумно и неподвижно прятался в траве и ждал соска своей Матери, убила его и наелась как следует — у неё свои дети в чреве, есть приходилось много.

В Мёртвый Лес вернулась лишь когда Ночной Глаз из круглого стал узким. Зелёная отравка исчезла, но смерть царила по-прежнему, тяжёлая вонь разложения многих тел зависла в воздухе, пусть залётные птицы снова кричали в кронах. Она уже знала, что увидит, когда вышла к собственному логову, гудящему роем мух. Вся семья погибла, теперь жуки и черви хоронили её Матриарха, Сестёр с их малышами и братьев. В Мёртвом Лесу не выжил никто, разве что остались какие-то Матери из тех, что ушли вместе с нею.

Она горевала над телами родичей, и над тем, что не погибла вместе с ними, и пела Ночному Глазу тоскливые прощальные песни две ночи подряд, пока плоды не стали шевелиться в утробе — Мать давно не ела. Пришлось снова идти в чистые земли на охоту. В этот раз, окрепшая, она сама взяла из засады сулицу.

Рожать в пропахшем смертью логове было нельзя. И потому, что добычи вокруг не осталось, и потому, что совсем близко теперь, хвостом махнуть, пролегал огромная, разрытая тропа, по которой ходили двулапые, перекликались высокими как у крыланов голосами, и с рёвом мчались их шумные, зловонные зверюги.

Сгорая от ненависти, едва удерживая себя от священного безумия гейма, Мать скалилась и следила за двуногими издали. Они уничтожали всё на своём пути: валили лес, и рылись на большой поляне, выкапывая глубокие овраги и насыпая горы земли, и лили воду, а в темноте зажигали низкие Ночные Глаза, от которых становилось светло, как днём, и вновь с грохотом и треском валили лес. Двуногие смерть и принесли. Они поняли, что мустов в бою не победить, и всех убили зелёной пылью, а сами не сдохли, может раньше уже болели.

Пришла пора подумать о новом месте, подальше отсюда.

— Семья всегда возрождается, — сказала Мать, в последний раз глядя на скопище личинок и червей, в которое превратилось логово. — Я рожу и выкормлю Дочерей. Они

придут неспроста и родят своих Дочерей. Мои дети, и дети их детей понесут мою здоровую кровь, ведь я вдохнула пыли, но выжила. И однажды я вернусь сюда. О-о-о, — простонала она, в предвкушении перебирая лапами, — Мои мёртвые родичи, клянусь Ночным Глазом, лесом и рекой, что спасла меня, я вернусь!

Глава 13. Лана

Он жил долго, очень долго, и сстал большшим. Он сстанет ещё большше, когда сспассётся. Нора была узкой и гладкой, затопленной грязной водой, но он бежал прочь от ссмерти в воздуххе и вполз ссперва в грязную воду, затем в узкую гладкую нору. Вссё его огромное длинное тело, метр за метром продвигалоссь вперёд, вперёд и вверх, прочь от заражённого ссмертью месста.

Он мог задерживать дыххание надолго, когда оххотился в реке за рыбой, но ссейчас сстремился за глотком воздуха. Наконец его плоская голова показалассь из шширокого конца норы. Он выссунил язык, оценивая пещеру, метр за метром выполз вессь и ссложился пёстрыми кольцами. Затем, покачиваяссь, оссторожно оссмотрелсся. Месста было мало, выххода из пещеры он не нашшёл, но рядом жила добыча — маленький вкуссный зверь и вкуссные звери побольше. Ссможет ли проглотить? Он сслышал, как бысстро бьются ихх ссердца. В нём не было сстраха, он знал, что досстаточно удара, либо укусса, чтобы зверь сстал сспокойным и дал ему пищу. Он был голоден и ссложил тело так, чтоб заметили не ссразу: поднялсся по сстене, обвилсся вокруг щщели и затаилсся.

Встать до будильника, чтобы было время на чашку чая, записать показания, повернуть тумблер подачи плазмы, снова записать показания, а тогда уж делать завтрак и Капельку будить, обычная рутина. Только теперь ещё и Серый танцевал по пищеблоку — он прекрасно знал, что еда берётся здесь. Вечером удалось его обманом выгнать во двор, где зверёк и переночевал в розовых кустах, но стоило лишь приоткрыть дверь, как просочился в щель и теперь суетился под ногами: бодался, цокал, трещал и требовал завтрак. Лана включила кофеварку, положила на разморозку кусок куриного филе и, зевая, поплелась в санузел, раздумывая, помыть ей голову или только зубы почистить, а голова и так сойдёт. Серый, объясняя на своём наречье, что его следует немедленно накормить, следовал за ней: к-к-к, да к-к-к-к-к.

Всё случилось в считанные секунды, слишком быстро: дверь тихо открылась, свет автоматически зажегся, огромная змея с широкой плоской головой ударила сверху с такой силой, будто лошадь лягнула, и вышвырнула Лану в коридор. Не успела она вдохнуть воздух после падения, как змея свилась в пружину и выстрелила своей башкой-кувалдой куда-то ей в ноги. С выпученными глазами, задыхаясь, Лана перекатилась в сторону и вскочила. Она не визжала лишь потому, что едва дышала: удар пришёлся в грудь. А в пасти у змеи уже бился зверёк, она свивалась вокруг него, тщательно укутывая пёстрыми, смертельными объятьями, такая огромная, что Лана оторопела.

— Мама, мамочка, что случилось?! — закричала Капелька из спальни, и Лана пришла в себя.

— НЕ ВЫХОДИ!

На стене висел пожарный щит открытого типа, старый, добрый, простой как двери щит с комплектацией, повешенный во славу Её Величества Техники Безопасности, на случай возгорания, аварии и отключения автоматического пожароконтроля.

— Этого, конечно, не случится, — пояснил когда-то инженер по технике безопасности, — электроэнергия на нулевой точке физически не может прекратиться,

соответственно система не выйдет из строя, автоматом всё потушит, но пожарный инспектор требует дополнительно щит, чёртовы бюрократы. Минуточку внимания, Светлана, на нём, как видите, огнетушитель, багор, лопата, лом, топор и два ведра, всё с инвентарными номерами, потом проверьте обязательно...

Лана схватила лопату двумя руками, острием рубанула прямо в кольца и отскочила. Разъярённая змея выпустила зверька и, широко разинув розовую пасть, выбросила голову в её сторону, но Лана была готова и встретила новый удар — встречным, лопатой плашмя, как теннисный мяч встречала ракеткой на универском корте, только теперь бить приходилось изо всей силы и она едва удержалась на ногах.

— Мамочка, что там творится?! — плакала дочка.

— НЕ ВЫХОДИИИ!!!

Будто в гонг ударив в лопату, змея отпрянула, оттянула часть огромного, узорчатого тела и теперь покачивала головой, пробуя воздух раздвоенным языком. Зверёк неподвижно лежал где-то под толстыми кольцами тихой убийцы, проникшей в санузел, очевидно, из унитаза. Лопатой не позволяя змее приблизиться, Лана схватила огнетушитель, сорвала чеку и как следует угостила чудище струёй. Пенная вечеринка исход битвы и решила. Слепшую змею Лана с каким-то остервенением зарубила лопатой. Она всегда любила животных, всех подряд, пресмыкающихся тоже, и вот, пожалуйста, теперь с короткими резкими вскриками бьёт стальным остриём широкую плоскую голову... «Нет, надо наверняка, шею, ниже», — подумала она и с размаху ударила извивающееся тело раз, и ещё раз, тогда всем весом навалилась на лопату и давила, пока не услышала хруст, означавший, что позвоночник сломан и тварь мертва. Но даже с полуотрубленной головой змея продолжала хлестать собою по полу. Она была дьявольски сильной в агонии и хаотичным ударом хвоста едва не сбила Лану с ног. Та ещё дважды ткнула лопатой в хвост без какого-либо успеха.

— Не выходи пока! — попросила Капельку ещё раз, уже гораздо спокойнее. — У меня тут грязно.

Лана взяла со щитка топор и с трудом, отнюдь не с первого раза, разрубила извивающуюся змею на части. Так, на всякий случай. Тогда остановилась отдышаться и оценить ущерб. Что-то сбегало со лба, может, пот. Лана мазнула по лицу тыльной стороной предплечья и размазала кровь. Весь коридор покрывали хлопья багровой пены, кое-где в них, как в волнах, виднелись слабо шевелящиеся пёстрые обрубки, словно сказочное морское чудовище плыло по кровавому морю. Осторожно роясь в пене лопатой, а не рукой (она боялась наткнуться на отрубленную голову и получить прощальный укус), Лана нашла полузадушенного, неподвижного зверька, в глубоких ранах от острых и крупных зубов. Сердце сжалось от жалости, но из крохотного носа выдулся пузырёк. Опять живой!

— Да ты счастливчик, чувак, — сказала Лана, отнесла Серого в лабораторию и положила в прежнюю клетку, переделанную из птичьей, на старую свою, вязанную кофту. — Недолго полежи, только, пока уберусь, — попросила она.

В этот раз он дал себя выхаживать, вернее, иного выхода у Серого не было. Незванный пёстрый гость, может, и не обладал паралитическим ядом, но протеиновые киназы в его слюне надёжно обездвиживали жертву, потому что лежал зверёк как сарделька, а Лана с Капелькой по очереди поили его водой из шприца и вытирали мокрой тёплой тряпочкой сочащуюся из ранок сукровицу. Потом Лана додумалась нагреть молока и стала впрыскивать в пасть по миллилитру. Так, водой с молоком, и выпоила. «А ведь он меня спас, пусть и невольно, — думала Лана. — Отвлёк внимание. Не будь его, змей цапнул бы меня, а потом и

задушил бы».

Серый больше не мог убежать и даже уши с отростками в негодовании не прижимал — делайте, что хотите. Лана прижигала ранки йодом, гладила его по узкой серой мордочке и по лбу, чесала загривок, а он жмурился. Пользуясь беспомощным его положением, вымыла как следует в тёплой воде с мылом, под в большей степени возмущённое, чем болезненное к-к-к-к. После банных процедур завернула в махровое полотенце и забрала в свою комнату. Так, втроём, мультфильмы и смотрели: Капелька, она сама и паралитик в полотенце, впрочем, передние лапки скоро отошли, а ранки, вроде как, не гноились. Вечером снова напоила молоком и оставила спать на полу, подстелив ту же старую кофту. Но когда проснулась ночью, по привычке до будильника, оказалось, что зверь лежит у неё под рукой, забившись подмышку и выложив голову на плечо. Он, кажется, балдел и грелся. Лана почесала лобик. Он открыл янтарно-жёлтые глаза с чёрным широким зрачком и лизнул её руку.

Так и повелось. Стали спать втроём, в куче, Лана посередине, зверёк и дочка по бокам. Ну а что такого? Ведь блох у Серого не было.

Глава 14. Павор

— Встать, суд идёт!

Вставая, Павор не удержался — подмигнул стриженной шалашовке, адвокатке Светланы, мол, посмотрим, чья возьмёт! Сама Светлана на суд так ни разу и не явилась, дочери Павор тоже давно не видел. За Капитолиной, похожей на его покойную матушку белобрысой прямой чёлкой и курносым носиком, её смехом, топотом и лепетанием, он скучал почти до слёз. Разве он хоть раз обидел своего ребёнка? Да Павор с неё пылинки сдувал. Но гадина со статусом жёнушки решила все вопросы в одно рыло и лишила Павора драгоценного общения. Быть может, если бы ему было двадцать пять, он бы плюнул на это всё и кому-то другому заделал ребёнка, но он разменял сороковник. Повторно Светлана, несмотря на все его старания, так и не забеременела, даже женское здоровье по его настоянию проверяла, и всё оказалось хорошо, а значит, дело в нём самом. Проверяться Павор не хотел, боясь услышать, что его сперматозоиды попросту сдохли и вышли в утиль. Старый, жирный Паврик Мусорщик, который ещё может выебать жену, но сделать себе сына уже не может. Капу требовалось вернуть любыми средствами, и теперь, когда у него была информация, средств стало больше.

— Согласно официальной статистике аналитического отдела Ручья за прошедший год, — с разрешения судьи начал яйцеголовый, роясь в часах, чтобы оснастить свою речь картинками на экране, — на ручейных энергостанциях произошло семьсот сорок шесть внештатных ситуаций. В том числе: четыреста девять нападений местной фауны, из них восемнадцать со смертельным исходом, девяносто два коротких замыкания, четыре обширных пожара, причины которых не были установлены, восемь рейдерских захватов, два отравления токсичными веществами и один случай возникновения нового инфекционного заболевания вследствие бактериальной инфекции.

По экрану поползли статистические, более подробные таблицы.

— Заболевания за год получили шестнадцать зрителей, — продолжил адвокат, — из них у восьмерых травматического характера, а хронической формы че...

— Объясните суду, для чего мы слушаем статистику травм и несчастных случаев по всеобщей энергосистеме? — судья меланхолично взглянул на него и отвёл усталый взгляд.

— Потому что энергостанция в иномирье — не место для ребёнка, ваша честь! В то время как мать сознательно, либо по легкомыслию подвергает ребёнка опасности. Мы имеем неопровержимые доказательства того, что на станции ОЗДЖ проживает несовершеннолетний ребёнок.

Это было ужасное заседание, Павор весь измучился, доказывая, что с ним дочери было бы лучше, а главное, безопаснее. Все старания Павора с яйцеголовым оказались напрасны. Усы были настроены критично, а пропустившая удар шалашовка теперь доказывала, что называть опасной станцию всё равно, что публично обвинять Всемирную Энергосистему Ручей, высшее благо человечества, в неправомерных действиях. И что на станции ОЗДЖ за все годы её существования не случилось никаких неприятностей, о чём имеются контрольные акты МЧС, санстанции и пожарной части — акты шалашовка предъявила, — а значит, она совершенно безопасна.

«Это мы ещё посмотрим», — подумал Павор.

Всё в мире держится на связях, попробуйте оспорить. К примеру, электроны обеспечивают связь между атомами, что позволяет металлам проводить электрический ток прямым от нулевых точек — к машине, стиралке, робопылесосу и кухонному комбайну, хе-хе, почему бы и людскому на связях не держаться? Общество, считай, то же тело, так что слава господу творцу и всем его святым за дружеские связи, с особой благодарочкой за учёбу юного ещё Павора в одной группе с нынешним директором областного ручэнерго, у которого имелись собственные связи.

Лёха Шульга зашёл вольготно, за ним тянулся густой шлейф парфюма — бандюк-бандюком. Курчавые с проседью, длинные волосы собраны в хвост на затылке, морда в шрамах, один, самый широкий и криво сросшийся, рассекал лоб от линии волос, левую бровь, щеку и верхнюю губу. Не лицо, а визитная карточка. Все пальцы — в отборном янтаре, на шее — огромный янтарный крест, словно у попа.

— Людмила, чаю подсуетись! Да покрепче! — крикнул Павор в дверь и добавил совсем другим, доброжелательным голосом, с доверительными, чуть фамильярными нотками, призванными показать симпатию, расположение и уважению к собеседнику: — Присядь, Алексей Петрович.

И сам опустился в своё огромное кресло, пусть грузный, но эффектный в отличном, с иголки, костюме. Солидный человек в солидном офисе, а не Мусорщик, как его окрестили какие-то недоумки. Прозвище своё он ненавидел.

Шульга развалился на диванчике против Паворова стола и широко, по альфа-самцовски расставил колени, словно сдвинуть их приличным образом мешали гигантские яйца. Одет браконьер был вычурно и небрежно, дорогая брендовая куртка была порвана и испачкана с показательным презрением к роскоши, на ногах красовались сапоги из кожи редчайшего, опаснейшего квинкана, очевидно, собственноручно добытого, из него же ремень. За эти два аксессуара кто угодно заплатил бы огромный штраф, а то и в тюрьму присел, но не Шульга — у того на подсесе сидело всё полицейское начальство, а глава областного ручэнерго, с которым в своё время Павор в универе менеджменту и учился, эх, сколько выпито было вместе дешёвого студенческого пойла, приходился ему кумом, у него браконьер крестил старшую дочь. А кум, как известно, больше, чем просто родственник.

Открыв дверь плечом, вошла старая мымра с подносом, как всегда встревоженная и хмурая. Выставила на стол чайник, чашки, тарелки с фруктами да сладостями; исподтишка бросив взгляд на нарядного браконьера, убралась в приёмную.

— Почему бы двум уважаемым господам не украсить этот гнусный день глотком чего покрепче чаю? — спросил Павор, вынимая из ящика стола початую бутылку скотча.

— Можно и украсить, — ответил браконьер, разглядывая Павора взглядом глаз таких чёрных, что зрачка от радужки отличить невозможно было. Что-то было в Шульге цыганское.

Павор налил по рюмке ему и себе, скольнулись, выпили.

— Не буду ни томить тебя, ни задерживать, Алексей Петрович, а сразу скажу, что нуждаюсь в помощи.

— Какой именно? — зажевав виноградиной, осведомился браконьер.

— Говорят, твои ребятки и живых зверей за Ручьём добывают?

— Живой зверь всяко дороже, — пожал плечами Шульга. Кажется, особенно подобной прихоти он не удивился, — Смотри какого хочешь, Павор, смотря для чего. Ты пойми, мужик, мне пацанам зарплату — плати, за каждое увечье — плати, а если кто подохнет —

его бабе с пиздюками компенсацию по утратекормильца, чтобы, значит, пасть закрыла и бежала, богатенькая, в дансинг нового хахаля искать, а не жалобы строчить в прессу и мусарню.

Последнее слово Павора неприятно уязвило, потому что так злые языки называли его фирму переработки вторсырья. Из полицейских у Павора работали только несколько отставников, юрисконсультами. Вот почему мусарня, Мусорщик?!

— *А не зверя живого добыть на иной стороне твои ребятки могут?* — скрывая досаду, спросил он.

— *А вот это уже интересно,* — Шульга выстрелил в Павора взглядом жгучим, как уголёк.

Потикивали антикварные механические часы в углу кабинета, из панели контроля климата легонько веял ветерок с запахом клеверного луга.

— *Хочу забрать своё и наказать бывшую,* — медленно произнёс Павор. — *Эта сука не просто ушла и меня опозорила, но и дочку забрала, проблядь драная. Достать её никак не могу, потому что сидит моя проблядь на станции нулевой точки. И малую там же прячет.*

— *Чья станция?* — спросил Шульга.

— *Общества ебучих лесбиянок и одиноких вонючих дыр,* — с ненавистью выплюнул Павор.

— *Ты на киднепинг меня подбиваешь, мужик,* — чуть подумав, сказал Шульга.

— *Да какой киднепинг, если я отец?* — негромко возмутился Павор. — *У меня дом, все условия, у дочери такая комната была — ммм!* — он поцеловал подушечки пальцев. — *Я возьму прислугу, няньку, найму интерактивного педагога и психолога, а что может дать ей проблядь? На станциях опасно, иномирье — не место для ребёнка. Только на прошлой неделе в Бельгии...*

— *Это уж точно,* — перебил Шульга, почёсывая шею. — *Но одно дело — достать кому детёныша саблезуба для клетки в загородном доме, а другое — с защищённой станции общества защиты бабских прав умыкнуть дитё.*

— *Цена вопроса?* — морщась, спросил Павор. — *Назови любую сумму, я найду и заплачу хоть всё наперёд. А лучше половину наперёд — вторую, когда дочь окажется дома.*

— *Дело не в деньгах,* — лениво произнёс Шульга, — *а в принципе. Я что, нуждаюсь в деньгах, по-твоему? На одних рогах и копытах в прямом смысле слова дохера имею. От хорошей жизни бабы не бегут в иномирье, мужик. Моя жена аккуратно хаты держится. С моей мамкой у них мир, дружба и жвачка, как и у меня с тётшей. Все вместе в жопу меня целуют, не успел подумать «дайте тапки», как они несут. И это, заметь, уже вторая моя жена, с бывшей отношения норм, с сыновьями тоже, я её не обделил ни баблом ни лаской, ну, разошлись, бывает. А когда я сдохну, то оплакивать меня будут все скопом, и похоронят у самых кладбищенских ворот, рядом с мэром Сивохиным. И памятник поставят из розового мрамора. Потому что при мне они все как сыр в масле катаются, и руки я на бабу ни разу в жизни не поднял. Захочу ебашки — так найду кого себе под стать, чтоб нормальный махач вышел. А ты свою, походу, учил по-старинке уму-разуму, сам и проебался. Теперь хочешь мести, а моим пацанам рисковать свободой и жизнью? Они честные охотники, живущие с леса, беспредельничать им в западло.*

Павор разозлился. Что он себя позволял, этот бандит, необразованная сволочь, уголовник? Павор знал таких молодчиков — башкой вроде вынырнул, но остальная туша в говне застряла и торчит, как лошадиный труп в навозной яме. Как такого ни разукрась, как

ни закидай баблом, останется бандитом, со всеми повадками быдла. И что занятно — такие как он всегда нравились бабам. Двое детей от первого брака, двое от второго, один от любовницы. Бык-осеменитель! А вот Павора девки всегда сторонились, снисходительно поглядывали только разведёнки, либо другой неликвид, отчего и вышло так, что женился он поздним браком, а Капитолина осталась его единственным ребёнком. И того лишили!

«Встать бы сейчас, — думал Павор, — да врезать в морду этому уроду так, чтоб она треснула опять ото лба до подбородка, а сам он перевернулся вместе с диваном, да неизвестно, нет ли у него в кармане огнестрела, что вполне вероятно и даже ожидаемо. Или просто послать его на хуй? Не-е-ет, нужно держать себя в руках. Дочку заберу — а дальше и дура моя вернётся, никуда не денется. Законными путями их из общества взаимоотношки тупых вагин не выковырять, остаётся этот вариант...»

— Алексей Петрович, за монстра меня держишь, — укоризненно сказал он. — Просто баба истеричкой оказалась. Если тебе с семьей повезло, это не значит, что всем везёт, войди в положение. Неужели ты стервозин никогда не видел? Она психически нездорова, при этом очень хитрая. Я же не прошу её грохнуть к чертям, просто хочу исполнить свой отцовский долг и гарантировать безопасность ребёнку. Это опасная мать, в припадке она дочку и угробить может. Ты не просто денег заработаешь, но и доброе дело сделаешь, ну?

Шульга пожевал губами.

— Не нравится мне это дело, — сказал он. — Смердит от него за версту как от прокисшего мусора. Если бы кум за тебя не просил — ни на что бы я не согласился. Цена вопроса будет двести тысяч общих единиц.

Конечно, кум за Павора просил. Потому что кроме институтской дружбы, их связывал неплохой общий бизнес: Павор регулярно отстёгивал главе Облручэнерго кругленькие суммы за пользование одной их нулевой точкой, энергетики принимали здесь, и вывозили в иную сторону неликвидный мусор, который сваливали в озеро, за что каждый участник имел вторую зарплату, и платил им Павор.

— Половина сейчас — половина по завершению дела. — сказал он.

Глава 15. Грей

Дважды в день Мать уединялась, а его оставляла с Сестрой, а то и вообще одного, если Сестра ещё спала. Тогда он бродил взад-вперёд, выискивал случайно пропущенных кочей с пауками да с хвостом играл. В запретное логово Мать никогда его не брала, хоть Грей и старался просочиться. «Может, там третий выход из логова, — думал он, — ведь бывает же логово с тремя выходами? Она идёт по норе сразу в лес, убивает добычу, заходит назад, а меня на охоту не берёт...»

Странно всё сложилось в его жизни, с которой Грей едва не попрощался.

В логово для испражнений каким-то образом попал опасный усс, такой заберётся — беда, треть семьи передушит, пока повалят скопом. Тихо заполз, пока Грей был снаружи и не слышал, ведь он как раз ночевал в кустах, его просто забыли забрать. И усс едва всех не убил, начав, конечно, с никчемного пустого муста, который даже не воин, а просто мясо. Но двуногая Мать напала на усса с когтем, она шипела громче, чем он сам, поливая едкими слюнями. На Грея тоже налилось, он чуть не задохнулся, потому что так занемог, что даже отползти не получалось. Потом Мать на части разорвала усса когтями, как самка парта. Но есть его мясо не стала, хотя оно сочилось кровью, а вместо этого мочила Грея в воде, тёплой как моча, и вылизывала раны, и давала Грею молоко. Только тогда он, глупец, и понял, что это его новая Мать, ведь кто ещё может дать молоко? Какой же он всё-таки недотёпа.

Изредка, когда являлся укушенный старый самец, она надевала вонючую шкуру, забирала Сестру и уходила через визжащий выход, наверное, учила Дочь охотиться. Потом они возвращались, и укушенный уходил, а спариться ни разу не остался. Может это дед, брат или дядя? В этом логове все ходили куда хотели, но не он. С другой стороны, гейма у Грея по-прежнему не было, получалось, для семьи он лишний. Так что даже хорошо, что его не брали с собой — опозорился бы, и прогнали бы с лежбища. А так-то Грей спал прямо рядом с Матриархом, а порой и на ней сверху, как самый привилегированный муст.

Вскоре после усса явилось много чужих самцов, примерно как пальцев на передней лапе. Мать их не гнала, а Сестра не пряталась, значит свои, Грей тоже хотел остаться, но Сестра подняла его и заперла в логове для странных дел. Наверное, так было надо, и он сидел под дверью тихо и слушал.

Самцы долго перекликались с Матерью и между собой, потом пили горячую вонючую воду, потом стучали в логове для испражнений, наверное, добивали всех оставшихся уссов, потом вообще привели ревущую зверюгу и грохотали снаружи, гремели сотами так, что уши закладывало. Как их всех не убило — непонятно, наверное, знали какую-то хитрость. Шум стоял невероятный, тогда уже Грей порадовался, что сидит в логове для странных дел, потому что сильно испугался.

Вечером, когда самцы ушли и Мать его выпустила, первым делом проверил, всё ли везде в порядке — по виду ничего не изменилось. Кажется, в логове двуногих нужно долго прожить, чтоб понять, что происходит. К примеру, почему Мать не рожает детёнышей. Мяса всегда достаточно, пусть и без крови, но разного, а семья — самая маленькая. Старостью от Матери не пахло, в представлении Грея детёнышей в таком большом логове должно было бегать как пальцев на лапах.

«Не буду ни о чём думать, — сердился Грей, — всё равно во всём ошибаюсь». Но

мысли, догадки и предположения всё равно его мучили.

К ночи Мать уединилась в запретном логове, затем все поели — Грей быстро и дважды, а остальные медленно и плохую еду. Спать улеглись, как ни в чём не бывало.

Грею нравилось пролезать между её лапой и боком, и слушать, как бьётся сердце. Если Мать поворачивалась к нему спиной — он прижимался мордой к её шее, так тоже было слышно. Под мерный стук и засыпал, и под её лопотание с Сестрой. Грей не понимал ни слова, но слышал в их птичьих голосах ласку и нежность, и ему становилось хорошо, будто это его ласкали. Затем голоса стихали, и оставалось только цоканье из круглой штуки, да тусклый свет крохотного Ночного Глаза на стене, да пара светлячков над головой. Изредка до его слуха, сквозь полудрёму доносился шорох земляного крота снаружи, где растения и трава. Грей стал думать о кроте, и ему приснилось, как он ловит его из засады, жирного и сладкого, полного тёплой крови, как крот бьётся в его пасти, а затем отдаёт свою жизнь, чтобы утолить его голод, и он был благодарен кроту.

Но вдруг привычные звуки изменились.

Глава 16. Гардыш и Хлебушек

— Жопа, соль, бензопила, по ебалу, сука, НА-А-А!

Гардыш ушёл из-под удара и отступил. Старатель сделал несколько широких шагов по инерции, а затем кто-то невидимый толкнул его, ноги скрутились винтом и он растянулся.

Вырубить бухого поэта можно было без проблем. Знавал он таких немало: пока по еблу не получил — не догулял.

Когда Гардыш вышел из внедорожника, поэт уже нарывался ко всем подряд, его поклоунски яркие товарищи в стандартных защитных костюмах компании и не вздумали бы вписываться. А если бы вздумали, Гардыш достал бы ствол и шмальнул кому-то в ногу, как вышло однажды на нелегальной яме. Нехер лезть. Но где-то рядом ходила охрана, которую компания нанимала из бывших мусоров. В прошлом году, в их первом месте разработки янтаря, он самым неприятным образом признал в охраннике следака, который вёл его дело, забодай рогац. Интересная встреча, Гардыш, браконьерим помаленьку, Гардыш, или в чёрные копатели подался? И хоть теперь документы у него были в порядке, а в спецприложении на часах он мог показать непросроченный паспорт, разрешение на отлов ксеносвиньи, налоговую карту, лицензии на огнестрел и седатив, в общем, весь пакет честного охотника, которым обеспечивал своих людей Лёха Шульга, ещё одной подобной встречи не хотелось. Особенно учитывая то, что шёл охотиться как раз не на свинью, и не охотиться, и не шёл, а ехал — поодаль, в машине, ждал кореш, Хлебушек. Разумеется, его документы тоже были в полном порядке, но зачем лишние проблемы людям, решающим деликатные дела? Потому он отошёл, примирительно показывая ладони.

— Просто дорогу на Electri спросить, мужики!

— Ты что, в Будапеште заблудился, не можешь выйти к ратуше? — угрюмо спросил бородач с пузом, по виду бригадир. — Здесь всей дороги — вырубка сюда, да вырубка отсюда на энергостанцию Electri-korp.

Другой старатель тряс за плечо пьяного, решившего ненадолго вздремнуть.

— Вставай, Рэми, отлежишься во времянке... — упрашивал он.

— Глина, хуй, водоворот, я ебал времянку в рот!

Идти Рэми никуда не хотел, ему и рядом с гусеницей бульдозера вполне нормально отдыхалось, он отругивался дурацкими стишками и агрессивно махал рукой. В конце концов на шум пришёл охранник, к счастью незнакомый. Вдвоём с товарищем они взяли поэта за робу и утащили к вагончикам. Ботинки у него были отличные, геологические, ими поэт упирался и тормозил, пока не получил добрую товарищескую затрещину, тогда успокоился — догулял, слава тебе, господи. Больше ему за Ручьём не работать, завтра же получит расчёт, потому что пьяница на прииске — просто потенциальный труп и затраты для компании. А вообще Гардыш искал своего знакомца и спросить хотел совсем другое — безвредный седатив покрепче, да не свиделся, забодай его рогац.

Он вернулся в машину и уселся за руль. Хлебушек встретил его страдающим взглядом.

— До темноты надо добраться, — сказал напарник с таким видом, будто что-то понимал в лесу, а не висел на шее камнем. Хлебушек был просто электриком, в далёком прошлом работавшим на станции ОЗДЖ, и в лесных делах совершеннейшим цивилом.

— Не ссы, доберёмся.

Гардыш вырулил с прииска и покатил по просеке. Он искал, где бы свернуть и спрятать машину, вдруг поедет груз или вахта, но лес стоял по бокам суровой стеной, густой и чёрный, как волосы цыганки.

— В блудняк мы ввязались, Палыч, — вздохнул Хлебушек.

— Заткнись.

Он и сам понимал, что снова идёт по тому тонкому льду, под которым катит волны река нового срока, обещанные им с электриком деньги, по тридцать кусков общих единиц (попросту ое), подтолкнули лишь косвенно, просто Шульга умел уговаривать.

— Порешай, Виктор Палыч, — мягко настаивал хозяин, глядя, что Гардыш колеблется. — Вопрос деликатный, требует сноровки и педагогических навыков. Мне кроме тебя в таком вопросе и положиться не на кого. Никто кроме нас! — он хлопнул по плечу и приобнял. — Возьму тебя заместителем, а? Пора бы в офисе осесть, пусть молодняк с ружьём бегают, ему здоровье позволяет, а мы, взрослые, должны руководить. Не на ставку, на проценты с добычи поставлю. Что скажешь? Кум просил за человека, значит, надо помочь.

От слов «офис» и «проценты» Гардыш и поплыл, в общем, сказал «да». Что двигало Хлебушком, понятно и ослу: заядлый игрок, практически игровой наркоман, весь в долгах и кредитах по самые яйца, Хлебушек всё продал и промотал, даже дом своей старухи мамки, а теперь вместе с этой самой мамкой жил у Шульги во дворе, в летней кухне, не то прислуга, во дворе убираться да ремонт творить по мелочи, не то сторож. Но он знал эту станцию и висел хозяину, как земля колхозу. Уйти от Шульги для Хлебушка было равнозначно смерти и отказать, разумеется, он не мог.

В багажнике внедорожника лежали ружья с транквилизатором, огнестрельные ружья, верёвка и мешок, два переходных скафандра, рулон толстой резины с липучками, соленоид и куча другого говна.

Наконец попалась небольшая залысина, куда он довольно удачно поставил джип. В темноте да с грунтовой дороги его не заметят.

— Дальше придётся идти через лес пешком, потом через ельник, — сказал Гардыш и начал собираться.

Здесь пролегалась бычья тропа, по ней когда-то ходили к водопою местные копытные сродни зубрам, по ней Гардыш Хлеба и повёл. На плечо закинул седатив, в руки взял винтовку с разрывными, за поясом охотничий нож, второй — под коленом, за спиной — рюкзак со снарягой, глянул на компас и пошёл по азимуту, ведь навигатор, пока в иномирье не запущен спутник, был бесполезен.

Сколько километров Гардыш оттопал для Лёхи Шульги? Кто с ним дольше всех работал? За чей счёт он наживался, бывая в лесу лишь наскоками? Положим, Гардыш сам не бедствовал, но и не жировал.

— Поклянись, что это моё последнее дело, — потребовал он у Шульги.

— Последнее, клянусь, — ответил тот.

Хлебушек кряхтел и плёлся следом. За спиной он тащил свою резину и другие приبلуды. Смертельно боясь леса, он выпросил у хозяина пистолет, теперь его карман оттягивал тридцать восьмой Смит-Вессон. Гардыш посмотрел бы по приколу, как электрик остановит гангстерской пугалкой саблезуба, чем, вообще, пистоль ему поможет? Но не в этот раз. Как минимум *пока* он нужен.

— Боязно мне, мистер Том, — сказал Хлебушек вскоре, перелезая через бурелом. — Вроде и птички поют, но как-то, знаешь, не по себе. Вдруг хрень лютая выскочит и станет

нас ебать...

— Какой я тебе, к дьяволу, Том, — недовольно спросил Гардыш, — если я крещёный Виктор?

— Это из книжки!

— А-а... — Гардыш помолчал и с неохотой добавил: — Не выскочит.

— Точно?

— В начале лета здесь трассу ложили к копальне, — пояснил он, — так группу рабочих с охраной убили мозгоеды. Человек восемь, что ли. Задохлых сотрудников Electricorp большие заплатил штрафы, едва лицензию на разработку не отозвали, а знаешь, сколько она стоит? Чтоб неприятностей больше не вышло, всё зверьё в округе янтарники просто вытравили по-тихому. Разбрызгали из коптера центнер зарина, всё и выдохло. Человек прежде всего, говорят. А на самом деле — барыши.

Некоторое время Хлебушек молча пыхтел позади, потом спросил:

— А кто такие мозгоеды?

— Чёрт его знает, впервые наткнулись. Трупки только и видели, с десятков, чуть больше парни постреляли, прежде чем зажмуриться. Мелкий зверь сродни хорьку, но чутка побольше. Стаей напали. Нам с Шульгой показывали тело, спрашивали ху из, мы сказали, что во сне не ебём, но мех говно. Не пушной зверь.

Хлебушек догнал его и пошёл рядом, пот катился ручьём с его лба и длинного носа.

— А почему мозгоеды?

— Один жмурик был с дырой вместо рожи, вот кто-то брякнул — мозгоед, и пристало. Короче, всё засыпали ядом, а потом уже, как зверьё повыздохло, валили лес. Здесь до сих пор одни жуки, птицы да летучки.

— Хорошо, что повыздохло, — чуть подумав, заметил Хлебушек. — У меня мама старенькая.

— А как по мне, то сучество, — Гардыш сплюнул под ноги.

— Что же, лучше дырка вместо лица?

Гардыш хотел объяснить, что честно ставить капкан или ловушку: твоя хитрость против хитрости зверя, честно уложить добычу из винчестера: твоя меткость против его удачи, но вспомнил, что идёт с Хлебушком и злобно бросил:

— Лучше не пизди под руку!

До самого края ельника шли молча. Там, в тенёчке, на мягкой прелой хвое перекусили старательским сухпайком: тубик с куриным супом да пакет-самогрейка с говядиной, и запустили коптер.

Баба дважды выходила из станции возиться в клумбе, пока выбежал ребёнок — его, Гардыша, добыча. Ребёнок приволок нечто, завернутое под младенца, может куклу. Баба наругалась, намахала пальцем, дитё убралось в станцию, за ним последовала баба. Все были дома, отлично. Дождутся ночи, взломают станцию, мамашу угостят седативом, ребёнка заберут. Хорошо, хоть убивать приказа не было. На мокруху Гардыш не пошёл бы даже за проценты.

— Кстати, а почему Хлебушек? — спросил он. — Потому что Глеб?

— Потому что Колобок, — ответил электрик. — Ну, как в сказке: я от дедушки ушёл, и от бабушки ушёл. Сколько себя помню — бегал от неприятностей, и пока они меня не поймали. Значит, Палыч, по темноте подойдем к забору со стороны пригорка, там ниже всего. Забор как раз на днях чинили. Я кину провод на конденсатор и соляноид, ждём ровно

две минуты, а ты готовишь пневмопушку. Разматываем по забору резину, а дальше лезем. А уж как откроем станцию и попадём вовнутрь — я сразу забор отключу, обратно выйдем как белые люди.

— Ну, помоги, господи! — Гардыш размашисто перекрестился и встал.

Лучше заранее переодеться из защитного комбеза охотника в прорезиненный переходный скафандр.

Глава 17. Григорий Павлович

Инфузории вели себя прелюбопытнейшим образом, он всё детально зафиксировал и снова прилип к микроскопу, так до обеда и просидел. А когда достал заботливо собранный женой особый, диетический перекус, оказалось, что в сумке нет сигарет. Нет, пачка была, но в ней одиноко лежала зажигалка с рекламой суперпылесоса, который разве что постельное бельё не сможет выгладить хозяйке, но всё остальное сделает, даже борщ и сына. Экая досада, господа! На все увещевания родственников бросить эту вредную и немодную привычку, Григорий Павлович неизменно отвечал, что в его годы что-либо бросать более вредно, чем оставить как есть, впрочем, количество сигарет по настоянию врача старательно учитывал: не более четырёх в день. Утром, с чашкой чая, после обеда, по возвращению домой и на ночь. И вот, вместо четырёх он выкурит три сигареты, а то и две! Немыслимо, таких страданий он ничем не заслужил.

Григорий Павлович вышел из кабинета и направился к лаборантке, которая сидела в стеклянной лаборантской на своём вертящемся стульчике и «залипала», как принято было когда-то говорить, во все мониторы сразу.

— Илоночка, — поглаживая бороду, спросил он, — нет ли у нас поблизости студента, к примеру, на передачу?

— Нет, — удивлённо ответила та, бросив «залипать».

Илона всегда выглядела удивленной и походила на встревоженную курицу, даже когда радовалась. Из рта у нее пахло, порой Григорий Павлович думал, что негоже лаборанту кафедры микробиологии носить в собственном горле чашку Петри и не лечить вульгарный галитоз, но сказать нечто подобное было невысказано неловко, оттого попросту старался Илону не обонять.

— Жаль, я стрельнул бы сигарету, — он с улыбкой развёл руками.

— Сейчас никто почти не курит, — сказала лаборантка. — Сейчас все капают глазные капли, от них настроение.

— Гипертоники благодарят покорно, — шутливо отказался Григорий Павлович.

Между капельным, порошковым, алкогольным, даже кофеиновым прекрасным настроением с одной стороны и терпимым самочувствием с другой он уже давно выбирал последнее.

— А курят только динозавры вроде вас да Марьи Ивановны.

— Ах, сердечно признателен за наводку!

Григорий Павлович поспешно, то есть, самым бесполезным образом проглотил свой диетический обед, снял халат и пошёл на кафедру ксенозоологии, раскланиваясь по дороге с коллегами и доброжелательно здороваясь с детьми, которые сновали тут во множестве и в самых различных легкомысленных вариациях, мальчишки, девочки и гендерно неоднозначные экземпляры. Эх, молодость, молодость!

На втором этаже снова разболелось колено, и на шестой он поднялся в лифте, вместе с первокурсниками. В лифт набилось четверо: две девчонки в очках, один парень, выкрашенный в розовый колор, другой, умело покрашенный, с янтарными серьгами. Накрашенный предельно серьёзно изучал математику, но розовый исподволь гладил по ноге одну из девчонок к огромному её, кажется, удовольствию, судя по широкой улыбке. С ними Григорий Павлович минутку поболтал. Ему нравилось общаться с молодёжью: пошутить с

ними, слушаешь их глупой музыки — и сам себя студентом ненадолго, да почувствуешь.

Кафедра ксенозоологии как обычно наполнилась звуками. В просторных клетках и вольерах содержалась безопасная и средней опасности фауна, отчего некоторый запах, иномирное тьяканье, шипение и птичий крик здесь были самым обычным фоном, и он возрадовался, что его милейшие инфузории так тихи и приличны, так бесподобно ожидаемы и так парадоксальны. В лектории у стены в фривольной, вычурной позе стоял скелет человека, над ним угрожающе висел скелет рогача, а вот живых людей не наблюдалось, даже вольеры двоечники с прогульщиками не чистили. Пискнула дверь и вбежала знакомая студентка, круглая отличница, староста группы третьего курса.

— Настенька, здравствуйте, а где все? — спросил Григорий Павлович.

— В прозекторской, — ответила та, — тоже здравствуйте очень сильно. Идёмте скорее смотреть, как нового зверя препарируют!

Григорий Павлович пошёл за нею.

В прозекторской кафедры, вокруг стола скопились белые халаты, над ними торчали разноцветные детские головы и царствовала седая стрижка Марии.

— А я Григория Павловича веду! — крикнула Настенька.

Дети неохотно расступились.

— *Salve, Mari*, — сказал он, — *salve alumni*.

— *Intra, Gregor*, — Мария улыбнулась. — Погляди, кого достать удалось.

Григорий Павлович поглядел на распластанное на столе, открытое будто дамская сумочка тельце, и неприлично закашлялся, потому что слишком резко вдохнул и подавился капелькой слюны. Такого же зверька намерен он видел, слышал и, простите, обонял вживую.

— Где же вы его взяли? — откашлявшись, спросил он.

— Её, это самка, — быстро поправила Настенька.

— Племянник моего стоматолога работает в *Electricorp* инженером, — сказала Мария.

— Слышал, янтарь добывают, убийцы экологии, — кивнул Григорий Павлович.

— Само собой. Но как запретить, если законных механизмов защиты иномирья до сих пор не разработано? Ходим под представительство Ручья, митингуем, а толку? Но Грэгор, у них своя георазведка, и я просила, если встретится занятная фауна, оставлять для нас по возможности живой экземпляр. Этот мне достался замороженным, Васин племянник говорит, что еле смог его вынести незаметно, а до этого месяц держал в морозилке. Там целая трагедия случилась и комиссия работала. По его уверениям такие зверушки напали на корпоративную группу и всех до единого убили. Тела невероятно изуродовали, какую-то часть удалось застрелить, видно было, что охрана отбивалась, как могла. Я уже вскрыла, отсканировала, сделала рентген и взяла пробы всех тканей, Настенька в лабораторию носила, ждём распечатку.

— Э-э-э... — задумчиво произнёс Григорий Павлович. — И что же ты скажешь, душа моя?

— Души не существует, Грэгор, — Мария цинично ухмыльнулась. — А скажу я тебе, что это не зверь, а чёртова машина для убийства! Корпоративщики их обозвали мозгоедами и неспроста. Грэгор? ГРЭГОР! Настя, воды!!! Да расступитесь все! Томас, форточку открой!

Григорий Иванович, неожиданно для самого себя осевший на пол, покачал на суету пальцем и внятно, как ему показалось, произнёс:

— Мари, у тебя не найдётся таблетки от давления?

Курить ему как-то и расхотелось.

Глава 18. Грей

Пуф. Словно что-то бросили далеко, уронили или прыгнули. «Приснилось», — подумал он, но тут же услышал новый «пуф», тогда проснулся. Пуф, тш, тш, тш.

Звуки доносились снаружи, походило, будто кто-то лез по сотам. И коч у понятно, что такое невозможно, сколько крыланов на них передохло, но Грей мог поклясться, ведь он уже слышал звук, издаваемый сотами! Именно такой. Кто-то лез в логово. Возможно, соты сдохли, больше не хватали и не швырялись? С одной стороны это хорошо, значит, Грей сможет ходить туда-сюда, но с другой стороны, кто угодно в логово может забраться: и патр, и зубарь, зубари, те ужас какие лазучие. Или ещё один усс, а то и два сразу. Утром семья встанет, а они нападут и передошат. Пора бить тревогу, или подождать, вдруг так надо?

Грей сел у Матери в изголовье. Нос напрягся, уши и отростки насторожились, загривок вздыбился.

Вскоре в тихих, вкрадчивых шумах и осторожных движениях он разобрал шаги двуногих. Может это родичи Матери вернулись через внутренний вход? Ну разумеется, двуногие знали хитрость, чтоб соты не ранили. С другой стороны, если это родичи, зачем они крались, будто патры, и старались не шуметь? Обычно все двуногие, который видел Грей, ходили гораздо громче, с криками и лопотом. Всё ясно: самцы из другого семейства пришли исследовать охотничьи угодья Матриарха! Этим полагалось бить всем скопом, и Грей совсем взволновался.

«Сейчас она проснётся, да как погонит их», — с надеждой подумал он, от нетерпенья подбирая хвост, но Мать спокойно спала, словно присутствие чужаков её не волновало. Сестра тоже дышала мерно. Бояться или нет?

Пока он терялся в догадках, чужаки не зевали: они забрались вовнутрь. «Пойдут пить горячую воду — значит родичи», — решил Грей, но услышал, что шаги одного направляются к запретной комнате. Там он не закрылся, как Мать, а пищал пальцами и делал странное. Сразу что-то щёлкнуло, погасли светлячки и низкий Ночной Глаз, свежий воздух перестал дуть, а логово для сна погрузилось в кромешную тьму. Глазу понадобилось время, чтоб привыкнуть и видеть снова. Приближались шаги второго чужака.

— Проснись! — в ужасе сказал Грей и боднул Мать в плечо. — Просыпайся, идут чужаки!

Но она оттолкнула его морду, потом загребла лапой себе под бок и накрыла мягкой шкурой, как всегда делала, когда он будил её слишком рано, в знак того, что положено спать дольше. Нет, только не сейчас! Да что такое с нею?!

— Просыпайся! — вертясь во все стороны, потребовал он снова, гораздо громче и настойчивее, ведь времени подготовиться к бою почти не осталось!

Наконец Мать пошевелилась, да поздно. Выход открылся. Грей едва успел втянуть хвост и затаиться под шкурой, лишь краем глаза выглядывал.

Сердце колотилось как безумное, так быстро, что чужак, наверное, услышал его стук и почувал его страх.

Это был самец, вонял он отвратительно: горелой шкурой, лесом, добычей и смертью. Уж что-что, а запах добычи Грей отменно знал. Он нёс громовую палку, ещё одна была за спиной. На брюхе висел огромный коготь, другой, поменьше, таился ха лапой. Всё, что Грей видел однажды, он запоминал навсегда. «Чужак пришёл убить меня, — решил он с

ужасом, — никчемного пустого муста. Ведь не на Мать же нападёт?» Этот самец был воином чужой семьи, но всё-таки самцом.

Чужак поднял палку и Грей весь окаменел в ожидании грохота, но палка негромко плюнула птичьим пером. Едва проснувшись, Мать вздрогнула и снова легла. Дрожа от ужаса, Грей заполз на грудь — сердце билось, но запах её дыхания изменился, стал другим, должно быть, перо несло на себе слюни усса. Теперь она будет лежать, как мёртвая, как Грей недавно лежал. Всё пропало.

Чужак схватил Сестру, та закричала пронзительным и долгим криком, замахала лапами, но воин был гораздо больше и куда сильнее. Он лопотал в ответ, и трещал, и квохтал низким голосом, потом как рывкнул — Грей с перепугу обмочился прямо под себя, а лежал-то он на Матери, вот это стыд.

Чужак поднял Сестру и вынес прочь. Он, как сулица, воровал детёнышей!

Грей слышал страданье и страх в её плаче, и сам страдал не меньше, и боялся вместе с нею, но не мог пошевелиться, чтоб бежать и прятаться — весь застрял.

Вошёл ещё один чужак, тот, первый. Подошёл близко, смотрел на Мать сверху и громко дышал, вроде как принюхивался. Он что-то пролопотал, как все двуногие, Грей услышал насмешку в его голосе. Потом согнулся и потрогал Мать лапой. Он тоже был огромным. Он тоже пахнул смертью. Они хотели забрать не только Сестру, вот для чего они пришли.

"Больные слюнями, мерзкие твари, — успел ещё подумать Грей с отвращением, презрением и обидой, поднявшейся в сердце. Его никто не кусал и не бил, больно стало просто так.

А затем чужак откинул шкуру в сторону и увидел Грея на груди у Матери.

Грей посмотрел ему в глаза.

Он посмотрел в глаза Грею.

Мир содрогнулся резко и сильно, как тогда, когда его схватили соты. Только теперь Грей дышал, видел и чувствовал в сто раз сильнее. Ненависть разливалась по его жилам, даже покалывало пальцы. О-о-о-о, как он ненавидел этого чужака! Ненависть билась, просила выпустить её, и Грей запел.

Глава 19. Гардыш и Хлебушек

— Слышь, Палыч, а баба-то хороша, — сказал Хлебушек, зависая над койкой. — Я только посмотрю.

— Не страдай хернёй, — бросил Гардыш, удерживая лягавщуюся девчонку. — Да успокойся ты! Проклятье! Укусила!!!

Он притормозил, на ходу доставая из кармана целлофанку, размотал, прижал к орущему рту и носу платок, густо смоченный отравой навроде старого доброго хлорэтана, только помоднее да чутка получше. Конечно, не укол, но на время вырубит, а там и со станции уберутся. Хорошо или плохо, согрешил он или помог «хорошему человеку», дело сделано. Дело сделано!

Закинув на плечо обвисшее лёгкое тельце, он быстрым шагом пошёл прочь. Камеры Хлебушек отключил и почистил сразу, едва попал в контрольный пункт, осталось выйти со двора, смотать резину, забрать инвентарь электрика, прихлопнуть калитку ограды — ловите ветра в поле!

Позади него, в станции, раздался тонкий пронзительный вой, оборвавшийся на верхней ля. Он подумал, что это уж никак не звук аппаратуры, так могло кричать только живое существо. А потом закричал Хлебушек.

— Гардыш! Сука! Помоги, Гарды-ы-ыш! А-А-А-А-А!!! — как резаный вопил электрик.

Гардыш растерялся. Он же вырубил бабу, влупил ей седатива, что твоей свинье. Он сам видел, как она упала на подушку, спящая глубже, чем в тот момент, когда они вошли. До утра провалается как мясо, к тому времени ищи-свищи дочурку-то, и без мокрухи, слава тебе, господи. С Шульгой они уговорились о встрече в его охотничьей колыбе, бывшей энергостанции мебельной фабрики, выкупленной предприимчивым Шульгой у банкрота. Каких-то вшивых два часа езды по корпоративной трассе, а там уже, за полем, собственная вырубка и база, откуда мужики и ходили на промысел.

Просто. Осталось. УБРАТЬСЯ!!! Но ебаный Хлебушек, носатый уродец, влез в какое-то дерьмо. Что там, блядь, могло случиться?!

Ему сильно захотелось просто уйти одному, с девчонкой на плече, бросив к хуям и электрика, и весь его скарб, забодай рогац, но Гардыш быстро сложил два плюс два. Поймают Хлебушка — вычислят Шульгу. А краденная девка тебе не шкура саблезуба, штрафом не отделаешься, это пожизненная статья. Садиться хозяин за Гардыша не будет, быстро умоет руки, я здесь не при чём, скажет, я уважаемый бизнесмен, это всё он. И сдаст мусорам. Прощай, офис с процентами, да что там офис, прощай волюшка, понюшка и лес, прощай, азарт, с которым Гардыш нажимал на курок, глядя в глаза свирепых хищников, лесных и болотных. Не-е-ет, братцы, за Хлебушком придётся возвращаться. Девчонка обдолбана и никуда не денется, а вот крепко наследить они могут, забодай его рогац.

Гардыш свалил девчонку на землю прямо у входа, и ринулся назад в тот миг, когда на станции раздались беспорядочные выстрелы из гангстерской пугалки, а крики Хлебушка переросли в верещание свиньи, которую из хлева тянут к колюну. Гардыш законно хвалился своей меткостью, однажды, на спор, уложил шерстистого носорога прямо в глаз, не сводя цель с мушкой. Он на ходу сорвал винчестер и дослал в патронник патрон с самой тяжёлой экспансивной пулей. Чёрт побери, не дейнозуб же кореша ебёт?

Хлебушек отключил ворота, а с ними вместе — энергию на всей станции. Система-автомат уже включила аварийную подсветку, и теперь по ходу движения Гардыша в стенах зажигались лампочки, в коридоре к лаборатории, вбок, по другому коридору, к личной комнате зрителя, где он Хлеба и оставил.

В белёсом тусклом свете экономок ему открылась дикая картина, хотя жизнь трепала его как могла, отчего повидал Гардыш на своём веку самых разных картин немало.

Баба ожидаемо лежала тушкой. Посреди комнаты плясал Хлебушек, в прорезиненном переходном, как и сам Гардыш, скафандре, хаотично размахивая руками и во все стороны разбрызгивая кровь. Ствол он выронил и тот валялся поодаль, а вокруг Хлебушка, как пчела вокруг цветка, порхала шипастая тварь с длинным хвостом. Вертелась, юлила, заходила снизу, сверху, с боков, уворачивалась, извивалась, и жалила, жалила, жалила, вгрызаясь с лютью, чтобы снова отскочить и снова укусить, а в местах его быстрых и лёгких укусов расцветали кровавые розы.

— Пригнись! — гаркнул Гардыш.

Оба повернулись в его сторону, и Хлебушек, и тварь.

Это был мозгоед, самый натуральный мозгоед, каких им с Шульгой показали в Electric, живее всех живых, как детская пугалка — Ленин. Узкая длинная морда лаково блестела от крови, чёрные провалы глаз отблёскивали мёртвым светом. Что до Хлебушка, у того глаз больше не было, вместо них по бокам длинного носа зияли глубокие рваные дыры.

— Помоги, Гардыш! — сказал Хлебушек, поскользнулся в собственной крови и упал.

Гардыш вскинул винтовку, упёрся прикладом в плечо и выстрелил. Мозгоед словно чуял — извернулся змеёй и бросил своё длинное тело в Гардыша. Тот ударил прикладом и попал, тварь отлетела, но тут же вскочила и с прежним тонким воем кинулась в бой. «Он берёт за голову, как за самое уязвимое место», — подумал Гардыш, доставая нож, и закрыл рукой с ножом голые лицо и шею. Но мозгоед словно знал, что такое тяжёлый охотничий нож — описал вокруг Гардыша кульбит и вгрызся под коленом.

— Ах ты ж сука ебаная! — заорал Гардыш, мотыляя ногой у лупя ножом, но только незначительно задел изворотливую тварь. С птичьим клёкотом мозгоед отпрянул и спрятался за ослепшим, ослабевшим Хлебушком.

— Помоги, Гардыш, — как заведённый талдычил тот, водя руками по полу, словно искал и не мог найти собственные глаза. — Помоги...

Вокруг него расплывалась кровавая лужа. Жилу, что ли, порвал? Теперь электрик был попросту бесполезен.

— Падай! — рявкнул Гардыш, перезаряжая.

Остатки соображалки у Хлеба, слава богу, работали. Он лёг и Гардыш выстрелил в серую тень за ним. Вторая пуля тоже ушла в молоко — тварь, пусть и раненная, была чертовски быстрой. Он не успел перезарядиться, как почувствовал лёгкий, казалось бы, удар: острые зубы сомкнулись на здоровой ноге под коленом, выше берца и ниже защитной пластины, словно зверь делал всё, чтобы человек на своих двоих не ушёл. Зверь упёрся лапами, впившаяся в людскую плоть изящная головка с длинными кожаными отростками возле ушей повернулась набок, и Гардыш взвыл от боли. Он исхитрился снова достать мозгоеда ножом, но к сожалению, опять не насмерть: изворотливый убийца брызнул из-под рук и ушёл куда-то влево, но это дало вторую желанную передышку.

В ботинках теперь мокро хлюпало. Это плескалась его кровушка. «Надо убираться, — подумал он. — Электрик не жилец, самому бы ноги унести...» Чёрт с ним, с мозгоедом,

просто выйди и захлопни дверь, а уж тот не откроет, у него лапки! Гардыш нервно хохотнул. Целясь перед собой и медленно поводя стволом из стороны в сторону, готовый мгновенно нажать спусковой крючок при малейшем движении, он попятился, кряхтя и морщась от боли.

Сможет ли он донести девчонку до джипа? Нет, пусть сама идёт, её-то ноги целые, забодай рогач, а вот всю амуницию придётся бросить. «Залягу на дно после дела, затихарюсь, — думал Гардыш. — Пусть Шульга раскошелится уладить»...

Длинный хвост хлестнул по ногам и словно прилип, впившись костяными шипами. Он запутался и свалился как мешок, выронив нож, впрочем, выстрелить успел. От выстрела привставший на карачки Хлебушек снова лёг и больше уж не шевелился — на каждого Колобка своя лиса найдётся рано или поздно, догнала-таки судьбина. А вот перезарядиться Гардыш больше не смог, потому что мозгоед взгромоздился ему на грудь, лёгкий и тёплый, как домашняя кошка. На него уставились глаза без радужки и белков, чёрные, будто дьявольские дыры с выходом прямиком в охотничьи уголья сатаны. На груди мозгоеда красовался порез, второй, кровавый, шёл вдоль рёбер. Чутьочку выше, и Гардыш проткнул бы ему сердце. Тварь распялила пасть и тонко завизжала ему в лицо, поднырнула под рукой, которой он пытался защититься, впила в шею над ключицей, прокусила, провернула, рванула и ушла.

Кровью Гардыш изошёл в считанные минуты.

Глава 20. Лана

Будильник надрывался — сегодня Лана проспала. Словно сквозь вату в ушах она слушала стандартную трель и недоумевала, отчего так тяжело вставать? Может оттого, что на груди устроился Серый и мурчал на кошачий манер, или от дурноты? Кажется, она заболела. Наверное, обязательная прививка Глобал, предохраняющая от всех инфекций иномирья, перестала работать и она заразилась чем-то от зверя, от леса, от змея, да просто от воды из скважины во дворе.

Лана подняла руку, почесала ею вторую руку. Унюхала какой-то скверный запах. Её тошнило?

Первым делом нащупала и отключила будильник, потом сбросила Серого, перемазанного в какой-то липкой дряни, и только тогда разлепила очи. Ну и кричать, само собой, начала тогда же. Потому что прямо посреди комнаты в луже крови распласталось тело незнакомого мужчины в переходном скафандре, и глаз у него НЕ БЫЛО, а практически в дверях лежало второе тело с дырищей В ШЕЕ.

Это в детстве на твой крик прибегают мама с бабушкой, мажут коленку, дуют на палец, прогоняют шмеля в окошко. А когда между тобой и Вечностью никого больше нет, можешь кричать до хрипоты, никто не придёт и проблем не решит. И мёртвые тела из комнаты тоже никуда не денутся. «Утихни и смотри», — велела себе Лана.

На полу валялось оружие: пистолет возле первого трупа, ружьё и огромный охотничий нож — у второго. Ничего утешительного в этом не было, учитывая весьма поверхностное знакомство Ланы с оружием, впрочем, в мыслях мелькнуло, что никакие это не сотрудники, как решила она сперва при виде обычных переходных скафандров, в каких совершали переход, в смысле, прибывали через нулевую точку, а самые настоящие злоумышленники, которые по непонятным причинам вдруг умерли у неё в спальне самым грязным образом.

Голова кружилась. Сев, Лана рукой отодвинула суетливого Серого и стала осматриваться дальше.

В паркете застряла пуля, в прекрасных экологических панелях прямо над её кроватью — целых две. Серый попытался опять на неё вскарабкаться, цокая и поворачиваясь боком, словно показывал раны. Бедный зверёк чуть не погиб! Он был весь в крови, от носа до кончика хвоста, и только янтарно-жёлтые глазёнки умильно и весело блестели. Всю постель покрывали следы его лап, передних, с пятью пальцами, и задних, с четырьмя, при этом он выглядел довольным, словно съел полкило форели. Наконец Лана увидела торчащий в собственном бедре дротик вроде тех, с какими приходила зоозащита, усыплять малыша-рогача, и шестерёнки в мозгу зашевелились быстрее. Капельки нигде не было.

— Капелька! — как сумасшедшая закричала она.

— Мамочка! — раздалось со двора.

И плач. У Ланы на мгновение отлегло от сердца — дочь жива. Постанывая от ужаса, с брезгливой осторожностью обходя трупы и разлитые биологические жидкости, она выскочила на улицу и обняла продрогшую, но совершенно целую малышку, сидящую на крыльце босиком, в одной пижаме.

Через забор свисало резиновое полотно, пришпиленное с двух сторон стержнями, зияла распахнутая настежь калитка, а напряжение отключили, а может вообще сломали защитный

забор. Это было чертовски странно, учитывая то, что красть на станции нечего, кроме самой простой аппаратуры или техники, которой везде в достатке, это же не банк и не склад янтаря? Брать рейдерским захватом энергостанцию Общества тоже попросту глупо и немыслимо, ОЗДЖ — не спорная частная фирма, которую делят компаньоны, а серьёзная волонтерская организация. Лана ничего не понимала.

— Мамочка, — сказала Капелька, крепко обнимая её за шею, — плохой дядька схватил меня ночью и стал уносить. Я тебя звала, но ты спала так крепко! Я его била ногами и укусила, а он кричал, чтоб я заткнулась. А потом второй пришёл! А первый схватил вонючую тряпку и стал меня душить, и вдруг я тут проснулась. Холодно! И тошнит. Меня комар укусил в локоть, видишь какой волдырь? Почеши мне. Ещё почеши. Я испугалась дядек. Ты их прогнала?

Волосы зашевелились от ужаса у Ланы на голове, и она ещё раз обняла малышку. Лана плохая мать. Она не смогла её защитить. Подумав о защите, запоздало вспомнила о заборе. Лихорадочно оглядываясь, нет ли в её маленьком саду живых похитителей, и не прячется ли на клумбе нелегализованная фауна, она сорвала с забора резину и заперла. Попыталась подать напряжение, но это никак не получалось, горе-похитители что-то сломали. Лана трижды без толку перезапустила систему, забор Убийца так и остался обычной металлической сеткой, пусть и с толстыми, прочными прутьями, однако, недостаточно надёжный. Требовалось срочно вызывать ремонтников. Хорошо, хоть выравниватель плазмы был в порядке, потому что в командном пункте бродили тоже, по крайней мере, все четыре камеры наблюдения очистили.

Лана как обычно повернула рычаг, только показания в журнал записывать не стала. Что ей записывать? Температура воды — семнадцать градусов, температура воздуха — двадцать один по Цельсию, температура трупов аналогична? Как ей вызвать ремонтников, если у неё полная станция окровавленных тел?!

Нужно присмотреться к мертвецам, обыскать их, что ли... Зачем этим людям маленькая девочка и, самое главное — как они сдохли?! Мерзавцы усыпили Лану и хозяйничали на станции, что ещё они натворили? Что здесь, чёрт побери, творилось ночью, и как справиться со всем этим бардаком? Надо вызывать начальство и полицию. С другой стороны, Павор как клещами вцепится в это нападение и заведёт обычную пластинку, что ребёнку опасно с матерью. Только не это, судья и так колеблется...

— Хочу писать! — сказала дочь, вставая.

— Не-е-ет, дорогая, писать нельзя, — испугалась Лана, удерживая её за руку.

— А чего?

— Там опять беспорядок, — пояснила виновато.

Все пописали на газончике, под яблоней, включая притащившегося следом Серого.

Как для раненого, выглядел зверёк неплохо, даже хорошо, но Лана всё равно пожалела страдальца, неизменно попадавшего в неприятности: битый, кусанный, теперь ещё и резанный. «Помыть бы его», — не к месту подумала она и устыдилась — не хватало заняться такими глупостями, будто других хлопот не доставало!

Дочку Лана укутала в кофту с капюшоном, отнесла в лабораторию, усадила в кресло старичка-микробиолога, вручила бутылочку йогурта с печеньем и энциклопедию жуков с чудесными, очень объёмными картинками. Туда же заманила Серого и заперла с куском куриного филе.

— Посиди здесь, пожалуйста! — попросила дочку. — Маме надо поработать.

Агроном, конечно, не криминалист, но и не ученик средней школы для детей с особыми потребностями. Лана посмотрела на тот труп, что лежал на выходе и блеванула в кадку с пальмой. Стало немного легче и она посмотрела ещё раз, а потом и вовсе наклонилась, чтоб разглядеть всё как следует.

На бородатом лице мертвеца застыла досада, кажется, он пытался уползти в коридор. Станный это был человек, не обезображенный интеллектом, заросший неухоженной бородой, Лана даже боялась предположить его род занятий. Левой рукой мертвец пытался зажать ужасную рану у основания шеи, правую, видно, раненую раньше, выбросил вперёд, да так и скончался. Лана с отвращением потрогала запястье трупа — уже остыл. Этот человек отбивался и подставлял предплечье: рукав прорезиненного скафандра был многократно порван и окровавлен, как и обе штанины. Укусы под коленями не просто глубоки — кто-то вырвал куски плоти. Лану передёрнуло. Чуть поодаль лежал окровавленный нож. Второго ножа мертвец почему-то не достал. Неужели так Серого и ранили? Не он же их загрыз? Чушь, ерунда! Он ни разу не цапнул Лану, хотя мокрой тряпкой уже получал, если был навязчив. Или Капельку, а уж та его мучала по всему девчачьему алгоритму: заворачивала в одеяло, возила в коляске и кормила фруктовой пастилой, он терпел и даже ел порой. Морщась, с омерзением, но ел.

Обыскивать труп Лана побоялась. Брезгливо, на цыпочках обойдя кровавую лужу и широкий след ползущего тела, она подошла ко второму мертвецу. Её желудок был пуст, как банковская карточка в канун аванса, но даже пустой и чистый, он дважды попытался вывернуться, так плохо выглядело безглазое тело похитителя. Давясь пустыми спазмами и превозмогая дурноту, она принудила себя наклониться, чтоб как следует рассмотреть раны, совершенно аналогичные только что виденным. «Где-то должны валяться вырванные куски мяса, глаза эти, что ли», — подумала она, оглядывая кровавое побоище. Хорошо бы потом не наткнуться на глаз в неожиданном месте, через неделю, по запаху.

Она тупо рассматривала труп, но вдруг почему-то вспомнила, как играл с хвостом Серый. Больше ничего, одну эту юлу, в которой невозможно разобрать было ни лап, ни хвоста, и словно ошпарилась. Лану вырвало снова, теперь уже жёлчью.

Обмирая, она бросилась в лабораторию, наступила в кровавую лужу возле первого трупа, да так следы и потащила. Пальцы тряслись, пока тыкала ими в электронный замок. Распахнула дверь — лишь тогда вдох и сделала.

— Мама, смотри, Серый знает паучков! — сказала Капелька. — Он очень в книжку смотрит и радуется, хочет взять, да не может! Вот смеху-то! А курицу твою не ел, он не хочет кушать. Мама, давай его помоем и ранку заклеим, а то оттуда кровь, он книжку испачкал.

При виде её зверь, сидящий на столе перед дочерью, прижал уши, стал извиваться всем своим длинным, спортивным телом и залопотал, что-то поясняя: к-к-к! К-к-к-к-к-к!

— Это не его кровь, — только и сказала Лана.

— А чья?

Ответить Лана не успела, потому что запищал выход-вход нулевой точки. Пожаловали ещё какие-то гости.

— Сидите тихо! — велела она и снова захлопнула дверь.

Глава 21. Павор

Чертовка на экране была хороша: пухлые розовые губы влажно блестели, маленькую розовую маечку распирала тяжёлая грудь, возможно, не совсем натуральная, но сделанная добротно, Павор бы пощупал. За спиной над её кроватью висел постер с ксено-пантерой в янтарных бусах, у подушки валялся розовый вибратор.

— В реале со мной встретишься? — спросил он в микрофон, скорее для порядка, чем из настоящего интереса, потому что даже ответ она «да», идти к проституткам Павор боялся.

Во-первых можно подцепить какую-то хворь и полдня проваляться в медкапсуле с иглолками во всех руках и трубками по всем местам, пока бездушный автомат, заменивший нынче большую часть среднего медперсонала, будет его обследовать и лечить согласно собственной программе и протоколу. От медкапсул Павора бросало в дрожь, как кого-либо от пауков, тесных заколоченных ящичков и нулевых точек. Во-вторых попросту могла протечь информация. Обычная слежка по уличным камерам, где-то Павор промелькнёт в неправильном месте — и пиши пропало. Не только его яйцеголовый — ушлый парень. Павор знал, что адвокатка жены тоже роет землю в поисках любого компромата, даже опросила бывших сотрудников и отзывы получила какие хотела. Она непременно подняла бы вой о финансировании легкомысленного и порочного рода занятий, невысокой морали и прочих мерзостях, вследствие которых отдавать ему дочь нельзя, потому что нравственное здоровье девочки не менее важно, чем физическое.

Но что поделатъ Павору, если он мужчина? Одинокй и здоровый, лишённй собственной, законной, условно бесплатной вагины? Разумеется, закинуть денег вебкамщице за приват и сделать себе массажик. Разумеется, с маслом.

Модель он выбрал помоложе, максимально непохожую на Светлану: аппетитную пышечку, белокожую блондиночку с никнеймом Тути Твоя Мечта.

— Ну что ты, — Мечта улыбнулась. — Я не такая. Я на доктора учусь. А ты чем занимаешься?

Павор знал эти штучки — заговаривать и забивать мозги, чтобы время шло, а дело не двигалось. И улыбка, и искренний её интерес к личности Павора, его обстоятельствам и даже тому, как прошёл его день, заранее оплачены и входили в отведённое ему девицей время.

— И что за доктор, уролог? — он ухмыльнулся.

— Педиатр.

Вот так, ребяташки, приводишь однажды ребёнка на прививку, и понимаешь, что докторица имеет диплом по мастурбации на камеру. Хотя, чтоб привести ребёнка, неплохо бы его иметь, тем временем от Шульги вестей по-прежнему не было. Всё настроение, шлюха, испортила.

— Не хочу об этом, — грубовато оборвал Павор.

— А чего бы хотел? — Тути подмигнула.

— Докажи, что ты Моя Мечта, — сказал он.

— Проще простого!

Она привсталала, через голову стащила свою маечку, и Павор обомлел. Отнюдь не от того, как во всей красе закачались её тяжёлые, чуть вытянутые груди, хотя и это было прекрасно. На животе и выбритом лобке Мечты красовалась филигранная тату в виде портрета

актуального президента. Рот Гаранта Конституции прятался ровнёхонько между её бедрами, соответственно, всякий желающий надругаться над правами и свободами гражданина мог его иррумировать. Разумеется, при доступе к педиатрскому телу. Павор в самом деле оживился.

— Лапочка, я ж на каждый Новый год под бой часов кончать начну, — заворковал он.

Тути хихикнула, показав кончик языка, расставила ноги и заиграла мышцами бёдер и пресса. У Павора глаза на лоб полезли — оказывается, гарант умел кривиться, что твой комик.

В тот момент, когда затрезвонил мобильник, будь он неладен, Павор уже тянулся за маслицем. Он собирался дать отбой и перезвонить после, но, глянув на экран, дал отбой вебкамщице и выключил именно её.

— Слушаю, Алексей Петрович! — поспешно сказал он, чувствуя, как пропадает напряжение в паху.

— Новостей пока не особо, — проронил Шульга и умолк.

«Так чего тогда звонишь?» — подумал Павор с досадой. Время шло, задаток (и большой), был уплачен, а результата, как и с судом — никакого. Тянет время, будто шлюха? Но, разумеется, он промолчал.

— А расскажи-ка мне о своей бабе, — сказал Шульга вдруг. — Кто она такая, чем занималась, кто её родня?

Павор удивился. Под рукой стояло массажное маслице, его он смахнул на пол и отшвырнул ногой.

— К чему это?

— Развожусь, — пошутил браконьер, — подыскиваю новую партию. Смотрины устроить хочу.

— Да что о ней говорить? — спросил Павор снова. — Баба с придурью, вот тебе и весь портрет.

— А что за придурь-то? — сразу спросил Шульга. — В чём выражается?

— Да ты издеваешься? — не выдержал Павор. — Ну истерики там, психи, принимает фантазии за действительность.

— Так кем она работала, ты говоришь?

Нет, это становилось невыносимо.

— Домохозяйкой! Ей что, работать надо было? Сидела как у бога за пазухой. Дом полной чашей, ни в чём не нуждалась, вот с жиру и взбесилась.

— А что она любила делать? Ну, в свободное время?

Павор недоумевал, к чему эти глупые вопросы и какое отношение они имеют к их с Шульгой общему делу. Однако, просто так чёртов бандюк допрос бы не устраивал, где-то крылся подвох.

— Розы рассадила во дворе и клубнику, — подумав, ответил Павор. — Виноград трёх сортов, его мы в прошлый раз и ели.

— А родственники жены — кто?

— Одна тётка у неё, старая проблядь. Мамаша с бабушкой чем-то вирусным заболели и давным давно померли, а папки вовсе не было, ну как, биологический-то был...

— Братья двоюродные есть? Кузены?

— Нет никого...

Ох, неспроста Шульга его спрашивал...

— Что ты хочешь, Алексей Петрович? — спросил Павор нетерпеливо.

— Я же сразу сказал — познакомиться, — произнёс браконьер другим совсем тоном. — Посмотреть на эту твою бабу, Павор, потому что два моих человека пошли по твою, еблан, пиздючку и не вернулись.

И, кажется, теперь он не шутил.

Глава 22. Матриарх

— Жди, — приказала она.

Йел залёг и застыл как камень, за которым прятался. Сзади и чуть поодаль от Матери прижался к стволу Редхи. Второй сын стоял безупречно, неподвижный, как само дерево, лишь глаза шевелились: наблюдал.

Мать, по-прежнему внимательная и зоркая, увидела, как с другой стороны заболоченной поляны шевельнулась ветка, над ней мелькнуло ухо одной из Дочерей. Разумеется, старшей! Матриарх коротко цокнула, подавляя досаду: Дочь плохо пряталась, не имела терпения. Попадётся чуткая добыча, заметит и сбежит, семья останется голодной. Терпенье — первое, чему она учила детей, едва глаза открылись, как учили её саму.

— Ты станешь нетерпеливой Матерью, — с насмешкой упрекала она, и Дочь стыдилась.

— Всё придёт со временем, — говорила затем, чтоб ободрить. — Терпение и гейм делают нас мустами. Семья и слияние делают нас силой.

Гейм у старшей Дочери был отменным, лучше, чем у всего помёта, а шею и грудь уже украшали шрамы. Хотя, чего скромничать, все восьмеро были хороши, ни единого пустого. Пусть неопытны, но Матриарх через день, пока Ночной Глаз не прищурился, натаскивала их на добычу. Сперва находила простую, вроде хромого телёнка, затем помёт взял скрытную сулицу, после — пару зубастых лупров, самца и самку. С каждым разом Мать намеренно выбирала добычу больше, сильнее и опаснее.

Молодняк учился сливаться, ощущать вибрисами друг друга, как пространство: брат — Сестру, та — другую, другая — третью. Они обучались охотиться в слиянии: прыжок шёл за прыжком, удар за ударом, укус за укусом, и пока один уходил из-под клыков и когтей добычи, другие нападали.

Она растила новую семью — несокрушимого зверя. Когда семья без потерь, всего лишь с ранеными, взяла старого монга-одиночку, Матриарх поняла: пришло время для нового урока.

Она повела семью на восход Дневного Глаза, за границу охотничьих угодий. Молодняк волновался, не придёт ли чужая семья защищать территорию, но Мать знала: мустов здесь нет. А вот двуногие были, к счастью, меньше, чем в Мёртвом лесу, небольшое семейство, на которое Мать наткнулась у озера, преследуя быструю добычу. Упустила. Как и те, первые, двуногие повалили лес. Как и те, они привели воду и сотворили мёртвое болото без рыбы и лягушек, где рылись в поисках древесных слёз, которые уносили.

Два дня подряд мусты наблюдали, как ревет и роет норы зверюга, несущая в себе двуногого, как враги шумят, кричат, едят и ковыряются в грязи, словно рохи. Одни самцы, без самок и детёнышей, и было их как пальцев на передних лапах муста.

Мать собрала семью в раскидистых ветвях могучей сосны.

— Пусть глаза ваши смотрят, а уши слушают, — сказала она, чувствуя, как разгорается ненависть, словно в тот день, когда она вышла к мёртвому логову. — Пусть носы ваши узнают их запах, пусть каждый из вас запомнит: двуногий — это враг. Врагов надо убивать, иначе они убьют вас, как всех в моём прежнем логове.

— Они медленные, — фыркнула младшая Дочь. — Неповоротливые! Они плохо слышат и нюхают.

— Молчи! — отрезала Матриарх. — У них отравы сильнее, чем у пчёл и змей, я видела, как вымер лес. У них большие острые когти, способные проткнуть вас насквозь, я видела, как гибли мушкетеры в бою. У них есть громовые палки, убивающие на расстоянии прыжка. У них есть шкуры твёрже, чем у турна. Они опасны, а ты глупа.

Дочь смущённо отвернулась.

— Что вы сделаете, когда двуногий подымет палку? — сурово спросила Мать.

— Увернёмся и будем петлять, — хором ответила семья.

— Что вы сделаете, увидев коготь в его лапе?

— Нырнём под лапу или вбок, — последовал ответ.

— Куда вопьются ваши зубы?

— В места без шкуры, в морду, в шею.

— Будьте терпеливы, тихи, быстры, зорки. Мы нападём на рассвете, когда все будут спать.

По иронии судьбы в напарники Женьке попался Жюль Мартен, настоящий француз, лесопарковский работник, приехавший искать славянскую любовь, да так и осевший. С любовью не сложилась, однако француз не горевал: он быстро понял, что романтический образ версальского эколога делает его неотразимым в глазах местных прелестниц, теперь менял мамзелей как перчатки и давно имел репутацию сердцеда.

Явились на собеседование Жюль и Женька в один день, устроились и медосмотр прошли тоже вместе, отчего попали в пару. Все в отделе называли их на французский манер — Жуже.

— Кто отчёт не сдал, опять Жуже?

— Что-то снова наши Жуже к совещанию опаздывают.

— На четвёртой подстанции ОР-9 проверить бы уровень радиации, показатели неровные, из рейнджеров пошлём Жуже!

Объектом втыкания шпилек Жуже стали после того, как умудрились застрять в лесу с ночёвкой, скандал получился знатный. Шутка ли, ручейный рейнджер нарушил протокол! Пришлось писать объяснительную: так и так, шерстистый носорог загнал на скалы, где караулил до утра, а седатив внизу остался, потому что сумку уронили, и было это чистой правдой, чтоб ему в лесу пропасть навеки! Что до опозданий на постоянные никчемные совещания, так кто не задерживался? В особенности, начальница, шефиня, Татьяна Игоревна. Пожалуй, если бы Жюль не строил ей глазки и не заваливал комплиментами фигуру, волосы и стиль одежды, довелось бы не просто объяснительную писать, без выговора бы не обошлось. В общем, шпильки были сущей ерундой, ведь платили рейнджеру в областном представительстве «РУЧЕЙ_ГЛОБАЛ» прекрасно. Для вчерашнего выпускника факультета экологии по специальности лесное дело, к тому же, без опыта работы, такое место — невероятная удача.

Ещё два года и соберёт себе Женька на отдельный дом, перестанет мучиться на съёмных скверных квартирах. За место своё он держался зубами. Сказано в лес идти замерять радиацию, дескать, не влияет ли добыча электроэнергии на окружающую среду в иномирной проекции Говерлы? Значит надо идти в лесную тьмутаракань, лезть на гору и замерять. Сказано проверить прииски компании, получившей лицензию на янтари в иномирной проекции Олевска? Значит надо идти на прииски и проверять. А уж там, когда Жуже приходили, менеджеры встречали их словно британских принцев, водили под руки, дули в рот,

лебезили и старались подкупить отборным янтарём, по уверениям Жуля даже предлагали гомосексуальный секс, да вот беда — ему всегда нравились женщины, девчонки, тёлки, бабы, девки и тяночки.

Ещё бы рейнджера не охаживать: от акта, который он напишет, зависит продление лицензии, развёртывание новых нулевых точек, строительство новых станций, да всё на свете. Женька понимал, что как ни зубоскалили в отделе о рейнджерах, его пост был пиздецки важным, и нёс свою службу с гордостью.

Чего нельзя сказать о Жуле. Легкомысленный во всех отношениях напарник поразил его неприличными связями с местным люмпен-пролетариатом. Когда он впервые притащил Женьку к чёрным копателям, тот удивился до глубины души и крепко был разочарован.

— Ты что, на подсосе, как говорят? — уныло спросил.

Вот это беда, думал он, вот это не повезло с напарником!

— Молодой ты, Женька, глупый, — ответил Жюль, — les gars разве много накопают вручную? У них один мини-экскаватор да помпа. Это корпорации наживаются, а им бы семьи прокормить. Да ты послушай, какие у них песни!

И в самом деле, в небольшой артели чёрных копателей был его ровесник, цыганчук с гитарой, харизмой и обалденным голосом, который мог спеть что угодно, на всякий лад. Женька с ним сдружился, даже в бар ходили вместе петь в караоке, когда у обоих выходные совпадали, что, впрочем, случалось редко.

Тем не менее, не обходилось и без взяток, порой какие-то камушки *ambre* француз да брал. Женька подозревал, что нешлифованные слёзы сосен идут на подарки женщинам, девчонкам, тёлкам, бабам, девкам и тяночкам. Но сам пачкать руки брезговал.

В тот день рейнджеры ехали с *Electri corp*, выписав целую пачку штрафов за всё подряд — превышение лимитов добычи, заход площади разработки за лицензированную территорию, размывку почвы и общий вред экологии — высшее руководство Ручья старалось контролировать пираний бизнеса.

— Заедем к ребятам? — спросил Жюль словно невзначай.

— Ну, заедем, — нехотя ответил Женька.

Ему ещё предстояло писать отчёт на тему штрафов и ущерба окружающей среде. Нужно было побыстрее пройти нулевую точку, заняться бюрократией, сдать документы в кои веки вовремя и обойтись без шуток про Жуже, но почему бы и не выпить чаю у костра старателей? Крепкого, сладкого, да с дымком! Но можно и борща.

Амуницию ручейники получали самую новую и актуальную, машину рейнджерам дали высочайшего класса, зверь-машину, электрокар-внедорожник-амфибию. Хочешь — по грунтовке едь, хочешь — по полю кати, да хоть по кочкам на болоте шлёпай, зверю всё ни по чём, а если вдруг застрял — могучий мотор поможет выползти из любой канавы. На обоих красовались армированные костюмы с тройной защитой из самой прочной ткани новейшей разработки, предохраняющей от укусов, ударов, повреждений, с мембранами и терморегуляцией. Оружия любого, по собственному выбору, предоставляли сколько душа пожелает, с чем тебе удобно — с тем и ходи, протокол не ограничивал, главное — использовать с умом. Женьке в его двадцать три казалось, что он в сказку попал, да не в простую, а приключенческую.

К нелегальной яме они подкатили к полудню и сразу поняли — что-то не так, уж слишком тихо было вокруг. Не шумели помпы, качая воду из озера, не дымилась полевая кухня с кастрюлей вкуснейшего, очень жирного борща, не обменивались сальными шутками

грязные и мокрые мужики, готовые бросить работу и схватить свои миски, потому что подходило время обеда. Даже птицы, кажется, молчали. Только стервятник с длинной лысой шей распялил зубастую пасть и хрипло закричал, взлетая. Тяжело взлетел, с трудом, так набил пернатое брюхо.

А затем Женька увидел первый труп с дырой вместо лица, за ним — второй, и приключенческая сказка превратилась в поганый хоррор.

Глава 23. Лана

— Эта комиссия, — сказал инженер по технике безопасности, глядя в сторону, — будет осматривать станцию на предмет безопасности пребывания ребёнка. Инициировал её, как я понимаю, ваш бывший муж.

У Ланы всё внутри оборвалось, руки стали холодными и мокрыми, а левый глаз непроизвольно дёрнулся, словно обладал собственной волей.

— Сюда, пожалуйста! Скафандры можно повесить тут, — едва смогла сказать она.

Стараясь, чтоб рука не дрожала, Лана показала на встроенные стенные шкафы в коридоре, за шлюзом, с одеждой для перехода, для лабораторных работ и для выхода за территорию. Разделся из всей комиссии один пожарный инспектор, а кроме него лишь коллега-инженер.

Санинспектор слегка за тридцать, худой и длинный будто глист, снял перчатки и надел другие, нитяные, белые. Дама средних лет из сокопеки ничего не снимала, просто одарила Лану долгим казённым взглядом. Её волосы были стянуты в тугий конский хвост, красивое, правильное лицо совсем немного портили уставшие углы рта. Почему-то Лана подумала, что в жизни дама одинока и видела немало непутёвых Светок, Катек и Оксан. Из прорезиненного чехла с двойной защитой для переноски техники достала видеокамеру.

— Кофе, чай? — спросила Лана.

— Благодарю, ничего не надо, — холодно ответила дама. — Покажите пищеблок.

И сразу, без предупреждения, начала видеозапись.

— Чаю, пожалуйста, — с хрипотцой сказал пожарный инспектор. — Большую ложку заварки на стакан кипятка и два сахара.

Такой странный пожарный Лане ещё не попадался, хотя, чего лукавить, это была первая в её рабочей карьере инспекция, до этого пожарников она видела только в новостях, обычно, закованных в латы рыцарей-огнеборцев. «Сотрудники пожарной части 4-ЖР при тушении возгорания в частном секторе героически спасли из огня малыша симуса!» Может, внутри под громоздкими одеждами и шлемами они были такими же экстравагантными, кто знает. Положим, шрам от брови и до губы у кого угодно может образоваться. Вдруг у пожарников нынче принято унижать пальцы янтарями и носить вычурную обувь из кожи иномирной рептилии? Глядя на пёстрые туфли, Лана некстати подумала о разрубленном и сожжённом в мусоросжигателе змее. Ведь можно было снять шкуру и сшить пункерскую мини-юбку как у певицы или порнозвезды, только лучше. Вспомнив о мусоросжигателе, Лана испугалась ещё больше.

На пищеблоке санитарный и социальный члены комиссии устроили настоящий обыск. Перерыли холодильник, заглянули в каждую кастрюлю и каждый шкафчик. Под раковиной санинспектор нашёл грязь, о чём торжественно оповестил, подняв белую перчатку с рыжей полосой на пальце. Вторая, чёрная полоса появилась, когда он встал на стульчик и залез рукою в вытяжку. Разумеется, Лане бы и в голову не пришло там почистить. Ещё чего, работало, да и всё на том.

— Покажите санузел, — сказала дама, — это направо?

Да так и пошла впереди со своей камерой. За нею следовал санинспектор. Перчатки он брезгливо снял и поклат в целлофановый пакетик, в его руках появился определитель флоры

размером с будильник и стерильный бумажный пакет с тампонами. Лана украдкой вытерла пот со лба.

В туалете и на решетке слива душевой кабинки санинспектор что-то высеял, отчего худое его лицо озарилось скупой усмешечкой. Лана дико жалела, что не имела привычки пить успокаивающий травяной сбор вместо кофе утром, днём и вечером, но приходилось делать максимально спокойное лицо.

Меньше всех неприятностей доставлял экзотичный пожарник. Не теребил, особых вопросов не задавал, молча замыкал шествие, шаря по сторонам чёрными глазами да цедил сквозь зубы терпкую чёрную жижу, которую сам себе и заварил, безошибочно найдя кофеварку, пока растерянная Лана наблюдала за проверочным беспределом, устроенным его коллегами. Инженер по ТБ повёл этих двоих в командный пункт, где показал в стационарном компе все акты предыдущих проверок.

— Пожарная сигнализация работает, — сказала пожарнику Лана. — Система автоматического тушения исправна, вот сигнальный датчик, рабочий, сами посмотрите.

— Ага, — пожарник едва глянул на датчик.

— Имеется щиток с комплектацией: огнетушитель, два ведра, лом, багор, лопата и топор, всё на месте, — продолжила Лана, невольно вспоминая, что эта комплектация ей дважды пригодилась. — Пожарный выход в пищеблоке, предметами не заставлен.

Инспектор оценивающе окинул её взглядом с головы до ног.

— Мужик-то у тебя мудака, не? — спросил он вдруг. — Я б свою бабу с дитём на станцию ни в жизнь не отпустил.

— А он меня не отпускал, — от неожиданности ответила Лана. — Я сама сбежала.

— Чего так, из порядочного дома да в дичь? — пожарник ухмыльнулся. — Гулял налево, любил присунуть кому ни попадя? С девок снимать, поди, заеблась?

Какой, однако, сленг использовало официальное лицо. «Никакой это не пожарник» — подумала Лана, и коротко ответила:

— Пиздил.

— Понял.

— Покажите, где спит ребёнок, — попросила соцработник, едва выйдя из командного пункта.

С бьющемся где-то в горле сердцем Лана повела их по коридору, открыла нужную дверь и тупо уставилась на длинные багровые брызги, постель в следах её собственной рвоты и кровавых следах зверя-убийцы, дыры от пуль в экологических панелях, зловонные лужи вокруг застывших трупов. Моргнула — всё пропало и стало, как и должно: многократно вымытые с отбеливателем стены и пол, огромные окна с защитными сетками, пространство, место, свет, приятный запах хвои. Пушистый зелёный коврик прикрывал пулевое отверстие в паркете, а дыры в стене Лана залепила рисунком Капельки. На рисунке их семья: мама, дочка и Серый с мячиком, похожий на помесь крокодила с бегемотом.

Игрушки, книги, детский компьютерный столик, интерактивная доска с проектором и всё, что могли предоставить Лане с Капелькой в ОБДЖ стояло, лежало и висело на своих местах.

— У ребёнка нет отдельной кровати? — немедленно спросила соцработница.

— Мне предлагали поставить вторую кровать, — нервно ответила Лана. — Но она боится спать одна после того как стала свидетелем домашнего насилия.

— Её отец тоже бил? — невзначай уточнила дама.

— Её не бил.

Соцработница открыла шкаф и проверила, как сложено постельное бельё. Санинспектор повозил тампонами по коврику, подоконникам и плинтусам.

— Неорганические соединения в норме, — сказал он, глядя на экран малогабаритной системы микроволнового разложения проб, — тяжёлых металлов ртути, кадмия, свинца и прочих не зафиксировано.

Лана ненадолго выдохнула.

— Пройдёмте во двор, проверим пробы на органические вещества, включая токсичные: фенолы, пестициды, выбросы... — сказал санинспектор затем и Лане снова стало дурно, потому что во дворе брать пробы *было нельзя*. — Пыльца растений, — продолжал инспектор, будто с наслаждением глядя, как изменилось её лицо, — частички разлагающейся органики и прочие потенциально аллергенные и опасные для здоровья ребёнка компоненты...

«Только бы успели», — подумала Лана, ведя гостей к внутреннему выходу. Чуть повозилась для приличия, и открыла дверь.

— Фу, что за вонь! — с омерзением сказал санитарный инспектор, переступая порог. И добавил совсем другим тоном: — Здравствуйте, Григорий Павлович, Марья Ивановна... Какими... судьбами?

— Здравствуйте, Виталий, — откликнулся старичок микробиолог, поворачивая ручку мусоросжигателя, возле которого они с Марьей Ивановной и колдовали. — Мари, застряло, что ли? Посмотри-ка.

Из мощного, запитанного от забора электрического мусоросжигателя и в самом деле просачивался густой зловонный дым, будто с нагрузкой он едва справлялся. Ощутимо тянуло шашлычком, приправленным резиной и тряпочкой.

— Удивительно, Грэгор, кто к нам пожаловал! — восхитилась Марья Ивановна. — Незабываемый Виталька! Как детишки?

— Хорошо, спасибо, — ответил санинспектор, он больше не улыбался, а испытывал очевидную неловкость.

— Эх, славные студенческие годы! — мечтательно произнёс старичок, продолжая своё дело. — Помню, помню, как вы микробиологию с третьего, простите, раза сдали, потому что ваша куратор слёзно просила...

— Что поделать, — подтвердила Марья Ивановна. — На специальность производственный контроль сырья и пищевой продукции всегда недобор, с каким угодно аттестатом принимают, лишь бы сохранить контингент и гос дотации.

Пожарник, соцслужба, инженер и Лана посмотрели на санитарного с интересом, лицо у того выражало всю встревоженность души, поражённой неожиданной и неловкой вестью.

— А сколько клеток ты перемыл у нас на кафедре, сколько лотков с экскрементами перечистил, пытаешься пересдать нб по ксенозоо! Тебя нам не хватает.

— Мне надо пробы брать, — нервозно сказал Виталька. — Я работаю, собственно.

— И нашёл ведь работу, взяли его! — восхитилась Марья Ивановна. — Пройдоха люблю.

— Дорогой мой, здесь все работой заняты, — произнёс микробиолог — Видите ли, сейчас мы с Мари трудимся на благо сохранения окружающей среды. Давайте я как прежде помогу по старой памяти. Записывайте: бактерии, водоросли, грибки, пылевые клещи и макроорганизмы, пособные нанести вред человеческому организму, не обнаружены.

Заходите в alma mater на досуге. Можете идти, хорошего вечера.

К великому изумлению Ланы, санитарный инспектор развернулся и ушёл, не произнеся ни слова. Почему-то за ним последовал инженер по ТБ, возможно, из сострадания.

— Я хочу побеседовать с девочкой, — сказала соцдама с камерой и отправилась в лабораторию, где чистая и сытая Капелька сидела с настоящим электронным микроскопом и смотрела кино из жизни иномирных инфузорий. Дочь давала им имена, а после рассказывала, что Диего женился на Кармен, а Лючия от злости разорвалась пополам. По всей логике Лане следовало бежать за дамой и контролировать беседу, но вдоль забора, скрестив руки на груди, неспешно брёл липовый пожарный инспектор, и Лане это очень не понравилось. «Когда что-то кажется *чем-то*, — подумала она, — скорее всего этим *чем-то* оно и является...»

Она сунула руки в карманы спецовки и пошла следом.

— Забор был сломан, — сказала Лана, догнав мужчину, — и наружная сторона слишком пробивала, птицы дохли. Неделю назад починили, сейчас всё в порядке.

— А это что? — он кивнул на рулон резины, которую Лана приготовила, чтобы спрятать в подсобное помещение с инвентарём и некоторой хозяйственной техникой, но не успела, он так и остался стоять под яблоней.

— Мы с дочкой загораем, я стелю коврик, — глядя ему в лицо ответила Лана.

— Все шесть метров? В рулоне по виду метров шесть.

— Мы на нём играем в мячик.

— Босиком?

— Разумеется.

Мужик снова измерил Лану взглядом. Была у него, видимо, гадкая маскулинная привычка прилипать глазами, и весь он был отвратительно маскулинный.

— У тебя шпанина в крови, — сказал он.

Лана посмотрела на ноги. И в самом деле, с правой стороны, на самом верху, у ширинки, гнездились кровавое пятнышко с пятак размером. Мысли в панике разбежались как тараканы, остался один таракан, самый крупный, блестящий и отчаянный.

— Я за свободные, естественные месячные и не пользуюсь прокладками из принципа, — сказала она.

— Фу, бля, — заметил мужик с улыбочкой.

— Представьте, что у мужчин была бы менструация, а у женщин нет, — продолжила Лана. — Тогда бы вы не морщились, а гордились. Менструация сразу стала бы поводом для зависти, признаком Настоящего Мужчины. И лично вы, инспектор, спорили бы с корешами в сауне, у кого более длительные, обильные и болезненные выделения.

— Что за бред ты несёшь, раздери ты саблезуб? — мужик расхохотался так громко, что оба универских старичка обернулись.

Мусоросжигатель больше не дымил, запаха практически не осталось. Пару горсток пепла на дне аппарата размером с бочку. Теперь никто ничего не сможет доказать.

— О да! — сказала Лана с каким-то непонятным самой себе злорадством. — Подростки праздновали бы первые месячные и хвастались ими. А попы всех религий непременно завели бы обряд сродни евхаристии специально для этого случая.

Они некоторое время смотрели друг на друга как враги.

— Вы от Павора, — сказала Лана без всяких вопросов.

— Я сам от себя, — сказал липовый пожарный инспектор. — А ты волчица, а?

Лана растерялась.

— У неё было сердце, полное любви и преданности, — нараспев произнёс мужик. — У неё был разум, полный жестокости и ужаса. Так найди меня, моя дорогая, я на самом дне.

— Что вы на дне, пожалуй, видно, — Лана рассердилась. — А о чём вы говорите, я попросту не понимаю.

— О, вот и она, заслоняет солнце, — кажется, «инспектор» кого-то цитировал, — Кровь течёт по внутренней стороне её ног, луна на небе потрёпана, искажена, церковные колокола звенят не в унисон...

Эта краткая беседа и пристальный взгляд человека, будто эстрадная звезда увешанного янтарем, со шрамом от лба до губ, были самыми странными в жизни Ланы. К счастью, вскоре со станции пришёл инженер по ТБ.

— Там ваши уходят, — сказал он инспектору, протягивая листы бумаги. — Вы акт подпишете? Вот здесь, и здесь тоже. Спасибо.

Двери нулевой точки трижды пискнули и закрылись. В неловком молчании комиссия ждала потока плазмы нужной силы, чтоб активировать выход и покинуть станцию.

— Нет, ну всё нормально, — вдруг сказал худой санинспектор. — Все показатели в порядке, в принципе, чисто у них. Только шерсть на ковре, и то немного.

— Какая шерсть? — быстро спросил «пожарник».

— Да вроде собачьей, — санинспектор пожал плечами. — Мне откуда знать?

— А покажи?

Глава 24. Грей

Он решительно ничего не понимал.

Грей думал, что уж теперь-то, когда он доказал, что не бесполезен, что полноценный член семьи, Мать будет довольна. Вот проснётся, отойдёт от слюней усса или в чьих там ещё слюнях извозили пёрышко, и сразу поймёт, что Грей защитил логово — да куда там, даже не вылизала, хотя он по всякому показывал себя и хвалился добытыми в бою ранами. Пока она спала, Грей надеялся, что Мать станет его вылизывать, а он презрительно скажет как настоящий воин — ерунда, царапина! Но даже этого удовольствия его лишили.

Вместо этого Мать испугалась не меньше, чем он сам поначалу. Целое утро в её голосе бился страх и пахла она страхом, Сестра плакала, а его никто не слушал, хотя Грей пытался объяснить, что бояться больше нечего, ведь он победил чужаков и весь в их крови, что он теперь воин семьи и его можно брать на охоту. Мать закрыла его в логове для странных дел с Сестрой, а сама занималась невесть чем, может ела, а им с Сестрой, как детёнышам, дала фрушей, и это было крайне унижительно. Во-первых потому, что Грей уже настоящий воин семьи, что и доказал, а во-вторых потому, что этих фрушей съесть никак невозможно было, только посмотреть. Грей так и сяк пытался, но фруши не брались, не пахли и даже не шевелились. Зачем такое давать?

Вскоре пришли другие. Он сперва решил, что новые чужаки напали, но прислушался и распознал укушенного старого самца, а старую самку ещё не знал, так узнал к своему несчастью. Кто же так раны вылизывает, чтоб эти двуногие все опустели?! Мать двумя лапами держала Грея за голову и морду, а самка его щупала за ноги, вытягивала хвост, совала в уши мох и трогала раны жгучей палочкой, не просто неприятно, а отвратительно и совершенно неправильно, о чём он честно сразу говорил. Но, наверное, это была Мать Матери, иначе зачем бы та являла Грея пред её глаза и нос? И Грей терпел все издевательства и крики, которые развели двуногие. А те кричали, и лопотали, и махали лапами. Ему казалось, что он слышит негодование и злость, если, конечно, не сам себе придумал, потому что чего на Грея теперь-то злиться?

Потом вообще случилось плохое — Мать закрыла его в маленьких сотах и вынесла из логова в другое, тесное, тёмное и тихое, где стояли молчаливые зверюги, хорошо хоть не ревели и его не трогали, а то как бы он смог отбиться? Никак. А сами-то ходили по логову, лопотали, стучали и гремели большими сотами, в общем, делали странное и, наверняка, важное, а его не пустили смотреть! Грей ужасно настрадался от мыслей, что сделал неправильное, знать бы хоть что. «Наверное, едят чужаков без меня», — подумал сперва, но быстро опомнился: ведь мусты не едят других мустов, просто бьют и гонят, наверное и двуногие делали так же. Надо было и ему не есть. Вот в чём крылась беда. Ну а как не есть, когда они тёплые, с горячей кровью, и оно всё само по себе произошло, Грей и не заметил. Да, надо было не есть.

Потом опять пришли чужаки, тогда он уже сидел тихо и слушал, как те ходят и лопочут. Он уже устал догадываться и пугаться в своих догадках, что бы ни придумал — выходило не так, и Грей твёрдо решил не думать — пусть всё идёт само по себе.

Вечером Мать его выпустила. Она стала тихой и странной, еду давала и порой говорила с ним о чём-то на непонятном своём, птичьем языке, а на лежбище больше не брала, и Грей,

без вины виноватый, жил сам по себе. Вроде в семье, а вроде и нет.

Глава 25. Лана

Встать до будильника, потому что спать всё равно невозможно, когда мысли бьются в голове будто птицы, запертые в клетке, тревожат и не дают покоя. Какой тут отдых? Одно мучение. Уж лучше сделать чай, впустить скребущегося убийцу, покормить суевающегося убийцу, закрыться в командном пункте, повернуть рубильник, записать показания, и дальше чем-нибудь себя занимать до утра, пока не проснётся жаворонок-Капелька, не зазвонит её голосочек, только тогда Лана прекратит переваривать кошмар последних дней.

Сперва ей просто повезло, когда вместо комиссии, вернее, до неё пришли «старички» и помогли убрать побоище, потому что сама Лана была как кусок дерьма, ни на что не способная. В чувство её привела Марья Ивановна:

— Соберись, не будь как тряпка, — жёстко сказала она рыдающей Лане и как следует тряхнула, взяв обеими руками за плечи. — Кто эти люди?

— Они хотели Капельку украсть, — выдавила та.

Без капли отвращения, страха или брезгливости Марья Ивановна вывернула карманы и сняла часы с трупов, пока Григорий Павлович собирал оружие, прочий брошенный похитителями скарб, и раскладывал на крыльце. Коллекция получилась впечатляющей.

— Мари, дай ещё одну таблетку ради бога.

— Нету, Грэгор. Бога, кстати, тоже нет. Прекрати хвататься за сердце, держи сигарету.

— Не хочу.

— Ну так не держи. Надевай спецовку, нету времени.

Они втроем перерыли вещи похитителей, изучили документы в наручных компах: паспорта, охотничьи лицензии, налоговые декларации и даже медицинские страховки.

— Чтоб моим аспирантам защиту провалить, — сказала куратор, — если это не самые натуральные браконьеры, сиречь уголовники. Наверное это проделки мужа-мудака.

Лана и сама так думала.

— Где твой мозгод? — спросила Марья Ивановна затем.

— Кто?

— Мозгод, моя дорогая. Так их называли старатели, когда впервые с этими зверушками столкнулись. Опаснейшая тварь, у меня один такой лежит в морозилке. *Braineater caudatus*, семейство *mustelidae*, вид *marten braineater*. Несомненно, он нам эту прелестную картину и обеспечил.

— В лаборатории, с дочкой, — честно ответила Лана.

— У тебя-то самой мозги есть, оставлять с ним ребёнка, или он их выел через ухо? Покажи-ка мне в живую своего питомца, а потом будем убираться, потому что вызвать полицию в твоём положении всё равно что отдать дочь муженьку добровольно.

И они втроем убирались. Эту уборку Лана запомнила на всю жизнь, потому что дерьма от браконьеров осталась куча, а когда тела порубили на куски — ещё больше, и это всё требовалось сжечь по частям в мусоросжигателе, запитанном от забора. То есть, сперва следовало починить забор, и слава богу, что у них был мужчина, потому что Марья Ивановна бесстрашно орудовала топором и электропилкой, без страха осматривала зверя-убийцу, но в чёртовой технике совершенно не разбиралась, как и Лана. Вот и вышло, что женщины делали грязную работу, а старичок-микробиолог чистую, техническую. За день не

справились, оба остались на ночь, пришлось постелить им в пищеблоке и лаборатории, чтобы утром продолжить. И очень хорошо, что всё успели до прихода подосланной Павором комиссии, иначе не видать бы Лане родительских прав.

По поводу зверя мнения разошлись. Марья Ивановна хотела забрать его в институт для более детального изучения, микробиолог предлагал выпустить в естественную среду обитания. Лана понятия не имела, что с ним делать, зато Капелька ни в какую не желала с питомцем расставаться. Не по годам разумная, она твёрдо заявила:

— Серый останется здесь, или я всем расскажу про дядек, которые хотели меня украсть.

Это было нечестно с её стороны, натуральный шантаж, ведь говорить кому-либо о похитителях Лана строжайше запретила. В итоге зверь остался, но хрупкое, как фарфоровая чашка доверие, возникшее между ним и Ланой в последнее время, треснуло по донцу. Она понимала, что Серый по-своему привязался к ним с дочерью, понимала, что погибшие люди были преступниками и похитителями, хотевшими лишить её самого дорогого на свете, однако сознавала и то, что зверь попросту опасен. Где гарантии, что завтра он не сочтёт врагом её саму, либо ребёнка? Никакой уверенности не было, что Серый по неведомым причинам не причинит вред кому-то из них. С другой стороны, он оказался отменным охранником. Пускать его в кровать, как прежде, Лана опасалась, но и со станции не гнала. Мстительный Павор вряд ли оставит их в покое, она ждала новых комиссий или повторного нападения уголовников. На всякий случай Лана поставила в добавок к замку обычную щеколду, которую без шума не открыть, а забор усилила колючей проволокой.

Неприятности пришли откуда не ждали.

Мобильная связь на станции не работала, как и интернет, зато через нулевую точку проходил кабель сродни тех, что в давние времена использовали для океанского телеграфа, только с дополнительной изоляцией. Здоровенная трубища проводила аналоговый сигнал, поэтому звонила в «большой мир» Лана по старинному проводному телефону с самым ограниченным выбором абонентов: ремонтный отдел, поликлиника, инженер по ТБ, пожарная, полиция и районное отделение «Ручья». Потому что, хоть станция и качала энергию в жилые комплексы ОЗДЖ, за счёт которого когда-то строилась, подчинялась в своей работе непосредственно «Ручью», безраздельно и неукоснительно владевшему всеми без исключения нулевыми точками.

Пользовалась телефоном Лана ровным счётом четыре раза: дважды вызывала ремонтников и Марью Ивановну с ксенозоозащитой через инженера по ТБ. Ещё два раза звонила в поликлинику Общества, записаться в медкапсулу, когда они с Капелькой разболелись. Он стоял почти ненужный и неиспользуемый, с десятком кнопок в центре и инвентарным номером, намалёванным корректором на чёрном боку. Лана обедала в окружении домочадцев: овощное рагу для них с Капелькой, форель для Серого, и не сразу поняла, что за странные трели доносятся из командного пункта. Затем догадалась и с удивлением пошла туда, отчасти надеясь, что телефон умолкнет. Но трезвон продолжался, и Лана сняла трубку.

— Да?

— Станция ОЗДЖ, ну наконец-то, — утвердительно сказал женский голос. — Центральный офис «Ручья», оператор Ирэна Озолиньш. Я говорю со зрителем, надеюсь?

— Я зритель, да...

— Вашу станцию временно закрывают. Район объявлен карантинным.

— Что значит закрывают? — не поняла Лана.

— Да что тут непонятного? Завтра нулевую точку отключат, а вам положен оплачиваемый отпуск.

— А почему?

— По карантину, девушка! В ваших местах найдена новая опасная фауна. Два зарегистрированных случая нападения на людей со смертельными исходами. Специалисты из главного управления займутся изучением вопроса. Биологи, экологи, ксенозоологи.

— А как же ОЗДЖ?

— К другой нулевой точке подключим на время карантина. Ваше руководство мы известили, в общем, можете собираться. Компьютер с документацией обязательно возьмите. Точку отключат завтра.

В какой-то степени Лана даже испытала облегчение, повесив по окончании беседы трубку. Надьшалась она свежим воздухом, наслушалась тишины по самое не могу. Поселятся с Капелькой в каком-нибудь коттедже на территории Общества, будут себе жить — не тужить. Опять же, детская компания для дочки найдётся. Ну а Серого придётся выпустить, что тут думать. «Хорошо, что всё решилось, — подумала она, вставая. — Выпущу его за забор. Или, в самом деле, надену защитный комбез для выхода за территорию, и отнесу прямо к ельнику. В родной стихии не пропадёт...»

Но телефон зазвонил ещё раз. Наверное, ручейный оператор Ирэна забыла дать какие-то инструкции.

— Да?

— Светлана, это я, — сказала Марья Ивановна, звонившая от инженера по ТБ. — Тут нечто случилось... Только не нервничай...

Говорила куратор тихо, и такое вступление хорошего не предвещало. Когда тебе говорят «только не нервничай», считай, что получил прямую команду психовать и метаться.

— Что?!

— Соцопека и судебный исполнитель пришли с документами, сидят в главном офисе, тебя ждут. Твой мудака отсудил дочку. Мол, карантин, фауна, опасность для жизни ребёнка. Ты не волнуйся, наши адвокаты уже подали на апелляцию, добьёмся, чтобы дочь тебе вернули! Слышишь?

Она ещё что-то говорила, но Лана уже не понимала ни черта из льющегося потока слов.

— Я. Никуда. Не пойду!!! — сказала она, швырнула трубку и выдернула шнур.

Бессмысленно, всё бессмысленно! Если общество защиты ничерта не может, для чего оно вообще? Зачем Лана всё это затеяла? Сидела бы дома тихо, как мышь под веником, порой замазывая синяк-другой, постепенно привыкла бы. Её переполняло неправильное и нелогичное чувство обиды на весь белый свет, в том числе на кураторшу, поманившую свободой и закрывшую окошко. С другой стороны, кто и чем Лане обязан, разве не человек — кузнец собственного счастья? Что ей мешало сразу угостить Павора его собственным лекарством — взять бюстик Сократа с полочки, да обеспечить ему сотрясение? Либо собрать достаточно ненависти и денег, продать цацки и, в конце концов, нанять бандитов, чтоб Павору проломили голову. Она представила труп Павора с проломленным черепом и ненадолго утешилась кровавой и мстительной мечтой. Однако для такого требовалось иметь какие-то социальные связи и криминальные подвязки, которых не было. Мечта увяла, как гибискус, цветок-однодневка.

Пришёл зверь, стал цокать, трогать носом и тыкаться лбом, Лана вытерла слёзы и взяла на руки того единственного, кто в самом деле её защитил. Стала гладить и целовать

длинную морду. Она представила труп Павора с выеденным лицом и снова утешилась — это было ближе и возможнее. Осуществимее... Взять Серого в изолированный мешок, забрать в «большой мир» и сдать на милость Павора, чтобы затем...

Увы, зверь не высидит достаточно тихо и долго для того, чтоб остаться с Павором в доме тет-а-тет. Теперь все знают, что такое мозгоед. Его изымут где-то по дороге между Обществом и домом Павора, а то и уничтожат. Нет, невысидит, недопустимо...

— Мама!

Капелька проснулась и позвала.

— Кушать хочу!

— Привет, малышка, привет, моя радость. Иди поешь...

На сегодня еда, допустим, имелась. Можно насинтезировать и наготовить впрок, на завтра-послезавтра, но что потом, когда отключат точку? Электричество попросту пропадёт. Вся обеспечивающая жизнедеятельность техника, которой была напихана станция, станет ничемным мёртвым хламом. Еды не останется, как и света, не будет и защитного забора. Положим, у неё есть зверёк, он сможет отбиться от небольшой и средней фауны, но этого совершенно недостаточно.

Нужно смотреть правде в лицо — Лана не приспособлена к жизни в диком мире. Выхода нет, надо возвращаться, пока точка работает, отдавать дочку судебным исполнителям, точнее, бывшему мужу, придётся расстаться с ней, потому что Лана не вернётся к Паору ни живой, ни мёртвой. Затем предстоит долго и мучительно судиться, доказывая, что Лана невинная жертва и хорошая мать, способная воспитывать ребёнка без супруга-упыря. Ей некуда было податься кроме бесполезного и бессмысленного Общества, ведь даже родная тётка выступила в защиту Павора.

Вот что случается, когда между тобой и Вечностью никого не больше нет.

Первым насторожился зверь. Перестал тыкаться носом в лицо и ласкаться в попытках утешить, поднял уши, наострил отростки, повернул длинную тонкую морду к выходу и весь напрягся. Костистый игольчатый хребет встал дыбом от холки до хвоста.

— Что там? — спросила Серого Лана, а затем услышала звук мотора.

Рёв становился всё громче, достиг своего пика и затих. Со стороны леса пожаловали некие гости, и уж явно не служба опеки. А уж два сигнала гудка прозвучало вообще как издевательство.

Мрачнее тучи Лана открыла замок, за ним бесполезное нововведение, щеколду, и вышла во двор с встопорщенным мозгоедом, зажатым подмышкой. Потому что на конспирацию ей стало плевать.

В десяти метрах от забора, в аккурат на месте «кладбища диких животных» стоял навороченный электрокар-внедорожник, чёрный и блестящий. Об него вальяжно облокотился липовый пожарный инспектор, теперь одетый отнюдь не вычурно, а в соответствии с обстановкой: защитный комбез, в отличие от стандартных ручейных не алый, покрытый наклейками, а цвета солёных оливок в баночке, Лана даже не знала, что такие выпускают. Вместо прежних туфель из кожи рептилии обут он был в надёжные высокие берцы, за плечом на ремне висело большое оружие. Слетела вся напускная мишура, теперь человек был в своём натуральном и естественном виде лесного двуногого хищника. Из прежней амуниции остались только янтари в ушах да на шее.

В одной руке он держал бутылку текилы, в другой — торт в круглой яркой коробке. Это всё он поднял и повертел в разные стороны, очевидно, для демонстрации мирных

намерений. Более нелепого зрелища за оградой невозможно было вообразить и Лана фыркнула. Ещё неделю назад она не поверила бы, что такое априори возможно.

— Торт, торт! — в восторге закричала Капелька, просочившаяся следом.

Игнорируя протесты, Лана запихнула дочь назад, в станцию, и заперла дверь.

— Чего тебе? — спросила она, подойдя к ограде.

Чёрные глаза отлипли от её лица, скользнули к встопорщенному, суровому Серому подмышкой, вновь вернулись к Лане и человек широко улыбнулся. Кажется, его стоматолог был лучшим в области и мастером своего ремесла.

— Красавец! — он кивнул на Серого и подмигнул. — Придержи свою скотинку, мать. Надо поговорить.

— О чём нам говорить? — хмуро спросила Лана.

— Ну хотя бы о том, что станцию закрывают, а муженёк-то своего добился. Что, отдашь кровинушку да утрёшься?

— Что ты предлагаешь?

— Для начала выпьем и перетрём. Casa San Matias, семь лет выдержки, м-м-м, язык проглотишь!

— Почему я должна тебя слушать? — мрачно осведомилась Лана. — Я тебя знать не знаю.

— Потому что больше тебе никто не поможет, а тут, глядишь, договоримся. Тебя звать Светланой, меня Алексеем. Смотри, уже и знаешь, ну? Давай, открывай свою богадельню.

Лана немного подумала и пошла отключать ограду. Что ещё оставалось делать?

Глава 26. Мария

— Что вы хотите ОТ МЕНЯ? — сказала она, пожалуй, несколько более раздражённо чем было прилично.

Мария прекрасно понимала: этот раунд проигран. Сейчас она просто тянула время в расчёте на то, что Светлана опомнится, отправит мозгоеда восвояси и явится сама, не ухудшая собственного, и без того скверного положения.

— Ещё раз повторяю: доступа на вашу энергостанцию, — сказала судебная исполнительница. — В районе объявлен карантин, что там за фауна — никому не известно, а ваша подопечная и в самом деле не в себе, раз не собирается её покидать. Нулевая точка будет отключена, ОТКЛЮЧЕНА, понимаете? Она с ребенком остаётся в изоляции. Это уж не просто «опасность для жизни», а прямое убийство и самоубийство. Вашему обществу нужен такой скандал?

Ни знакомая по прошлому визиту сотрудница социальной службы, ни исполнительница, огромная, страдающая ожирением бабища чуть помладше самой Марии, ни соплячка-полицейская, совсем молодая, невероятно нахальная особа, не проявляли и малейшего сочувствия. Мария не могла их заставить покинуть территорию общества и ждать Светлану за оградой.

— Эта женщина подвергалась домашнему насилию, то, что вы делаете — прямое нарушение базовых прав человека, — угрюмо сказала Мария.

— Вы можете оспорить в суде, — равнодушно сказала полицейская, пережёвывая жевательную резинку. — Все документы вам предоставлены.

— Мы просто делаем свою работу, — в шестой, наверное, раз повторила исполнительница.

«Как можно так разожраться? — брезгливо подумала Мария. — Просто. Ляг. В медкапсулу, обжора, и подшей свой прожорливый желудок!»

— Начинать составлять протокол лично на вас? — спросила полицейская. — За препятствование органам правопорядка?

— Вы хотя бы понимаете последствия своих действий? — спросила соц опека.

Мария прекрасно понимала всё происходящее. И то, что бывший муж Светланы попросту мерзавец с деньгами и связями, как и то, что оставаться на отключенной станции совершенно невозможно с точки зрения обычной логики и безопасности. Светланой руководили злость, отчаяние, упрямство, а эмоции — не самый лучший помощник в таком вопросе. Ну что же, иногда нужно сделать шаг назад, чтобы разогнаться для шага вперёд. Главное не наделать ещё большей беды и глупостей. Со Светланы могло стать в отчаянии натравить на эту компанию своё ручное чудовище...

«Я их подвела, — подумала Мария. — И бедную мою бывшую студентку, и её дочку».

— Я пойду с вами, — сказала она сухо. — Дайте время собраться.

К счастью, Мария заблаговременно подготовилась. Ещё с прошлого раза, когда они с Грэггором пытались решить возникшие на станции проблемы деликатного свойства, в шкафу осталось пневматическое ружьё с транквилизатором и другое, для дистанционного обездвиживания сеткой с мелкими ячейками. Очень прочной и достаточно большой.

— Зачем вы это берёте? — подозрительно спросила соплячка с ментоловой жвачкой.

Марии не нравилось, как блестели её глаза. Примерно тот же неестественный блеск она порой наблюдала у студентов, принявших бодрящие капли. Потом студенты становились инертными и вялыми тряпками, не способными ни мыслить, ни функционировать адекватно. Сущие амёбы по словам Грэгора. Такими и оставались до новой порции глазных капель. К сожалению или счастью, эта дрянь легально продавалась в любой аптеке и уличном киоске-автомате, а то и вовсе покупалась с рук, в закоулке, нелегализованная, копеечной стоимости, вызывающая едва ли не мгновенное привыкание. Уж лучше бы курили святую присно блаженную марихуану, как было принято в их собственной с Грэггом молодости. К счастью, сама Мария даже в юном возрасте никакими допингами не баловалась. Любое изменённое состояние сознания она находила отвратительным, будь то сироп от кашля или баночка пива.

— Затем, что в районе объявлен карантин из-за новой опасной фауны, — терпеливо, как отстающему соискателю образования пояснила она.

— Для фауны у меня есть это, — соплячка похлопала по кобуре за поясом, — и это, — она показала на электрошокер.

— Я бы вам посоветовала, в какие биологические отверстия засунуть эти предметы при встрече с рогачом или саблезубом, да вы обидитесь, — не сдержалась Мария. — Идёмте, дамы. Шлюз нулевой точки в отделе техобслуживания.

— У вас... Э-э-э... — замялась исполнительница. — Найдётся переходной скафандр моего размера?

— Есть мешок для ксенобегемота, — Мария подмигнула и показала большой палец в знак одобрения позитивного отношения к собственному телу. — Как раз намедни детёныша для городского парка отлавливали.

К счастью, подходящий скафандр в инженерном отделе нашёлся. В молчании оделись и должным образом спрятали технику.

«Хоть бы всё нормально прошло», — думала Мария, стоя в шлюзовой камере, в ожидании нужного потока плазмы.

— Вот вы на нас сердитесь, — с обидой сказала представительница социальной службы, — и совершенно напрасно.

— Напрасно вы взятку у Павора Мусорщика брали, — отрезала Мария.

— Я никогда не беру взяток, — сквозь зубы процедила дама, одарив её негодующим взглядом. — А на прошлой неделе сказать вам, что взяла? Сказать?

— Ну, говорите, раз невтерпёж.

— Четыре литра кровавой каши я взяла. Мать, наркоманка, засунула ребёнка в бытовой измельчитель и нажала на пуск. Потому что у неё закончились глазные капли, а ребёнок кричал. Вы такого же хотите?

— Тут нечего сравнивать, — фыркнула Мария. — Светлана не какая-то наркоманка.

— Но ведёт себя так же неразумно!

— Глазные капли с треумоксом — не наркотик, — заметила полицейская. — А совершенно легальный медицинский препарат от сухости в глазах.

— Скажите это кашице в бытовом измельчителе для пищевых отходов!

— Девушки, мы так все переругаемся, ох, — с одышкой сказала судебная исполнительница. — Мы тут все на работе, собственно... Как вы в этом шлеме дышите... Я, кстати, впервые через нулевую иду. Это не вредно?

Слава Роберту Ирвину во веки веков, переругаться не успели — плазму наконец-то

подали, и яркий, искрящийся крохотными синими молниями портал открылся.

Станция их встретила той мёртвой тишиной, которая не предвещала ничего хорошего. Едва поток иссяк и появилась возможность доставать из чехлов оборудование, Мария приготовила помпу с сетью. На всякий случай она пошла впереди, выискивая глазами малейшее движение.

— Светлана? Капитолина? — позвала она. — Есть кто?

Самого худшего — изуродованных трупов, к счастью не было. Но и пустая, как Войд Волопаса, станция означала только новый виток лишних проблем. Женщины обошли каждую комнату, заглянули в каждый шкаф и закуток — всё без толку. Открыли дверь во двор и тут же снова захлопнули её, потому что забор оказался отключенным, а ворота — распахнутыми настежь. По газону разгуливала огромная иссиня-чёрная ксенокорова с телёнком и обедала куст шиповника. При виде людей она опустила гигантскую лохматую голову и стала рыть землю копытом.

— Вы понимаете, что натворили? — ледяным тоном спросила социальная работница. — Ваша подопечная сбежала в опаснейшую карантинную зону. И вы ещё имели наглость утверждать, что с ней ребёнку безопасно? Вы не защитница прав, а преступница. Как хотите, а я вызываю ручейных рейнджеров.

И пошла в командный пункт.

— Она что у вас, пьющая? — крикнула полицейская из пищеблока.

Вне себя от беспокойства и волнения, Мария поспешила туда. На столе стояли ополовиненная бутылка текилы, две рюмки, чашка с розовым слоном на мячике, с остатками апельсинового сока внутри и початый прекраснейший торт из белково-ореховых коржей со сливочным кремом «Шарлотт».

— Пойду составлять протокол, — сказала полицейская.

Некоторое время Мария и судебная исполнительница рассматривали следы легкомысленного пиршества.

— Я возьму кусочек? — шёпотом спросила исполнительница.

Мария в полнейшем отчаянии пожала плечами. Потом взяла бутылку текилы и как следует приложилась прямо из горла.

Глава 27. Павор

Вы когда-нибудь лезли на стены от злости и беспомощности? Павор лез, причём в самом прямом смысле — вернувшись домой, в сердцах лупанул в стену кулаком, да так, что разбил костяшки и сбил икону святого Пантелеймона Целителя. Пришлось нести табуретку и с молитвой приколачивать новый гвоздик.

После того душевного подъёма и сердечного торжества, которые он испытал в суде, законно получив право растить собственного любимого ребёнка, эта тварь, эта проблядь опять сбежала из-под носа. И куда? В лес! Да чёрт бы с нею, право слово, но дочка, его золотая девочка, его кровинушка, похожая на покойную матушку? За что Светлана с нею так? Не дай бог что-то случится с Капитошкой, кому Павор оставит всё нажитое добро? Ради кого он всю жизнь работал, для государства старался, что ли?

Как поц и клоун Павор с самого утра торчал под забором Общества Задроченых Дыр Жопоедок и ждал, когда выведут Капитошку, а засевшие внутри проститутки с лесбиянками показывали на него пальцами из окон офиса. Ещё намерен он купил говорящую робокуклу с видом самой настоящей живой девочки и с ценой слегка подержанного авто, в добавок — игрушечного кота с дочку размером, но получил шиш. Господь отвернулся от Павора, словно он что-то сделал не так, словно не ел свой хлеб в поте лица своего.

От забора Общества, вдрызг разругавшись с бесполезной сукой из соц опеки, Павор помчался напрямик домой к Шульге. Дважды превысил скорость и даже штраф на выезде из города выхватил, так торопился.

После выигранного суда он звонил браконьеру раз восемь, хотел вернуть свои деньги, но всякий раз слышал, что абонент вне зоны. Заблокировал Павора, что ли, чтоб должок не возвращать? Так порядочные люди не делают. Выполнил работу — получи обещанное, когда Павор слова не держал? Не выполнил — твои проблемы, возвращай задаток!

Жил браконьер на отшибе, за шагбаумом с надписью «Частная территория, проезда нет», в трёхэтажной вилле в тосканском стиле, обнесённой глухим бетонным забором, утыканным видеокameraми. По словам его кума, кроме виллы внутри имелся целый автопарк и даже вертолётная площадка — жировал, ублюдок, за свои грязные деньги с рогов и копыт. Но сейчас Павор был чертовски рад, что задаток осел за этим забором. Привести ему дочь со станции Шульга не смог, пусть хоть в лесу его ребята пошустрят, хоть на что-то это кодро способно?

Открывать Павору никто не спешил, хотя он и звонил, и стучал, и по-всякому перед камерами крутился. За сегодня это был уже второй забор, за который его, уважаемого человека, категорически не пускали. А всё по чьей вине? Конечно же, Светланы. Ничего, она ещё попляшет, ещё не раз и не два пожалеет, что обеспечила мужу всю эту мерзость и позор...

Отчаявшись, Павор сел в машину и там сидел, с открытой дверью, жалел, что нельзя выпить. Хотя, кто сказал, что нельзя? Если самую малость, то можно. Он достал из бардачка бутылку бренди и как следует приложился, от чего сразу обильно вспотел. Жара, как не крути, стояла адская.

Вдруг калитка пискнула кодовым замком и открылась.

— Наконец-то, — проворчал Павор, поднимаясь с сидения.

Но вышел к нему не Шульга, и не его холёная модель-жена, мамаша или хотя бы тёща на

худой конец, вместе с которыми браконьер обитал в своём большом доме, по его уверениям, в любви и дружбе. Даже не охранник, хотя, по идее, охрана там должна была водиться. Из калитки выползла старая сморщенная бабка в мягких тапочках, с клюкой в одной руке и ярким бумажным пакетом в другой.

— Это что ещё такое, — недовольно проворчал Павор, оглядываясь по сторонам.

Может, бабку ждёт такси, которого он не заметил? Никого кроме него у дороги не было. Куда она могла направляться в этой местности, не в город же пешком, к примеру, в пенсионный фонд, хе-хе, или поликлинику, прогреть радикулит в медкапсуле? Не-е-ет, бабка направлялась к нему. «Ладно, посмотрим», — подумал Павор.

— Ты, что ли, Мусорщик? — спросила бабка, приковыляв к машине.

Павор поморщился.

— А что, мать? — спросил в ответ. — Алексей не дома ли?

— Нет его, — ответила бабка. — Так ты Мусорщик?

— Ну, допустим, я, — он нехотя кивнул.

— На, возьми, — бабка сунула пакет ему в руки.

Павор взял. Пакет был из-под дамского белья, розовый с золотым теснением и фотографией красотки в кружевных трусах, а лежали в нём деньги. Целый пакет денег.

— Лёша сказал, придет Мусорщик — отдать ему. Здесь сто тыщ, сказал.

— А что же он не вернул деньги лично? — с негодованием выдавил Павор.

— Лёша сказал, что при встрече проткнёт тебе глаз ореховым прутиком.

Павор даже растерялся. Ладно, морду разбить или даже прострелить колено, было бы за что, но экое свинство, глаз — прутиком...

— Почему ореховым? — только и произнёс он, хотя хотел спросить, чем же так обидел Шульгу.

— Не знаю, — бабка поджала губы. — Он грецкий орех под окном посадил, привитый, хорошо принялось. Ну, бывай.

Она развернулась и потопала назад, во двор, в свою очередь Павор молча сел в машину и поехал восвояси. А уже потом, дома, полез на стену.

Он ничего не понимал, голову сломал в попытках разобраться, что происходит, и от этого бесился вдвойне. К счастью, дома нашлось привычное успокоительное и верный друг с зелёными гладкими листьями. Особо расчувствовавшись, Павор даже помочился в кадку с фикусом.

Яйцеголовый явился на работу в среду, Павор к тому времени совершенно извёлся от тревоги за дочь и неизвестности, хоть и прибухивал порядком.

— Павор Валерьевич, — блестя глазами, адвокат приблизился. — У меня кое-что есть.

— Что? — только и спросил Павор.

— Посмотрите...

Он порылся в наручном компе-часах и явил рекламную картинку. Довольно страшенькую, в стилизованных кровавых брызгах и оскаленных ртах.

— Что это?

— Букмекерская контора, — с кривой улыбочкой сказал яйцеголовый. — Разумеется, чёрная. Принимают ставки на ксенобои. Их активно рекламируют все последние дни из каждого, хм, утюга. Разумеется, неофициально.

— Зачем мне это? — фыркнул Павор. — Я дочь вернуть хочу!

— А вот, позвольте, видео боя. Снято скверно, на скрытую камеру, однако, прошу вас

посмотреть. Я на экран выведу.

Павор взглянул на видео и ничего не понял. В тёмном помещении, на небольшой арене, огороженной сеткой, в яростной схватке бились какие-то твари. Ничего невозможно было толком разобрать — сплошной клубок когтей, клыков и гибких хищных тел распадался и сплетался в драке под рёв импровизированных трибун.

— Хорошие деньги контора поднимает, — заметил адвокат.

— Какого чёрта я смотрю эту дрянь? — раздражённо бросил Павор. — Я не любитель собачьих боёв.

— Правый нижний угол.

Павор присмотрелся внимательно и потерял дар речи. Челюсть в прямом смысле слова отвисла.

В углу, отнюдь не снаружи, среди зрителей, а внутри сетки, на краю арены, кричала, орала и судорожно двигалась, подбадривая зверя, его дражайшая супруга, одетая в странную маскарадную одежду.

Глава 28. Грей

В чужом логове ему не нравилось. Ни выйти толком, ни порыться, только с Матерью, да следом непременно тащился какой-нибудь самец из чужой семьи с громовой палкой и трескучим камнем, который больно бился. В первый же день один самец так потрещал, что у Грея задняя лапа отнялась, но Мать на того сразу напала и вцепилась ему в морду. Шум поднялся, гам, сбежались чужие самки и раскричались, как птичья стая. Грей полз к ним на передних лапах, он бы тоже ему в морду вцепился, но прибежал самец со шрамом, Грей сразу, ещё в старом логове понял, что этот — воин, да как ударил того, с камнем, тот аж лёг и сразу хвост поджал. Хотя какой у него хвост? Видел Грей эти хвосты у двуногих самцов, смех один. Ни уцепиться им, ни добычу схватить, так, болтается между ног.

Зачем Мать их с Сестрой сюда привела? Может она спариваться пришла, так пускай сама бы шла, а потом вернулась непраздной, как полагается, они с Сестрой ели бы мясо из холодной пещеры, хорошо прятались и спали. А уж если бы новый усс приполз, или зубарь как-то пролез через соты, Грей бы разобрался.

И что за странная, вообще, эта чужая семья, которая не спит одним лежбищем, на охоту вместе не ходит, а все порознь? Где их детёныши? Словно двуногие самки не рожают, хотя, Грей видел, когда от Матери потихоньку удирал, что спариваются с самцами в разных углах логова. Наверное всё-таки рожают, но не здесь, а в своих семьях. Уйдут, а там уже расплодятся, иначе все двуногие давно б закончились. Скорее бы они с Матерью тоже вернулись в своё старое логово. Но Мать не спаривалась, наверное, всё никак не могла самца подходящего выбрать. Казалось бы, что тут думать, конечно надо выбирать со шрамом на морде, у него такие повадки, что Грей было решил, что он тут Матриарх, да только как самец может главенствовать, если он не рождает детёнышей, а только дерётся для семьи? Чепуху опять придумал. Наверное, Матриарх с детёнышами пряталась в тайной части логова, куда его не пускали. Кто-то же их всех тут родил и выкормил?

Странные чужаки, в общем. Словно в засуху на водопое собрались всякие звери: не едят друг друга, да и ладно, хотя Грей пару раз видел, как самцы дерутся между собой, будто враги. А Грея все сторонились и боялись. Как-то убежал потихоньку, посмотреть, что и как тут устроено, по запаху нашёл логово для пищи, в нём возились две самки и портили в горячей воде мясо, делая его невкусным. Он подошёл, думал, и ему кусок перепадёт, но те полезли вверх, будто там их не достать, подняли такой крик, визг и вой, что ужас, бросались разным, но не попали, потому что Грей уворачивался. Прибежала Сестра, схватила его под лапы и унесла в ту часть логова, где сами обосновались. Ну уж нет, чужаки отдельно — Грей с семьёй отдельно.

Не нравилось ему и то, что Мать часто плачет и подолгу лежит, вроде и не спит, но и не делает ничего, так он приходил и объяснял, что лёжа самца никто не ищет, надо ходить, нюхать всех и смотреть, на ком больше шрамов, но та его прогоняла. Хорошо хоть Сестра не прогоняла, у них был круглый лёгкий шар и они играли.

Впрочем, надо честно признаться, хорошее было тоже.

Во-первых, еда. О-о-о, еда здесь водилась правильная, такая как надо, гораздо лучше, чем в старом логове. Мясо свежее, часто тёплое и с кровью. Он каждый день ел вкусно и много.

Во-вторых здесь не было больших сот, которые хватают и бьют, и при желании Грей

легко мог уйти прямым ходом в лес. Конечно, везде сторожили самцы с палками, но они, как и все двуногие, плохо видели, слышали и нюхали, он подкрадывался забавы ради, и его, как обычно, не видели. Грей не понимал, как сюда до сих пор не залез опасный враг вроде патра и всех не переел, и решил, что из-за шума. Только больной слюнями ползет в такое шумное место.

В-третьих Грей, наконец-то, смог себя показать, и это, пожалуй, было самым главным, потому что Мать до сих пор не видела, какой он молодец и полезный, а тут увидела. Однажды Мать принесла его в круглое логово с большими сотами посредине, и сперва он испугался, что эти тоже хватают и бьются, но увидел, что двуногие трогают их лапами и ничего не происходит, тогда потрогал сам и остался цел. Тут пахло особенным образом — живой добычей, живыми врагами, и Грей сразу смекнул, для чего это логово. Несомненно, для притравки молодняка. Конечно же, Мать хотела проверить, не пустой ли, прежде чем брать на большую охоту! С волнением он ждал, что появится Матриарх этого семейства, пред глаза и нос которой Грея, несомненно, и должны были явить, но вместо неё пришёл самец со шрамом и другие самцы. Они притащили на палке с петлёй живую сулицу, та выла от ужаса и пыталась всех укусить, а сулица ого-го как кусает, но не могла достать. Её затащили в большие соты и Грея опустили туда же.

Сулица была старой. Она увидела его и сразу бросилась в бой, понимая, что взрослый муст опасен, и он запел, с радостью встречая врага. Она была больше, сильнее и опытнее, рассчитывала на внезапность, но Грей смотрел внимательно, куда она ударит, потому легко ушёл от зубов и когтей, и сам взял её за горло. Сулицу обессилил собственный страх перед двуногими, она вся пропахла этим страхом и так боялась, что растеряла разум. Вместо того, чтоб резко стряхнуть его и отпрыгнуть, она упала на спину и перекатывалась вместе с ним, чтоб придавить, но Грей уже почувствовал её кровь на своих дёснах и не отпускал хватки. Его сердце гулко билось в груди, и с каждым ударом в нём росла уверенность и торжество. Он отпустил только раз, когда она выдохлась и легла, чтоб последним прыжком и укусом оборвать её жизнь.

— Ты умерла, чтоб накормить семью, — сказал он сулице. — Мать будет гордиться моей силой и отвагой. Я благодарен тебе.

Затем, как водится, разорвал её брюхо и съел лучшее — горячую печень — заслужил. Чужой семье оставил много, всю требуху, остальное мясо, кровь и кости, только вымазал грудь и шею. Самец со шрамом смотрел, как он валяется в крови, громко смеялся и лопотал, и все вокруг свистели и лопотали, Грей слышал удовольствие в их голосах. «Значит, Мать довольна тоже, — подумал он, — жаль, что новой раны нет, значит и шрама не будет».

Но Мать не была довольна, её рвало. Наверное, забила желудок той скверной пищей, что едят двуногие вместо хорошего мяса, и когда Грей подошёл для законной похвалы, отвернулась.

ЧТО.

ОН.

ОПЯТЬ.

СДЕЛАЛ НЕ ТАК?!!

Грей увидел врага — и пошёл на него без страха, с геймом. Он сражался и победил, и враг стал пищей. Он показал, что достоин ласки Матери. Но вместо той его погладил по спине самец со шрамом. Грей только поднял губу — лапа сразу убралась.

К счастью, позже Мать отошла. Опять мочила его в тёплой, как моча, воде, будто

укушенного уссом, и гладила по морде, и спать взяла с собой, как раньше. И, к сожалению, снова плакала.

Глава 29. Лана

Она до сих пор спала скверно и просыпалась до будильника, которого теперь не было, как и работы, и какой-либо определённости. Лана лежала, обнимала Капельку, гладила зверя, и со всей возможной ясностью понимала, что сама себя загнала в глухой угол.

Любому человеку нужна опора, как минимум безопасность в обычном человеческом социуме. Множество людей попросту жило на социальном пособии, ведь синтезированная еда и одежда из вторсырья крайне дешёвы, а энергия бесплатна, для чего утруждаться? Ели, пили, плодили подобных себе. А если найти работу — можно повесить потребление.

Казалось, едва ли не каждая связная ночная мысль начиналась с «если». Если бы они с мужем разошлись цивилизованно, Лана непременно выбрала бы второй вариант, а Капельку бы отпускала к нему на выходные. И самая частая мысль: нулевые точки ведь открыли? Если бы придумали машину времени, Лана вернулась бы в студенческое прошлое и начала общение с Павором с фразы «иди на хуй, блядь, не приближайся ко мне». Но тогда не родилась бы Капелька, которую Лана любила как душу, и она с досадой отвергала эту мысль.

Материнская любовь эгоистична, поэтому Лана не думала о благе ребёнка, только о том, что станет с нею без дочери, и губила их обеих, сознавая, что у Павора малышке и в самом деле хорошо и безопасно жилось.

Намедни во дворе девочка увидела драку двух людей Шульги, как называли Алексея, Лана не знала, фамилия это или прозвище. Один обвинил другого в краже ножа, тот, недолго думая, разбил ему нос, и оба покатались по земле, орудуя кулаками, под свист и хохот товарищей.

— Врежь ему, Васёк, чё ты как тряпка?!

— Тони, апперкот, блядь!

Дочку Лана сразу увела, но Капелька всё равно испугалась.

— Когда мы пойдём домой?

— Скоро, дорогая...

— Я про настоящий дом, к папе?

— Дорогая, папа хочет тебя забрать у мамы...

— Та тётя с видеокамерой сказала, папа хочет, чтоб мы с тобой вдвоём вернулись. Я хочу домой.

Что Лана могла ответить?

Браконьерская колыба была не местом для ребёнка. В первый же день отморозок с библейским именем Адам ударил Серого электрошокером со словами: «Падла, двух людей угробил». Лана была настолько взвинчена своим отчаянным решением, что неожиданно для самой себя вцепилась ногтями ему в щёки и чуть глаза ему не выцарапала, в добавок сам Шульга объяснил доступным образом, что они здесь почётные сука-гости, и если Адам или любая другая сука посмотрит криво или приебётся, то будет нещадно сука-пизжен. Так что Лану не задирали и зверя больше не трогали, просто сторонились их.

Бывший командный пункт Шульга переделал под свой кабинет, там подолгу зависал, занимаясь делами, оттуда в случае потребности открывал точку входа-выхода. С другой стороны находилась его же фабрика по производству деревянной мебели, дохода она приносила гораздо меньше, чем колыба, но деньги отмывать помогала.

Кроме десятка грубых мужиков с уголовными повадками в колыбе жили потерянные

женщины. Две — усталые шлюхи и законченные инъекционные наркоманки, ещё одна — прежде судимая, теперь скрывавшаяся от второго срока, спрятать её в иномирье Шульгу упросил любовник-егерь, и повариха, горластая сварливая баба, бесконечно ругающаяся со шлюхами, мать одного из охотников. Гнездилися народ по дружбе и родственным связям, одни охотники приходили и уходили, другим, видно, некуда было податься и они обжились как дома — смотрели аналоговый телевизор в свободное время или резались в нарды. Повариха с зечкой жили привилегированно, вдвоём, они убирались и готовили на кагал, за что получали честные деньги, а шлюхи кочевали из комнаты в комнату за еду и наркотик — им так нравилось. Выделили отдельную комнату и Лане с её семейством, из мебели в ней стоял комод, тумба и полуторная кровать, впрочем с фабрики сразу притащили стол и стулья, даже нашли детских книжек, правда, мальчуковых. Лана думала, что оттуда пришлось кого-то выселить, но оказалось, в комнате никто не жил, когда-то в ней паршиво умер некий Теньчик, захлебнулся рвотой, а после смерти привиделся пьяному своему товарищу. Тот сразу завязал и с охотой, и с горячительными. Лане Теньчик не являлся, видимо, претензий не имел.

— Как долго мне здесь оставаться? — спросила она Алексея после первого, пробного боя Серого.

— Я потерял двоих людей, — доброжелательно пояснил тот. — Пока найду замену, подготовлю, пройдёт время, значит ты покроешь убыток. Один, положим, одиноким был и жил в колыбе, а у второго старуха-мать осталась, висит у меня на шее, надо денег, чтоб оформить её в приличный пансионат.

Лана вздохнула.

— Смотрим дальше, — продолжал Шульга доверительным тоном. — Тебе документы новые справить да твоей дочурке, хорошая ксива стоит недёшево, сама понимаешь, надо чтоб комар носа не подточил. Затем, билеты наподальше, да вам двоим финансовую подушку на первое время. Посмотрим, как дело пойдёт. Месяцок-другой перебудешь, потрудится твоя скотинка, отработает, реклама пойдёт завтра.

Лана снова вздохнула.

Во дворе Алексей построил сараи и склады, где складывали, сортировали и разбирали съедобную добычу — огромных рогачей да ксенобыков с лохматой гривой и длинными, изогнутыми рогами. Даже мини-цех по разделке туш держали — натуральное мясо пользовалось большим спросом и стоило денег на чёрном рынке. В другом цеху снимали и обрабатывали кожи с ярких рептилий, привозимых с болот, и могучих хищников, саблезубов и ксенопантер. Полированные огромные черепа на складе лежали горой, ожидая покупателей, а в лесу за вырубкой, на стихийной свалке, гнили отходы с туш, приманивая хищников покрупнее Грея, похожих на лис и волков. Этих Шульга отлавливал для боёв. В отдельных железных клетках на передержках, случалось, сидели звери, заказанные ублюдками вроде Павора для домашних забав.

Лана докатилась — добровольно привела ребёнка в натуральный притон. Теперь, когда служба опеки осталась где-то далеко за лесом, просекой и замершими, как комар в янтаре, приисками, а жить приходилось невесть с кем, стало понятно, что она ужасно ошиблась. Порой накатывало такое отчаяние, что жить не хотелось, вытаскивала мысль, что если Лана умрёт, то между Капелькой и Вечностью никого не останется, а это было недопустимо. И Серый, неизменно приходивший к хозяйке и что-то объяснявший на своём наречии: к-к-ке, да к-к-к-к-к-ке.

К её огромному удивлению, довольно скоро и она сама, и Капелька обвыклись, дочка перезнакомилась со всеми обитателями колыбы, с какими-то даже подружилась. Один вырезал из дерева чрезвычайно натуралистичные фигурки зверей, и нарезал целый ящик, другой обучал её стрелять, а одна из шлюх оказалась мастерицей плести косички и каждый день, если не бывала в хлам упоротой, делала новую плетёную причёску той сложности, на которую у Ланы ни за что не хватило бы сноровки. Дочка всем подряд интересовалась, приходилось следить, чтоб она не мешала людям, не лезла в разделочные и не подходила слишком близко к зверью.

Тем временем букмекерское дело и в самом деле двинулось. Серый оказался не просто бойцом, а находкой. Она сама не ожидала, что не только привыкнет к отвратительному и жестокому зрелищу, но и научится разбираться, что у чему.

«Если бы я знала какой он, — порой думала, глядя на Серого, — когда подбирала, то оставила ли бы за забором? Нет, тогда лишилась бы дочки...»

Судьба послала Светлане всех и всё не просто так, если высшие силы существуют, они требуют измениться. Или хотя бы функционировать согласно обстоятельствам.

— Бойца надо подбадривать, — сказал ей Шульга на третьем, уже ставочном бою, ради которого через нулевую точку мебельной фабрики прибыли пока немногочисленные гости, в основном, мужчины, пара-другая со своими женщинами.

— Кричи, хлопай в ладоши, он должен слышать твой голос и знать, что ты бьёшься вместе с ним. Презанятная у тебя скотинка, мать, мне б такую, я бы даже не женился!

— С ним бы трахался?

— Смелому человеку всё вагиной может быть.

И захохотал, довольный собой и своим юмором. Лана тоже ухмыльнулась.

На арене, за сеткой, её зверь согласно своей природе расправлялся с годовалым ксеноволком, пойманном намеренно в ловушку. Тот бился без азарта, но довольно ловко уходил от захвата, а Серый с арией (кажется, он брал верхнее ля) его изматывал, то взлетая на сетку и цепляясь хвостом, то прыгая длинными прыжками.

— Мозгоед — огнище. Продай!

— Нет.

— Ну, на нет и суда нет, тогда веди себя с ним как положено.

— Это как? — Лана поморщилась.

— Я заметил, у него ритуал. Всякий раз он первым делом выжирает печень, затем трётся о тушу шкурой, затем идёт к тебе и показывает, какой охуенный, потому что он охуенный. А ты корчишь ебач, словно не видишь, что ему одобрение надо. Да похуй, в чём там он пришёл, хоть в говне, ты должна его погладить и похвалить. Сам хотел, так он скалится. Я для него — чужак, ты — семья.

Она поступила согласно совету Алексея. И когда Серый загонял и заел ксеноволка размером в три мозгоеда, погладила окровавленную морду и уши, потрепала отростки и почесала шею. Тот заюлил всем своим длинным тонким телом, затрещал: к-к-к-ке! Бой был лёгким, зверь остался энергичным.

— Пошли перетрём, надо обсудить, — сказал Шульга, отловив её на следующий день, и повёл в свой кабинет.

Лана несмело вошла, ожидая, что увидит копию офиса Павора, либо что-то вычурное, сродни янтарям в ушах и на пальцах Шульги, но кабинет оказался самым простым, без роскоши и атрибутов его торговли, без единой шкуры или черепа, единственное, что

говорило о роде занятий хозяина — шкаф с бережно расставленными на полках дорогими, очевидно, ружьями, и другой — набитый более дешёвым, небрежно сложенным оружием.

В углу стояло стандартное стационарное оборудование с рубильником подачи энергии и пультом управления входом/выходом — новейшим, автоматическим; не самый длинный стол с хорошим компьютером, поперечный столик рядом, поменьше, четыре мягких стула кроме его собственного кресла и диванчик.

— Промочим горло? — спросил Шульга, доставая из стола бутылку с чем-то явно крепче пива.

«Что тебе, собаке, надо?» — подумала Лана и кивнула.

Шульга налил янтарной жидкости в два стакана, скольнулись, Лана пригубила, оказалось — скотч. На закуску он открыл коробочку с вяленным мясом.

— О-о-о, это вещь! — рекомендовал с доверительной улыбкой. — Натурпродукт, собственное производство, ни малейшей химии, никакой синтетики.

Мясо было солёным и жёстким, в большей степени — пивная закуска. Лана пережёвывала его, ожидая, когда хозяин колыбы пояснит, зачем позвал.

— Пора нам выходить на новый уровень и повышать ставки, — наконец сказал Алексей.

— Каким образом?

— Я приглашу людей с другими бойцами. Бойцы со своей аудиторией, прибудет больше народу, срубим больше бабла.

Лана чуть не подавилась жёсткими мясными волокнами.

— Кто-то держит бойцовых ксенозверей?

— Ёбу дала, мать? — фыркнул Шульга. — Конечно держат. Ты же не одна такая шустрая. Много кто поймал либо заказал щенка или ящерку.

Лана помолчала.

— Во-первых, я тебе не мать, — сказала она холодно, — Во-вторых, я не вижу никаких причин говорить со мной в подобном тоне. Мы договорились, что поможем друг другу. Я тебе — вернуть якобы потерянные деньги, сомневаюсь, что ты много потерял на обустройстве осиротелой старушки, но понимаю правила игры и не спорю, мой зверь сейчас дерётся в твой карман. А ты нам с дочерью сделаешь новые документы, паспорт и свидетельство, в котором отец записан со слов матери. Надеюсь, они уже делаются?

Шульга со смехом развёл руками, вышел из-за своего стола и уселся на стульчик по соседству, в самой дружеской близости.

— Какая ты обидчивая, прошу меня простить и быть снисходительной, ну что взять с мужлана? Ты погляди, с кем я коротаю дни. Пацки мои — они наивные и простые, как заготовки под мебель. Конечно, ты из совсем другого теста.

— Ну а ты сам деликатная и тонкая натура, — кивнула Лана.

— Творческая. Я стихи пишу, — Шульга, не спрашивая, обновил скотч в её и своём стакане. — Вот к примеру...

— Алексей, пожалуйста, давай вернёмся к боям, — умоляюще сказала Лана. — Чего ты водишь меня кругами, как Серый ксеноволк?

— Давай к боям, смотри, какой я покладистый, — Шульга выпил и хлопнул в ладоши. — Приедут люди, привычные к таким вещам, так их и встретить по-другому придётся, понимаешь? Пусть не удивить, конечно, но организовать покрасочнее. Заставлю шлюх напитки разносить, оденем как дорогой эскорт, но нам не хватает антуража. Изюминки нашей богадельни.

Лана покачала головой.

— Антураж я придумать не смогу, хоть убей, максимум композиций цветочных собрать, но они, наверное, будут не в тему. От меня тебе что надо?

— Хозяин выходит на арену со своим зверем, — заявил Шульга, разглядывая Лану чёрными глазами.

— Ещё чего?! — возмутилась она. — Не собираюсь я в таком участвовать!

— Это как если бы делая уроки с малой в первом классе ты вдруг решила бы сделать аборт. Поздно. Ты уже участвуешь, мать, — философски заметил Шульга. — Кроме того, *просто выйти* ты не можешь.

— Вприсядочку надо? — съерничала она.

— Это было бы плагиатом, вприсядку выходит мужик один, Карантач, хозяин берящерка.

— Кого?!

— Потом покажу. Своего зверя тебе надо презентовать. Создать совместный яркий образ, нечто, что выделит тебя из толпы ебланов, накупивших ксенозверей. Что-то утончённое, как ты сама.

— Алексей! — Лана в прострации развела руками. — Я ничего не смогу придумать! Я не танцую, не пою. В универе в теннис играла. Взять ракетку с мячиком? Это попросту глупо.

Дверь без стука открылась, в щель просунулась голова поварихи. Сперва осторожно, будто тётка Лиза ожидала увидеть иную картину и сразу скрыться в этом случае, затем — понаглее, потому что картина ей открылась самая обычная — хозяин с гостьей мирно выпивали, сидя на стульчиках по соседству.

— Эй, красавица, — сказала она. — Забери с пищеблока своё чудовище, оно там бродит и трещит, Валентину на стол загнало.

— А вот это идея! — сказал Шульга. — Антураж мрачной сказки. Блядей нарядим в говорящую посуду, одна будет бутылкой, вторая — стаканом.

Лана схватилась за голову.

Глава 30. Матриарх

ёВсё прошло благополучно, иначе и не могло. Пока Дочь вылизывалась и съедала послед, она обнюхала и осмотрела детёнышей, переворачивая каждого носом. Младшая Внучка была слабовата.

— Мы должны отдать её лесу? — спросила Дочь, отводя глаза.

— Я говорила, что ты станешь нетерпеливой Матерью, — ответила с улыбкой. — Хорошо корми её и хорошо прячь, со временем она станет такой же прекрасной, как и ты.

Дочь польщённо ткнулась носом ей в шею и легла, подставляя первому своему помёту брюхо с набрякшими сосками. Чужа запах молока, самцы, более крупные, оттерли самок, но Матриарх подтолкнула слабую к соску, та приникла ртом и вскоре все восемь её внуков жадно сосали.

— Я не знала, что это так приятно, — смущённо сказала дочь. — То, как они сосут. Во мне будто цветок расцветает.

— Ты почувствуешь, что в тебе восходит Дневной Глаз, когда увидишь, как твои дети идут в бой, — сказала Матриарх и не смогла удержаться от колкости: — если будешь достаточно терпеливой.

Она вылезла из логова, уселась на камне и замерла, растопыбив отростки, серая, как сам камень. Матриарх грелась в лучах, оглядывая своё маленькое царство. Вокруг логова в ветвях, камнях и у колоды сидело трое стражей — смотрели и слушали, не идёт ли враг. Намедни в поисках добычи на логово набрёл молодой патр, но стражи увидели его первыми и приняли бой, отвлекли и задержали до прихода остальных. Трое получили глубокие рваные раны, пока семья одержала верх, но она могла гордиться собой — за всё это время потеряла одного единственного воина, и то не в бою, а по случайности, в грозу, когда рухнуло дерево. Матриарх была осмотрительной, того же требовала от всех.

На прошлый круглый Глаз из болотной семьи пришла чужачка в течке, оглядела сыновей, но всех отвергла:

— Молоды, — сказала. — Мало шрамов.

— Останься с нами до большой охоты и ты поймёшь, почему, — с улыбкой ответила Матриарх.

Из любознательности та осталась. Две ночи спустя Матриарх показала, как слаженно дерутся её сыновья и Дочери, как они ловки, быстры и осторожны, как чувствуют друг друга в слиянии и как прекрасен их гейм. Семья без потерь и раненых взяла старого монта, пищи хватило на много дней всем от мала до велика.

Самка осталась с ними ещё на две ночи и выбрала рыжеватого длиннохвостого Редхи. Семья с интересом смотрела, как они играют и раз за разом спариваются, молодёжь волновалась и цокала, отвергнутые сыновья уныло наблюдали игру да облизывались, набираясь чужого опыта.

— Ты унесёшь в себе мою здоровую кровь, — сказала она чужачке на прощанье. — Мы не боимся отравы двуногих.

— Да будет по словам твоим, Мать Матерей, — та поджала хвост в знак почтения и ткнулась лбом, прежде чем исчезнуть в траве.

У входа сидела Дочь из первых детей, пока ещё праздная, рядом с нею играли подростки последнего помёта Матриарха — она лишь недавно перестала кормить их

молоком. Один изображал медленного болотного тоура, остальные делали засаду, чтоб наброситься пока ещё хаотичным скопом. Старшая их Сестра что-то снисходительно поясняла. «Рано ещё брать на охоту, — думала Матриарх, — пусть Ночной Глаз прищурится, тогда найду им слабую добычу...»

Сын подошёл бесшумно, как умел ходить лишь он. Матриарх услышала его, только когда он вспрыгнул на камень рядом.

— Ласкою твоею, Мать, — ткнулся лбом.

Она поспешно осмотрела и обнюхала его — Йела не было четыре дня. Цел, здоров, энергичен.

— Что ты видел, сын мой? — сказала она. — Что ты узнал?

— Двунogie ушли из Мёртвого Леса, — ответил Йел. — Забрали ревущих зверей, осталось пустое логово да мёртвое болото, в котором они рылись.

— Ащц! — Матриарх с недовольством ощерилась.

Месть, которую она вынашивала, будто плод, откладывалась.

— Я повстречал других двуногих в лесу. Они ходили, словно искали добычу. Все самцы, воины с палками, в твёрдых шкурах огненного цвета.

— Ты был осторожен?

— Они не видели меня и не слышали, я их пас, как бык своих самок. Не нападал, помня твои мудрые слова, лишь смотрел. У этих, ярких, закрыто всё, даже морда. Они открывают её когда едят и пьют вонючую воду. На них напала сулица, но двуногий ударил её трескучкой и та свалилась без сил, а они пошли дальше, не стали брать. Я убил её и съел печень.

— Быть может, ищут нас, — подумав, сказала она. — Ты замёл следы?

— Замёл, сделал круг и бежал целый день в другую сторону. Я нашёл там ещё одно логово двуногих.

— Где? — быстро спросила Матриарх.

— У озёрной затоки, в чаще леса за широкой тропой. День пути от Мёртвого Леса. Те много охотятся, видно, большая семья. Часть добычи просто бросают, как слюнявые патры, которые убивают из злобы, а не ради защиты и пищи.

— Ащц!!!

«Они расползаются, как зараза, — подумала она. — Сколько не выбьешь двуногих — те приползут ещё и станут мстить. Они сами — болезнь леса, как жуки, что убивают деревья на полдня бега...»

— Трупы жрут сулицы и шаурги. Я не ел. Только смотрел кругом и нюхал. И вот, что странно...

— Говори.

— С ними в логове живёт муст, самец, крепко пахнет. Я видел его метки.

— С двуногими? Чуть, — не поверила Матриарх.

— Клянусь Ночным Глазом, чтоб мне на охоте опозориться, если я ошибся, — с обидой ответил сын. — Там было много новых запахов и меток, но другого муста я узнать способен.

— Я подумаю над этим позже, — сказала она. — Ты прекрасно справился. Отдыхай, Сёстры вылижут тебя.

Глава 31. Лана

Шлюх звали Саломэ и Катерина, одна была местной, другая приезжей, обе — девчонки неплохие, ещё не старые, только неприкаянные.

Симпатичная чернявая Саломэ, в прошлом — парикмахер, по собственным уверениям жила в колыбе превосходно и уходить никуда не собиралась. На хмурый она присела, прожигая жизнь с богатым любовником в столице. Осознав размер неприятности, переехала подальше от искушений, в провинцию, к дальней родне, лечиться. Новый любовник с герычем, пониже классом, нашёлся и там, спрыгнуть не получилось. Вообще расставаться с мужчинами оказалось куда проще, чем с пагубной и дорогой привычкой. Заработать в парикмахерской на жизненно важную дозу Саломэ не могла — какие уж тут клиентки? Она, взъерошенная, либо бегала на кумарах в поисках денег, либо пускала слюни, раскумарившись. И Саломэ сделала самое простое, что пришло в голову: поселилась в наркотически щедрой музыкальной тусовке, за дозу подпуская к телу всех желающих. В юности она была красоткой, да и сейчас сохранила приятную физиологию, а музыканты лабали по клубам, потому хмурый всегда находился.

В особо тяжкие моменты Саломэ на пару дней ложилась в медкапсулу в наркодиспансере и чистила кровь, но психологическая зависимость никуда не девалась, уж слишком ей нравилась безмятежность макового поля, в то время как трезвая реальность, даже вне абстиненции, контрастно жалила неустройством. Однажды басист привёл с собой на репетицию товарища, тот оказался Стасом, охотником Шульги. Саломэ отсосала ему со всем старанием, и Стасик забрал её в колыбу. К музыкантам она возвращаться и не захотела. Здесь было всё необходимое для жизни: еда, крыша, сухой экстракт макового поля, собственная медкапсула (сбросить дозу) будто в диспансере, и мужчины, которым так не хватало тепла.

— Наркота у ней, да парней главней! — кивая на Саломэ, в рифму сказала полноватая, светлоглазая Катерина с густыми русыми волосами, — у меня наоборот. Я всегда любила мальчиков, лет с двенадцати поняла, что жить без них не могу, так бы каждого и обняла, они такие милые, как щенки, только лучше, и все разные! Уж начнёшь, так не остановиться. А на хмурый подседа случайно, когда в Париже пела.

Катерина закончила культурный колледж, ездила на гастроли с народным хором и перебивала где угодно. В поездке попробовала героин, кто-то подарил артистам увесистый пакет. Сперва нюхала, затем стала колоть. Две другие певицы не пристрастилось, а она — да. Из хора её выгнали, мать хотела сдать Катю на принудительное лечение, к счастью, пацки приютили в колыбе и не дали пропасть в недрах лечебницы. В наркотике Катерина была умеренной, поесть любила и пребывала, как говорится, в теле, артельную медкапсулу не любила и ложилась туда только дважды, вылечить вульгарный триппер.

Зэчка Валентина, кареглазая сухая блондинка, особо о себе не трепалась, иногда рассказывая что-то поварихе, тётке Лизе, которая на своё усмотрение утаивала информацию или интерпретировала для масс. Эти двое не торчали, но порой любили прибухнуть, потому что вечером, по дороге на пищеблок, Лана дважды встречала обеих, держащихся за стены с самыми серьёзными лицами.

Коробки с реквизитом приехали через мебельную фабрику во вторник перед боем. Лана

в ужасе ожидала совсем уж кринжовых, аниматорских костюмов, но наряды, как оказалось, в срочном порядке мастерил модельер-художник кабаре. Говорящей посуде полагались высокие сапоги, крохотные голые платья из гипюра и латекса с бондажными рукавами-перчатками, с огромными шляпами, собственно, и составлявшими основную деталь: одна была исполнена в виде графина на блюде, две другие изображали коньячный бокал на короткой ножке. Натуралистичные, но лёгкие, из тонкого пластика, они крепились к голове широкими лентами и фиксировались под подбородком и вокруг шеи.

Лане для роли Белль полагалось чрезмерно декольтированное, классически жёлтое и по-своему даже красивое платье, но какое-то чрезмерное. Неудобство обнажения можно было терпеть, если бы к платью не прилагался создающий объём чудовищный жёсткий подъюбник, который Лана сразу отвергла. Она слишком нервничала, отчего случился сбой цикла. Экая неприятность произошла у Белль...

— Не торчим, пробку не нюхаем, не ебёмся, — сказал Шульга сурово. — Много я от вас не прошу, спутник, там, на орбиту вывести, или рогача в одно рыло завалить. Завтра все раскумарятся по мелочи и поработают на публику, будете шнапс носить, показывать жопы и визжать, когда вас ущипнут, а если кто-то недоволен, то пусть прямо щас с концами уёбует, на его место с десятков блядей найдётся.

Уходить никто не хотел, женщины разобрали наряды под ликующие смешки поварихи, по причине возраста и веса в вакханалии не участвовавшей, и ничего несвойственного себе не делающей — просто канаве и холодные закуски. Лана ожидала, что как минимум троих своих парней Шульга переоденет во что-нибудь не менее вызывающее, но тем он даже побриться не велел, или не вонять ногами.

— Это дискриминация наших прав, — сказала Лана. — Чего мы должны в карнавал переодеваться, а они — нет?

— Шоу пидарасов в горах, на базе Геньчика Зарецкого, — коротко ответил Шульга. — Как вспомню — так блюю.

Серого пришлось закрыть к огромному его негодованию, и сидел он один-одинёшенек: Капелька желала участвовать во всех приготовлениях, спровадить её было совершенно невозможно. Рабочие с мебельной фабрики устанавливали трибуны с круговыми креслами и вип-зоной первого ряда, в колыбе стало шумно от привлекательных для любопытной дочки чужаков. В пищеблоке готовилось, синтезировалось и раскладывалось бесчисленное множество закусок для шведского стола, там Капелька тоже паслась, получая от поварихи лакомый кусочек. Шлюхи с зэчкой Валентиной мерили наряды, негодуя и восхищаясь по очереди, с ними Капелька приобщалась к моде в стиле гротеск и развивала лексикон.

— Мама, а из пизды моей горячей крови ты попьёшь, это как?

Лана схватилась за голову.

— Где ты эту гадость услышала?! Забудь немедленно!!!

— Саломэ с тётей Валею сапоги поделить не могут, каждая себе хочет.

— Это вагина на грубом сленге, — пояснила Лана. — Не повторяй за ними, они ужасные грубиянки, фу.

Раскумаренная, но не убитая в хлам Саломе, сделала ей макияж и причёску, в которую воткнула алую розу, и Лана сама себя не узнала, глянув в зеркало. В большей степени эта женщина походила на куртизанку.

— Здесь не хватает украшения, — сказал Шульга, ткнув пальцем ей в шею. — Чтоб слишком на сиськи не пялились. Как не крути, бои первичны, как сифилёк, сиськи

вторичны, как сыпь.

И принёс янтарные бусы.

— Не проеби, малая, — попросил. — А то ещё дольше отрабатывать придётся, глядишь, обвыкнешься тут и застрянешь, как бляди.

Лана отметила смену в своём статусе: из матерей её перевели в малые, непонятно, к дождю или вёдру, но уточнять не стала. Нулевая точка пищала, не затыкаясь, пропуская всё новых и новых людей. Прибыл нанятый конференсье с моднейшей, не по возрасту молодёжной стрижкой и красной мордой, попросил опохмелиться и гримёрную. Нарядная молчаливая Валентина в костюме стакана увела его с собой. Мужчины ожидали прибытия участников с ксенозверьём, готовились разводить по разным углам колыбы по избежание преждевременных столкновений. Лана увидела лишь одного из них, сплошь татуированного мужика с ящером, похожим на варана. Тот приехал в специальной клетке и прорезиненном мешке. Боец выглядел устрашающе, Лана так разволновалась, что ушла.

Изнывающий от голода и скуки Серый обнюхал её с ног до головы и помял подол. Она взяла его на руки и стала гладить. С утра Серого кормили только раз, сперва он бодался лбом, требуя еду, затем слышал звериные крики и насторожился, словно всё понял, а может, и в самом деле понимал. К-к-к-к-ке?

— К-к-к-ке, — со вздохом ответила Лана.

Он заметался вдоль двери, временами застывая, как статуэтка, приныкая носом к щели. Нанюхался, наслушался, и бросился к Лане, извиваясь всем телом. Да, он понимал, что звери едут ради него.

— Ты должен выиграть, — сказала Лана, оглаживая морду.

— А меня возьмёте? — спросила Капелька. — Я хочу сесть в первый ряд, с дядей Лёшей.

— Нет, дорогая, тебе там делать нечего. Противное зрелище — звери дерутся.

— Если Серый победит, то не противное, он же наш, — упрямылась дочь. — А чужих мне не жалко, они противные.

— У тебя будет важная миссия — помогать тёте Лизе раскладывать фрукты и сладости...

Капелька в голос заревела.

— Все пойдут, а мне нельзя-а-а! — кричала она, размазывая слёзы. — Все нарядные, а я не-е-ет!!! Все в новый зал, а я к бабе Ли-и-изе!!!

Только этого Лане не хватало.

— Дорогая, вытри слёзы, я и так нервничаю, — умоляюще сказала она. — Хочешь бусы поносить? Смотри, какие красивые. Только не теряй, потом вернём Шульге.

Бусами Капелька быстро утешилась и позволила завязать себе бант, после чего, как добропорядочная фройляйн, пошла в безопасный пищеблок.

В серых сумерках, окутавших комнату, Лана сидела неподвижно, сложив на коленях руки. Зверь, глядя на неё, успокоился тоже, весь подобрался и замер, прижавшись к бедру. Так и ждали вдвоём, прислушиваясь к далёкому шуму. Дверь открылась и он поднял голову, немедленно вздыбив отростки под ушами. Внутрь заглянул высокий тощий Макар, тупой, молчаливый парень из числа проходящих охотников.

— Твой выход, — сказал он.

Лана взяла напряжённого Серого и, путаясь в юбке, понесла по пустому коридору всё ближе к шуму, крикам и грохоту музыки. За последнее время зверь заматерел и набрал в

весе, Капелька с трудом поднимала его и сразу ставила, Лана тоже быстро устала, но слишком рано отпускать не следовало, как и брать на шлею, и она с натугой волокла его.

— Встречайте великолепных! Блистательных! Непобедимых! Клайда с его убийцей Бо-о-онни-и! — закричал конферансье совсем близко.

Бог его знает, какое горло могло издавать адские звуки вроде хриплого воя и скрежета Бонни, утонувшего в овациях и свисте, ранее такой противник Лане не попадался, чего нельзя было сказать о звере — серая шерсть встала дыбом вдоль всего хребта вместе с костяными отростками. Оставалось надеяться на слово чести Алексея, обещавшего подбирать не слишком опасных, подходящих по размеру противников.

— Кого же мы видим в левом углу ринга? Кто эта милая девушка, серьёзный соперник или свежее мясо для блистательных! Непобедимых! Бонни и Клайда?! Встречайте. Красавица и её Чу-у-удовище-е-е!

Азартные игроки восторженно приветствовали новых участников хлопками и свистом. Кто-то из парней Шульги распахнул перед Ланой металлическую дверцу ринга и захлопнул за нею же на замок: для безопасности зрителей.

В свете мощных ламп она успела заметить Алексея в первом ряду, снова вычурно разодетого в пух и прах согласно браконьерской моде, доверительно склонившегося к какому-то господину в приличном костюме, да ещё разглядеть грубо затёртые кровавые потёки на полу арены, а больше ничего уже не видела.

Потому что Клайд, из угла напротив, спустил на неё Бонни.

Глава 32. Грей

В этот раз Мать заметно нервничала и нацепила новую шкуру. Грей попробовал — мягкая, идти на монта не годится, на монта надо влезать в огненную шкуру, в которой Мать с Сестрой и Греем сюда прибыли на ревушей неживой зверюге. Та твёрдая, а эта рвётся с пол укуса. Значит, на охоту не пойдут, а зря. С утра никого не кормили, конечно же, в логове кончилась пища, а самцы не смогли добыть, может, плохо прятались и не поймали, надо самим идти, что тут думать.

Внезапно Грей услышал клёкот хисса, поразился, неужели тот приполз бесшумно и напал? Он напрягся, впрочем, ненадолго, подумал, что одного хисса самцы громовыми палками легко уделают, он медленный, хоть и может насмерть грызнуть, если проворонишь. И даже если не насмерть грызёт, всё равно скверно — поганые слюни.

Потом среди монотонного писка запретного входа и гомона птичьих голосов двуногих услышал сулицу, даже двух, и они не боялись. «Буду снова биться здесь», — понял Грей, и на этот раз не ошибся. Он слышал далёкий гомон множества двуногих и звуки чужих битв. Он слышал, как одна сулица заела вторую, а после них шаург заел хисса. Почему эти разные звери оказались вместе с Греем в одном логове?

— Ты наконец-то поведёшь меня пред нос и очи Матриарха? — спросил он.

Мать не умела говорить и ответила чушь, вроде «речка камень проползи». Но зато подарила самое ценное — ласку, а в её птичьем голосе Грей слышал надежду и нежность.

«Я буду терпелив, — подумал Грей, — внимателен, и скоро всё узнаю...»

Мать села на лежбище, а он устроился рядом с её тёплым боком, изнывая в предвкушении боя. Голод царил в его животе, голод царил и в сердце, особенный, неутолимый голод, от которого короткий прыжок до благодатной ярости, о-о-о, как она сладка, когда бьётся в сердце муста! Ещё бы с Матерью в битве слиться.

Наконец, открыли вход, и двуногий самец с болезнью глотки повёл их, как Грей и ожидал, в логово для притравки молодняка, непривычно шумное, яркое и крикливое. Кто угодно бы оглох в этом шуме, он едва услышал и разобрал голос врага. А затем враг завопил так яростно, что каждая шерстинка на шкуре Грея встала дыбом.

Это была киарра, крупная самка, молодая и сильная, опасный быстрый враг с невкусным мясом и яростный боец. Киарры жили семьями подобно мустам, только меньшими. В слиянии от них отбиться можно, но один на один? А если киарр — две?

— Лаской твоею! — сказал Грей, но Мать не ответила и не дотронулась носом.

Она была одна, взвинченная до слюней. А Грей был не один, а с Матерью. Двуногий, державший киарру отпустил её, едва Мать переступила соты, та не ожидала, может не знала, что надо смотреть внимательно. Зато Грей знал, с самого первого момента, как услышал вражескую песню, ждал и не боялся. Он запел в ответ, чувствуя, как из голода, будто из бутона, расцветает благодатная ярость, и встретил врага как мог.

На неё неслось чудовище размером больше ксеноволка, с длинными передними, короткими задними лапами и куцым огрызком на заднице. С огромными шрамами башка была размером едва ли не в треть её тела. Мощную шею покрывали длинные слюнявые потёки, глазки налились кровью. Кажется, эта тварь могла проглотить Серого если не целиком, то в два укуса! Поражённая Лана не успела ничего понять, как зверь закричал тем

тонким голосом, который появлялся у него лишь в моменты боя, оттолкнулся от её живота и прыгнул навстречу, балансируя хвостом.

Она обернулась к Шульге, взглядом спрашивая — как так? Алексей развёл руками, мол, как-то так, и снова склонился к соседу в костюме. Видимо, в гости пожаловал кто-то важный и полезный. Зрители вопили. Среди них оказалось много прилично одетых и стриженных, немало явилось и дам. Раньше Лана с любопытством поразглядывала бы их наряды и янтарные украшения, но сейчас ей было не до разодетых азартных сучек.

Серый бросился чудищу в ноги, укусил, отскочил, но недостаточно быстро, и сам получил скользкий укус в холку. Вдоль костяного гребня на серой шкуре заалел порез, к счастью, зверь словно не чувствовал боли. Противники пошпи по кругу, выжидая, готовясь к новому удару, ведь в первый раз никто не захватил другого. Серый сделал обманный выпад, отскочил, уродливое чудище вёртко и правильно увернулось.

— Ату-у-у, девочка моя-а-а!!! — заорал Клайд, блондинчик с залысинами, в костюме с пёстрым галстуком и дурацких белых штиблетах, с фетровой шляпой на затылке, словно прыгнувший с широкого экрана.

Лана его сразу возненавидела.

Как пушечное ядро Бонни ринулась вперёд. Серый прыгнул вверх, но Бонни в прыжке схватила его за лапу и трянула, ударив об пол. Лана ахнула. Всё?! Нет. Её зверь извернулся длинным телом, как змея, острым хребтом полоснул Бонни по глазам, та на миг ослабила хватку, и он снова отскочил, прихрамывая. Вспрыгнул на сетку и повис, зацепившись хвостом.

— Ату! Давай! — вопил Клайд и бил себя по коленям.

Бонни снова швырнула на Серого всю свою массивную тушу, но он резко оттолкнулся, поднырнул под её мордой и брюхом, и выскочил с другой стороны — теперь его морда была в крови, а из Бонни брызнуло, она была ранена, хоть и полна сил по прежнему.

Сердце колотилось как бешеное, шум трибун стал далёким. Сжимая кулаки, Лана наклонилась вперёд и заорала во всю мочь лёгких:

— Ррработай, Серрый! РРРРРВИ-И-И!!!

Два тела, могучее, мускулистое, и маленькое, вёрткое, схлестнулись и пошёл замес. Бонни вцепилась изворотливому зверю в хвост и сделала хватку, острые костяные шипы сломались в её рту, но тот дотянулся до мягкого, раненого брюха и вгрызся в него со всей лютью. Бонни взвыла и закружилась, не отпуская хватки, трянула башкой так, что в Сером что-то хрустнуло, но он продолжал работать в её страшной ране и она не выдержала — бросила. Тогда отскочил и Серый, теперь раненый трижды. Передняя лапа у него висела, как и хвост, но в глазах по-прежнему плескалась чернота, пасть скалилась, он был весь в крови Бонни, а у той из распоротого брюха провисла петля кишечника.

Клайд сорвал с башки шляпу и в бессильной ярости впился в неё зубами.

— Куси его, детка! — едва не плача, крикнул он.

— Рррви её, мальчик, добивай! — вне себя выкрикнула Лана.

На трёх ногах Серый пошёл вперёд. Поливая арену кровью, Бонни мчалась на него, во всю ширь распялив огромную пасть. Зверь и не думал уворачиваться. Молниеносным прыжком, вытянувшись в струну, он вошёл прямиком в эту разъявленную пасть и впился в горло изнутри. Бони с разгону врезалась грудью в сетку, тяжело завалилась на бок и задёргала лапами.

Зверь вылез из дыры в её животе, и больше он не был серым. Трибуны взорвались воем,

визгом, свистом и аплодисментами. Зверь стоял, пошатываясь, над телом огромного поверженного врага. Клайд упал на колени, кажется, он плакал. Стараясь не скользить в крови, Лана подбежала к своему раненому питомцу и взяла на руки, горячего и липкого.

— Дамы и господа! — закричал конференсье. — Ублюдки и проститутки! Кровососы, членососы и человеческие отбросы! Перед вами победители! Это Кра-асавица и её Чу-удовище-е-е!!!

Из динамиков грянула музыка. Кто-то бросил на сцену янтарное кольцо, ещё кто-то — пачку денег.

— Красавица, пойдём на кофе? — прижавшись к сетке, выкрикнул какой-то господин, а может и ублюдок.

— Красавица, продай мозгоеда! Хорошие деньги дам! — несло с другой стороны.

Вся в крови, Лана прижимала к полуобнажённой груди и плечам тяжело дышащего Серого и сама, едва дыша, оглядывалась по сторонам. Вдруг Клайд выкрикнул:

— Эй!

Лана обернулась. В его руке был пистолет, и целился он в них с Серым.

— Сдохни, сука! — завопил Клайд. — Я все деньги потерял!!!

Хлопнул выстрел и она вздрогнула всем телом. Клайд выронил пистолет, мягко лёг на арену лицом вниз, да так и остался. Кровожадный зал снова взорвался овациями. Лана оглянулась — Шульга подмигнул и спрятал ствол в карман широкой куртки от кутюр. Господин рядом с ним хлопал, одобрительно улыбаясь.

Глава 33. Лана

Костюм Белль казался безнадежно испорченным кровавыми брызгами, потёками и, кажется, дерьмом. Лана раздумывала, выбросить платье, или всё же постирать, но Валентина сказала, что замочит его с таким хорошим пятновыводителем, что платье станет как новое, а дырку на подоле можно зашить, либо замаскировать тесьмой, ничего не потеряно.

— Крутая у тебя тварь, — с уважением сказала Валентина, держа наготове полотенце.

Лана аккуратно мыла Серого в большом тазу. Тот покосился янтарно-жёлтым глазом на неё, Капельку и Валентину, пришедшую помогать, и что-то коротко пояснил: к-к-ке. Хвост был сломан, но лапа цела, хоть и порвана до кости, как и шкура на спине. Оставалось уповать на быструю регенерацию, о которой говорила Марья Ивановна.

Промокнув Серого, она аккуратно покрыла мазью с антибиотиком раны и заклеила пластырем, который зверь, разумеется, позже сорвёт. К хвосту Лана примотала импровизированную шину, зафиксировала от середины спины и до кончика, стараясь выпрямить те сломанные отростки, которые могли ещё срастись. Валентина принесла тёплого молока, натурального, а не синтезированного, выдоенного из самой настоящей овцы, живущей в огороженном сарае за складом и днём пасущейся на привязи. Лана напоила Серого через шприц. Выражение морды сразу стало самым умильным, молоку он всегда радовался, и Лана давала ему после боёв.

Заглянул Шульга, лучащийся радостью, пахнувший духами и алкоголем, видно успел выпить со своим важным гостем.

— Ну, малая, это было шоу, поздравляю с победой, — сказал он. — Вы оба — выше всех похвал. Ты забыла собрать чаевые.

Он положил на столик кровавые деньги и несколько янтарных украшений, наверное те, что бросали на арену, потому что несколько купюр и в самом деле были испачканы кровью.

— Ты обещал подбирать нормальных противников, — с упрёком сказала Лана.

— Я и подобрал, — он пожал плечами. — Твой же победил? Ну вот. Подняли мы нормально, уж поверь, все ставили на Бонни. Молодец, что не зассала на арене, люблю смелых. А додик сам на пулю нарвался.

— Дядя Лёша, вот твоё украшение, — сказала Капелька, протягивая ожерелье, с которым она весь вечер развлекалась, разглядывая бусины.

— Оставь себе, раклы, — с тёплой улыбкой ответил Шульга. — Ты в них такая же красавица, как и твоя мамочка.

— Это слишком дорогой подарок для ребёнка, — неуверенно произнесла Лана, глядя на ликующую дочь.

Любой подарок нужно было как-то отдаривать.

— Ой, перестань, — Алексей отмахнулся. — Моя бабушка была цыганкой...

— На картах гадала?

— И на картах тоже. Знаешь, почему цыганские женщины до сих пор носят все свои украшения сразу?

Он погладил Серого пальцем по лбу и тот стойко перенёс неприятную для него ласку чужого человека, разве что нос малость сморщил.

— Почему же?

— На непредвиденный случай. Цыган в любой момент может выпереть надоевшую бабу с её детьми и взять себе новую, молодую, вот она и носит всё движимое имущество, чтоб не остаться голяка в случае чего.

— Собрался меня прогнать отсюда? — Лана невесело усмехнулась. — А документы мои готовы?

— Ты что?! — возмутился Шульга. — Да я за тебя любого порву не хуже твоей скотинки. Готовятся, не нервничай. Просто формируем обещанную финансовую подушку. Сейчас своих уложишь и выходи во двор, гульнём колыбой.

— Вот совсем мне гулять не хочется, — Лана помотала головой.

— А мне хочется! — Алексей потянулся и коротко сплясал. — А когда мне хочется гулять, то гуляют все. Чтоб через час была, такую победу да не обмыть — самая плохая примета. И закуски пропадут.

— А можно мне с вами? — жадно спросила Капелька.

— Конечно, раклы! Идём, мама догонит.

— Ты кушать хочешь? — нервно спросила Лана.

— Нет, баба Лиза вечно кормит.

— Так зачем туда идти?

— Потому что все идут, там музыка, а я всегда то с Серым, то с бабой Лизой.

— Нормас, не ссы, всё будет прилично, — пообещал Шульга и увёл Капельку.

Она немного повозилась со зверем, покормила его с рук маленькими кусочками мяса, но ел он плохо, пришлось оставить на утро.

— Ты молодец, — сказала, целуя вытянутую морду, торчащую из мягкого голубого полотенца. — Ты боец, герой. Спи и выздоравливай, а я пойду, гляну, что там.

Во дворе стояла пара столов, уставленных остатками снеди, крохотные канапе свалили в общие тарелки, нежнейшие старые сыры и нарезку, разумеется, собственного производства, в другие, не совсем уже свежие фрукты просто сложили горками. Початых бутылок Лана насчитала с десяток. Рядом грелся мангал с мясом на решётке. Особо тревожиться и не стоило, ничего плохого не произошло, не считая того, что все женщины оказались сильно поддатыми, каждая на свой лад.

Саломэ втыкала, почёсывая морду, рядом с ней сидел такой же кавалер. Катерина, кажется, сегодня пила, потому что обнималась со всеми подряд и смеялась над шутками охотников неестественно громко, как и Валентина. Один охотник уже спал, двое резались в карты. Повариха с красным лицом глупо улыбалась, глядя, как Шульга танцует с Капелькой под нечто старое, с трудноуловимым ритмом. Кажется, пока Лана возилась, он успел навернуть ещё.

Лану встретили аплодисментами, словно на ринг вернулась. Она самую малость выпила для приличия и сразу увела упирающуюся дочку. Помыла, расчесала, рассказала сказку и дождалась, пока уснёт, затем, крадучись, пошла на пищеблок, потому что есть хотелось ужасно. Приходилось осторожничать, чтоб её не заметили шумные гуляки под окном, не потащили к себе, и она тихо шуршала пакетами в шкафчиках. Тем временем музыка снаружи затихла и Катерина запела:

— Ой я верю-у, грех имею-у,
Быть в аду Маричке,
Раз давала целовать всем

Румяное личко!

Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай-на,

Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай!

Голос у неё был прекрасным, глубоким и сильным, а быстрый припев обитатели колыбы подхватывали хором, кто-то посвистывал, удачно попадая в ноты, и Лана, отыскавшая пачку печенья, решила послушать. Даже окно приоткрыла самую малость.

— Скажут люди-и, что осудят,

Что будут судить... — выводила Катерина, -

Вот бы мне да присудили

Всех парней любить!

Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай-на,

Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай!

Наверное, это была любимая Катина песня. «Словно про неё сама писанная», — думала Лана с улыбкой, притопывая ногой и хрустя печеньем, когда включили свет.

— Ага, — сказал Алексей с тарелкой и бутылкой в руках, — с простым рабочим людом посидеть брезгуешь, в гордом одиночестве печеньку точишь, хотя там хавчика хоть жопой жуй. Пожри горячего, я барбекю принёс.

— Полюбила б Николая,

Фёдора, Стефана, — распевала за окном Катерина, -

Петю, Гашека и Яна,

Мишку и Ивана!

А вот если б повезло

Лёшика словить,

Я парням бы перестала

Головы крутить!

Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай-на,

Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай!!!

Рубашка Шульги была расстёгнута, в подмышках темнели пятна пота, на груди, густо поросшей кудрявой порослью, висел крупный янтарный крест с застывшей внутри мухой, и он уселся так близко, что пришлось отодвинуться.

— За нашу победу, — сказал он, разливая бренди по стаканам. — Хочу сегодня в хлам ужраться.

Скольконулись и выпили.

— Я не поблагодарила, — с неловкостью вспомнила Лана. — Если бы не ты, лежать бы мне с простреленным плечом как минимум.

— А я не извинился, что некрасиво с этим Клайдом вышло. Кто же знал, что он психопатом окажется? — Шульга широко улыбнулся, кажется, на самом деле он считал, что всё вышло прекрасно. — Так давай ты не будешь благодарить, а я извиняться!

— Откуда у тебя шрам? — спросила Лана, пережёвывая горячее пряное мясо, мягкое и сочное.

— Ему сто лет в обед, — Шульга пожал плечами. — Я ссыкуном ещё был, с батей покойным охотился. Подстрелил своего первого саблезуба, но не насмерть, он в прыжке мне рожу разворотил, и как следует подмял под брюхо. Моё счастье, что нож всегда носил в голенище, а то не сидели б мы с тобой, не выпивали за твоего красавца, чудовище.

Он подлил в оба стакана и по-свойски украл кусок мяса с тарелки.

— Чего это я чудовище? — осведомилась Лана.

— Только чудовище и способно людей в мусоросжигателе сжигать. Хищница...

— Альтернативы не было, — Лана пожалала плечами. — Нечего было вламываться.

— Да я шучу! Жалеть там не о ком.

Шульга расхохотался так весело, что Лана заразилась и тоже стала смеяться, хотя ничего смешного сказано не было, а когда приобнял за плечи, не отстранилась, а посмотрела в чёрные глаза. За окном хором тянули новую песню.

— Гей, риги-риги-дай, риги-риги-дай-на, — сказал Шульга задумчиво, взял Лану двумя руками за голову и поцеловал так крепко и жадно, будто был голодным и собирался съесть. Она испугалась и упёрлась ладошками ему в грудь, но отстраниться и сжать губы никак не получалось, и некоторое время она ждала, пока поцелуй иссякнет.

Затем он отстранился и с любопытством посмотрел, какое впечатление оказано. Смущённая Лана не ожидала такой экспрессии и непременно ретировалась бы с позором и огромным облегчением от того, что спаслась, если бы он не держал её за руки.

— У меня месячные, — сказала она.

— Свободные? — Шульга ухмыльнулся. — Снова лжёшь, красавица!

Порою в фильме у какой-нибудь героини в сложные моменты случались головокружения, и Лана не верила актрисам, но вдруг почувствовала, что всё вокруг пришло в движение, а в пальцах покалывало, будто они замёрзли, хотя их сжимали горячие, чуть шершавые большие ладони.

— Простые, человеческие, честно, — ответила Лана с неловкостью и надеждой, что уж сейчас-то всё закончится, тогда она немедленно вернётся в свою комнату, снимет неудобную одежду, съест снотворную таблетку, раздобытую у Валентины, и ляжет спать с Капелькой и зверем, а перед сном посмотрит фильм или даже почитает, чтоб прийти в себя.

Но Алексей и не думал её отпускать.

— Да похуй, — сказал он, кладя руку ей на затылок, и потянул к себе с фатальной определённойностью.

— Негигиенично...

— Плевать.

— Ты с ума со... — не успела сказать Лана — оборвал колючими, горячими губами и жадным языком.

И её закружило на той тошнотворной карусели из страха, азарта и похоти, что стара, как мир.

Глава 34. Павор

Лишь недавно, когда сотрудники стали коситься, Павор думал, что невероятно унижен. Не-е-ет, то были цветочки, ягодки созрели теперь, и были они горьки, как полынь, и жалили, как скорпионы. Порой он думал, что лучше бы сразу дал твари развод, чёрт с ней, брал бы дочь на выходные и даже платил бы им за съёмное жильё, расходов вышло бы меньше, как и нервов, и позора. А потом понимал, что не-е-ет, так не отыграться, не отомстить, не получить удовольствия от торжества справедливости...

Яйцеголовый всё носил ему скверного качества видеоролики с ксенобоёв, снятые на пуговицу — какой-то мерзавец сидел у него на крючке и оказывал услуги. После первого шока Павора поразило другое: он никогда бы не подумал, что Светлана может быть такой экстравагантной и, чёрт побери, привлекательной. Ей шёл и вульгарный жёлтый наряд с едва прикрытой грудью, и пышная причёска с розой, и та ярость, с которой она кричала на арене. Дома Павор пересматривал один из роликов и понял, что, пожалуй, соскучился за Светланой, потому что у него встал член.

Яйцеголовый уговорил его не торопиться, не строчить жалобы, а понаблюдать. Его человек обещал разузнать всё как следует, а уж он, в свою очередь, информацией непременно поделится.

— Вы поймите, Павор Игнатьевич, — пояснял он, — ну заявим мы сейчас в полицию и соцопеку, так Шульгу заранее предупредят свои люди и он ваших женщин перепречет. Светлана с её ксенозверем, как я понимаю, его основной актив.

— Сколько он поднимает на боях? — спросил Павор.

— Не меньше двухсот тысяч общих единиц за бой. Билеты недёшевы, плюс ставки.

— Конечно этот ублюдок вернул задаток! — фыркнул Павор и задумался.

Если бесполезная и бессмысленная его баба, единственным настоящим и доказанным достоинством которой было наличие пизды, стала активом, чтобы выцарапать её — придётся потрудиться. Потому что пёзд много, а лишних активов не бывает. Надо сделать так, чтоб финансовый интерес браконьера растворился, как туман, а для этого нужна информация. И он смиренно ждал, даже не особо прибухивая. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеются.

В воскресенье яйцеголовый принёс новые сплетни. Он и в самом деле оказался не просто адвокатишкой, а на все руки мастером, блестящим, не слишком совестливым решалой, который не зря проедал свои большие деньги.

— Нашёл выход на одну дамочку из местных обитателей охотничей колыбы, — сказал он, уже по-свойски явившись к Павору домой.

Приземистая, немолодая домработница накрыла на веранде маленький стол. Прошлась перед ними с подносом снеди, показательно серая и безликая, прекрасный живой пылесос, который специально выбирают для максимально серьёзного имиджа. Павор нанял её два месяца назад и до сих пор очень радовался, потому что первое время после бегства неблагодарной, невоспитанной жёнушки никак не мог приспособиться вести быт, однажды даже пошёл на работу в несвежей рубашке, хотя терпеть не мог дважды надевать ношеное прежде.

— Так вот, — сказал яйцеголовый, когда они остались вдвоём. — По имеющимся

сведениям ваша экс-супруга уже не просто бизнес-вложение, а новая любовница Шульги. Тот всё чаще остаётся ночевать в своём охотничьем хозяйстве, и женщины подмечают между ними, понимаете? Симпатию. Янтарём бросаться стал, обхаживает, обещает сделать новые документы, но не спешит...

Павор даже не думал, что такая простая, ожидаемая и естественная новость, как закономерное появление любовника, настолько взбесит. Его бросило в пот, в висках застучало, на секунду он оглох от шума в ушах, и лишь спустя какое-то время снова услышал, как шуршит в траве ветер и звенят воробушки в разросшемся вокруг веранды винограде. Чёртовы птички небесные, что не сеют, не жнут, а жрут и обсырают двор. Конечно же браконьеришка, этот мерзавец, не мог не сунуть хер в свободную дыру. С каким наслаждением он убил бы обоих... На столе стоял графинчик с водкой, Павор выпил рюмку и засосал лимоном.

— А если стукануть его жене? — смог произнести наконец.

— Она привычна. Это что, первая любовница? Жена Шульги сидит на жопе ровно, улыбается и машет, потому что при разводе получит только то, что сам Шульга ей соизволит дать. Ну, увлёкся мужик, подумает. Остынет — сам вернётся.

— Если Светлана станет бесполезна, он её мигом выставит, — произнёс Павор. — А полезна она не сама по себе, а из-за ксенотвари, как там её...

— Мозгоед.

— Отравить — не вариант?

— У меня предложение получше, — ухмыльнулся яйцеголовый.

Он поманил Павора длинным пальцем и тот склонился к его наручному компу.

На экране шла кровавая драма: обычный пёс, беспородный уличный шаврик, бросался на парня в тройном защитном комбезе с электропилой. Постепенно и методично жестокий парень превратил агрессивную тварь в шевелящийся обрубок, но обрубок всё равно полз в бой, пытаясь напасть и укусить. Более того — отрубленные лапы шевелились!

— Это что за чертовщина?! — поразился Павор. — Что за дичь?!

— Никакой чертовщины, всего лишь ксеногрибок. Опаснейшая дрянь, найденная в проекции японского Хоккайдо. Эта собака давным давно мертва.

— Да как же, если вот кидалась?

— Слыхали о муравье-зомби, у которого из головы растёт гриб, поражающий нервную систему и заставляющий двигаться даже после гибели носителя? Этот — подобный, только паразитирует на теплокровных. И бродит мёртвое животное, агрессивное и тупое, вычихивает споры. Натуральный зомбак. Хорошо, что оно на острове локализовано, там сейчас Ручей закрыл все нулевые точки, но кое-кто грибком разжился, могу попробовать достать.

Идея была смелой, даже слишком смелой и рискованной для осторожного Павора.

— Так и людям заразиться можно, — сомневался он.

— Мы все привиты от флоры, прививочка-то, Глобал, работает, проверено, — яйцеголовый криво ухмыльнулся. — А вот мозгоед однозначно непривитый...

— И когда он сдохнет? — подумав, спросил Павор. — Сколько ждать?

— На арене и сдохнет. Потому что противника, заражённого грибком, убить невозможно. Он уже мёртв. И вечно жив. Нам достаточно купить ксенозверя, заразить грибком и выставить на бои.

Перед Павором забрезжил свет в конце туннеля. Да, этот человек был настоящей

находкой.

— Виктор, можно личный вопрос? — не сдержался он.

— Смотря в какой степени личный, — яйцеголовый улыбнулся.

Павор разлил в высокие рюмки холодную, как лёд, водочку, пододвинул блюдце с икрой и лимончик.

— То, что вы делаете, уже давно выходит за рамки действий адвоката, — произнёс он. — Суд мы выиграли, вы вольны послать меня на все четыре стороны, однако, продолжаете со мной... Сотрудничать. В весьма нестандартном формате.

Яйцеголовый рассмеялся. Зубы у него были жёлтыми и редкими. Хищные зубы правильного и очень полезного человека.

— Ну, в этом нет секрета, — сказал неторопливо. — В бытность мою опером я раскрыл все дела. Не все, конечно, согласно букве закона, но все раскрыл. Понимаете? А вышел в отставку и погрузился в бракоразводную трясину. Мне попросту скучно, нерва нет, размаха. И вдруг вы с такой занятой проблемой. Нравится мне, Павор Игнатъевич, пройтись по лезвию.

— А мне всё больше нравитесь вы, Виктор. Знаете, я очень рад знакомству. В самом деле рад.

— Взаимно!

Павор снова разлил водку. Они скользнулись, выпили, закусили икришкой и помолчали, глядя на багряный закат.

— Кажется, я оказался на вершине, с которой виден конец моих проблем, — со вздохом облегчения произнёс Павор.

— А вот с большими надеждами поосторожнее. Сон, в котором вы видите, что оказались на вершине горы... Это сон от которого не пробуждаются.

Глава 35. Лана

Поначалу Лана думала, что попала на одноразовую гормональную акцию, но вскоре выяснила, что взяла абонемент.

В постели Алексей оказался разным, бывал то грубым, как скотина, то ласково мурчащим, словно большой кот, то дурашливо-романтичным, подобно павлину перед павой, но требовательным, совершенно небрезгливым и неизменно темпераментным. Половая жизнь не особо радовала Лану разнообразием, включая студенческие отношеньки да тучного Павора с одышкой. Как оказалось, хорошего скакового коня у неё никогда и не было.

— Я просто ебаться люблю, — пояснил однажды, когда они, потные, будто после марафона, лежали в его кабинете на диванчике, узком, тесном и неудобном для марафонов. Впрочем, в колыбе уютных мест и не было из-за массы обитателей.

— Фу, как некрасиво.

— Ну ладно, мне нравится секс, а хороший секс — ещё больше.

— А мой секс — хороший?

— Был бы плохим, я бы с горя ебал Валентину. А чо, потянет под сто грамм. Не?

Лана стукнула его локтем в сухой поджарый бок и с возмущением стала бить кулачками в грудь, тогда Алексей, смеясь, поймал руки, заложил за голову, без спросу закинул её ноги себе на плечи и снова трахнул. Невзирая на некоторое возмущение таким невежливым поведением, она второй раз кончила. Потом угрелись и задремали. Проснулась Лана «до будильника», то есть под утро, с панической мыслью — как там Капелька, и что она за мать такая, что бросила их со зверем на всю ночь.

— Лёш, я пойду, — сказала ему на ухо, на ощупь отыскивая одежду.

— Стоять, — пробормотал любовник, открывая левый глаз. — Куда это ты собралась?

И схватил за голеностоп.

— Я больше не хочу, — возразила Лана. — Мне столько не надо.

— Она была до краев полна светом, но за ней была её тень — зубастая, лохматая, безумная. А мне надо, моя Госпожа Тысячи Печалей. Встань. Покажи, какая ты красивая...

Час спустя, когда Лана, улыбаясь обкусанными губами, тайком возвращалась к себе с тапочками в руках, в пищеблоке уже возилась Валентина, пыталась реанимировать пылесос-автомат, который намеренно издох, сожрав какую-то металлическую гадость.

— Думаешь, бога за бороду поймала? — спросила та негромко, орудуя отвёрткой.

— Что? — Лана остановилась и заглянула в приоткрытую дверь.

— Ничего, — фыркнула зэчка. — Таких, как ты, у него вагон с тележкой.

Лана поняла, что у них с Шульгой тоже случался секс, и ей стало противно. "Надо с этим завязывать, — думала она, — человек в любом случае женат..." Но непроизвольно ждала вечера, когда Алексей либо уходил через фабричную нулевую, либо оставался ночевать в кабинете. А оставался он часто, и в эти дни под любыми предложениями заманивал Лану к себе либо тупо шкрёбся пальцем в дверь, как Серый, просящийся на ночь в спальню. Приходилось его впускать, и тогда всё повторялось, только в тихом режиме: тс-с-с... Она тревожилась, что Серый станет ревновать, но тот как ни в чём не бывало с любопытством наблюдал с кровати за их любовными играми в углу, на коврике.

От сложного боя с Бонни он отошёл примерно за неделю. Сперва содрал лейкопластырь, обнажив неплохо поджившие раны, но импровизированную шину худо-

бедно терпел, затем изгрыз бинты и от шины избавился тоже.

— Кривым останешься, дурашка! — уговаривала его Лана, пытаясь вновь наложить шину, потом плюнула — всё равно сорвёт.

Не остался. Наоборот, словно окреп. Сломанный хвост сросся неестественно быстро, хотя несколько отростков попросту отвалились, как сухие листья. Ел зверь прекрасно — с каждой добычи Лана брала для него в разделочной куски трепещущей кровавой плоти. Любишь печень? Малыш, она твоя. А вот и сахарная кость, нянчись, только под комод больше не заталкивай.

Лана больше не боялась ринга, ведь мозгоед побеждал любого ксенозверя, хотя теперь противники попадались серьёзные, и он получал ранения, отчего морда, шея, грудь и бока зверя покрылись шрамами. С каждым боем он приобретал новый опыт и осваивал новые приёмы, которые, очевидно, запоминал, а после использовал в новых боях. Порой Лане казалось, что зверь чертовски умён. Всякий раз она выходила на арену всё спокойнее, уверенная в себе и в нём. Тем временем, в ящике комода собралась "подушка" — янтарные побрякушки и три зарплаты зрителя. Вытянуть бы документы и убраться куда подальше. Но как быть с Серым? Его в мир не возьмёшь. И Лана жила, как живётся.

— Почему ты не поставишь вокруг двора забор под напряжением? — спросила она Шульгу однажды, выгуливая зверя на шлее.

— Был стандартный, когда я фабрику купил, так мы сняли.

— А зачем?

— Кто из парней с вырубки придёт, кто из лесу пешком притащится, от озера, добычу разными дорогами везут, — пояснил он. — Если рогача в поле взяли, так что им, объезжать? А если ранен кто и срочно капсула нужна?

Серый подпрыгнул, зацепился хвостом за ручку внедорожника и повис, обнюхивая кузов. Шульга рассмеялся:

— Чует, что в этой тачке с утра корову привезли!

— Ко мне на станцию однажды здоровенная змея заползла, — заметила Лана.

— Твой красавец её, конечно, уделал.

— Наоборот, чуть не погиб. Я сама её лопатой зарубила. С пожарного щитка.

— Не ссы, у нас капканы по периметру. Потому и прошу чемпиона со шлеи не отпускать. Кстати, в субботу бой.

— Рано! — возмутилась Лана.

— Он в полной норме. На бой приедет жена, хочет посмотреть чемпиона и с тобой познакомиться..

Сразу стало тревожно и как-то неловко.

— Ну и как мне на неё смотреть? — угрюмо спросила она. — Зачем ей со мной знакомиться?

— Да запросто, смотришь, а сама думаешь — а я с твоим мужем спала! А-ха-ха!!! — Шульга приобнял её за талию.

— Иди к чёрту, — Лана сердито стряхнула его руку.

Серый как раз сделал свои дела, и она повела его в колыбу. Поиграет в комнате.

"Нет, надо с этим заканчивать" — в который раз подумала с досадой. Но, как на зло, дело затягивалось, проблема была не только в отсутствии обещанных документов. Лана, кажется, запала. Потому что теперь непроизвольно искала Алексея взглядом везде, где была сама, даже если знала, что его в колыбе нет.

Какие только идиоты не выходили на ринг. Однажды попался Осёл с ручным своим Шреком, зелёным и толстым зверем с тонкими ушками. В родне у Шрека, кажется, были крокодилы с черепахами, спину и бока покрывали роговые пластины, выглядел он солидно, но подвижности не доставало. Лане стало жаль хозяина с первой минуты. И оттого, что симпатичный, по-своему занятый Шрек был обречён, и оттого, что хозяин потел в идиотском аниматорском костюме ослика. Когда бой подошёл к логичному завершению, Ослик снял отстежную голову и заплакал. Внутри оказался молодой толстый парень, ему едва ли исполнилось восемнадцать. Лана не выдержала и обняла Ослика, тот тоже её обнял, уткнулся в сиськи и зарыдал в голосину. От этой сцены зрители растрогались и забросали ринг янтарём, который Лана собрала и отдала толстому парню.

— Купи себе нового зверя, — сказала, — и больше не дури с боями. Знаешь, как бы я хотела никогда в них не участвовать? Но обстоятельства вынуждают.

Ослик кивал, размазывая слёзы по лицу одной рукой, а другой рассовывал по карманам украшения.

В субботу, кроме жены Алексея, на бой явилась идиотка сразу с двумя ксеносвиньями, зубастыми, клыкастыми и невероятно подвижными. Минипигами, как пояснил один из охотников встревоженной Лане. В янтарном мире водились и другие пиги: огромные, свирепые вепри, но тех никто не держал, справиться с ними не представлялось возможным.

До сих пор Лана думала, что в мужской ойкумене ринга она единственная дура в декольтированном платье и с протёкшим сундуком, но оказалось, что даже тут гордиться нечем: нашлась дура похлеще. Женщина на последних сроках беременности подбадривала пигов самым странным образом, стоя на коленях и дико крича. Лана боялась, что на нервной почве та родит прямо на ринге, но, к счастью, обошлось, в финале пришёл мрачный мужик и увёл её под руки. Лана стала собирать янтарь, она хотела попросить охотников догнать беременную и отдать янтарь ей, но, к несчастью, позвал Шульга, вип-ложу которого она весь бой старательно избегала взглядом.

— Красавицы, знакомьтесь, — сказал он и сразу ушёл с очередным каким-то господином.

Лана обомлела.

— Здравствуйте, — сказала затем с самой доброжелательной и естественной улыбкой, на которую способен растерянный человек.

Она впервые видела вблизи такую роскошную женщину. Жена была высокая, с Алексея ростом, изящная и тонкая, с правильными чертами лица и длинными холёными пальцами, белокожая и темноволосая, с элегантно узлом волос на затылке, в прекрасной и очень простой одежде, Лана приблизительно представляла, сколько стоит эта простота. Никаких украшений, никакой вычурности.

— Злата, — сказала жена и пожала окровавленную руку Ланы сухой и холодной ладонью, с любопытством глядя сверху вниз. — А вы Светлана?

— Да.

— Прекрасное платье.

— Спасибо.

— Вы куда сейчас направляетесь?

— Мне нужно зверя помыть, — пояснила Лана, глазами указывая на измотанного минипигами Серого. — Как вам бой?

— Жестоко, я не любитель таких вещей, — жена пожала плечами.

Даже это простое движение наполнилось грацией, Лана поразилась, как можно изменять такой женщине.

— И эта ужасная беременная, я думала, она сейчас родит поросёнка, — с улыбкой добавила Злата.

Обе рассмеялись.

— Вы позволите пойти с вами? Лёша с дядей Митей хотел тет-а-тет поговорить.

— Если вам любопытно — милости прошу, — пришлось ответить.

Лана взяла на руки зверя и обе вышли через арену. В комнате Злата бегло осмотрелась.

— Вы живёте здесь с дочкой и зверьком? Мало места...

— Надеюсь, это временно, — Лана вздохнула. — Так уж получилось.

К купаниям зверь привык, даже стал получать удовольствие, вот и сейчас улёгся кольцом, по форме таза, положив длинную морду Лане на руку, и подставлял под ладонь помятые пигами бока.

— В детстве у меня была Рея, самка саблезуба, — сказала Злата, глядя, как окрашивается вода в тазу. — Такая ласковая. Я её совсем не боялась.

— И что с ней случилось?

— Сдохла от ожирения. Мы неправильно кормили, давали мяса сколько просила, ещё и синтезированного. Мама тогда ужасно плакала, больше ксенозверей мы не держим.

— Грустная история, — согласилась Лана.

— А вы Лёшина любовница? — вслед за тем спросила Злата тем же естественным, доброжелательным тоном без какой-либо паузы или перехода.

— Нет, — ответила Лана слишком быстро.

— Мне в соцсеточку письмо пришло, что любовница, — пояснила Злата. — Вы не волнуйтесь и не подумайте плохого, я совершенно не против.

Лана, не глядя на неё, продолжала смывать с серой шкуры уже подсохшую сверху кровь. Ей хотелось сквозь землю провалиться.

— Понимаете, — продолжала Злата, — любовница — она всегда не только мужа, но и всей семьи. К примеру, мне не нравится заниматься хозяйством, дома для этого есть моя мама, свекровь и домработница, а у детей — интерактивный педагог. Также я больше не хочу с ним спать, но в последнее время для этого никого не находилось.

— Вы не любите мужа? — только и спросила Лана.

— Конечно же люблю, — поспешила уверить её Злата. — Просто я не люблю секс, он мне кажется тупым и скотским занятием, дебильная какая-то трата времени, лучше журнал полистать. Сына и дочку я родила, кажется, вполне достаточно, но Лёшик гиперактивный, как ваш зверёк. Ему всё сразу надо, понимаете? Если у Лёши никого нет, приходится принуждать к исполнению супружеских обязанностей себя. Поэтому я только приветствую женщину, которой эти обязанности могу делегировать.

Лана потрясённо уставилась на неё. Она не могла понять, с чем столкнулась: крайней наивностью или крайним цинизмом такой красивой женщины.

— При условии, что из семьи вы его не уведёте, — добавила Злата. — Потому что детям нужен отец.

— Да я и не собиралась, — пробормотала Лана.

— Давайте подам полотенце. Какой он милый, когда чистый. Можно погладить?

— Ну, попробуйте.

Жена погладила Серого пальцем по лбу. Тот раздражённо зацокал и поднял губу, той

пришлось руку убрать.

— Он платит вам деньги?

— Нет конечно, — Лана потрясла головой.

— Какой жадный, я скажу, чтоб платил. Всякий труд должен быть оплачен, тем более, такой тяжёлый.

Это становилось невыносимо.

— Лучше скажите, чтобы он поскорее сделал документы, — вырвалось у Ланы.

— А вот это мне уже невыгодно, — заметила жена. — Впрочем, раз вы просите, то, разумеется, скажу. Ведь мы с вами в одной лодке — обе делаем Лёшу счастливым. А где у вас здесь можно выпить кофе? Я гипотоник.

Зверь теперь будет спать до утра, пришла пора забрать с пищеблока Капельку.

— Пойдёмте, покажу пищеблок, — со вздохом сказала Лана. — Только переоденусь.

— Надо вас прилично одеть, — заметила Злата, наблюдая, как Лана одевается в домашний мягкий костюм. — У Насти любовница мужа очень прилично одета и ездит на хорошей машине, я не могу быть хуже.

У мамы было трое братьев, а у неё самой — много кузенов и кузин, прекрасно устроенных, потому что один дядя был генеральным директором фармацевтического концерна, второй вертелся в политике, а третий держал сеть ресторанов. Единственную сестру брата обожали, и когда отец Златы погиб в аварии, поделили расходы по их содержанию.

— Женщина не должна работать, — говорила мама. — Она должна, как цветок, создавать вокруг себя атмосферу красоты и радовать ароматом.

И Злата ни в чём не нуждалась, детство у неё было как у всех детей вокруг, с бесконечными поездками и исполнением любых прихотей. Не пойдёшь в универ? Твоё право. Хочешь в школу моделей? Затми всех на подиуме! Однако, когда дети выросли, оказалось, что благ и привилегий у родственников гораздо больше.

— Прихлебалы, — услышала она однажды краем уха на семейном банкете, от тётушки.

Злата словно пощёчину получила и лишь тогда впервые задумалась, кто оплачивает их дом и прихоти.

— Дорогая, ты должна удачно выйти замуж, — всё чаще стала говорить мама, которая сама, тем не менее, отчего-то в повторный брак не стремилась.

Замуж Злата не хотела. Ещё в подростковом возрасте, когда все в элитной школе, несомненно, оплаченной одним из дядей, вдруг начали бредить сексом, она поняла, что к мальчикам её не тянет, хотя те на неё поглядывали.

— Может, ты лесбиянка? — спросила коллежанка, в пятнадцать лет утратившая невинность.

«Может быть» — подумала Злата. Она стала ждать встречи со своей «единственной», но быстро поняла, что любая вероятная её девушка захочет секса, подобно парню. А вот секса Злате не хотелось совсем.

Это был ядерный взрыв в её идеальном внутреннем мире, полном комфорта и тепла, гармонии и света, стихов и музыки. Потому что внешний мир оказался устроен не так, как хотелось. Впрочем, либидо в наличии было, Злата находила его довольно бессмысленным явлением, и если бы потеряла возможность изредка мастурбировать, то ничего ужасного с нею бы не случилось.

Первой несоответствие желаний и действительности заметила мама. Потому что не только «удачный муж» не находился, вообще ни единого парня рядом со своей красавицей-дочерью она не видела. Мама устроила разговор по душам и была шокирована, узнав, что двадцатилетняя дочка-модель всё ещё невинна.

— Ты могла бы сделать блестящую партию со своей внешностью! — поражалась мама. — В кого же ты такая странная? — недоумевала она. — Словно пластиковый фрукт для декора кухни, стоит красиво, да не укусишь.

Злата и сама понимала, что нужен удачный брак. Карьера модели не сложилась, отчасти из-за лени, а отчасти из-за слишком тесной связи модельного бизнеса с отвратительным словом «секс», однако намерено искать богатого мужа казалось чем-то бессмысленным и нелепым. Грубо говоря, Злата лежала на диване и ждала, пока блестящая партия свалится с потолка.

Отчаявшись, мама взяла дело в свои руки.

— У моей лучшей подруги по конному клубу сын развёлся, — сказала однажды. — Ты не хотела бы с ним познакомиться?

— Нет, — ответила Злата, но их с Алексеем всё равно свели, как животных.

— Внешность у него, конечно, специфическая, — объясняла мама, — но с лица воду не пить. На ногах стоит твёрдо, без денег с ним не останешься, а мы с Ксенией давно мечтали, чтоб всегда быть вместе, она такая душенька! Станешь звать её мамой.

Алексей был поражён как красотой Златы, так и прекрасным социальным положением дяди Мити, дяди Саши и дяди Валика. Не успела опомниться, как состоялась роскошная свадьба, моментально поднявшая её на должный уровень в глазах тёток и сестёр. Досталась Злата мужу ортодоксально невинной, что сперва его удивило и даже отчасти обрадовало. Мама продала обвешанный долгами дом, и обе стали жить у него.

А вот секс и в самом деле оказался той ещё мерзостью, хотя достигнуть «пика наслаждения» Злате порой удавалось, что само по себе удивляло, потому что более тупой и скотской возни невозможно было вообразить.

— Всё изменится после рождения ребёнка, — говорили мама со свекровью беременной Злате, когда возвращались из клуба, перед тем, как ехать в благотворительное общество, где благотворили на деньги Алексея.

Злата пережила ужасные роды, но ничего не изменилось, кроме того, что со временем она по-своему привязалась к мужу, ведь тот всегда умел её рассмешить, был щедрым, заботливым и по-своему забавным. Шрам на его лице она перестала замечать, а дети получились совершенно очаровательные, такие же темноглазые и энергичные, как он. Детей Злата полюбила по-настоящему.

Она убеждала себя, что секс говорит о том, что она красива и желанна, но грязной энергии в муже хватило бы на десять Злат. Когда он впервые завёл любовницу, она почувствовала облегчение. Она не понимала, почему мама и свекровь стараются её утешить.

— Погуляет и вернётся, — говорили они, очевидно, ожидая от Златы какой-то особой реакции.

«Со мной что-то не так», — подумала Злата и обратилась к психиатру.

Психиатром оказалась прелестная женщина чуть старше неё, которая, как следует расспросив, развеяла опасения и пояснила, наконец, что происходит.

— Вы редко чувствуете сексуальное возбуждение, — говорила врач. — Для вас важна семья, но не важен секс в отношениях, вы не ревнуете мужа, а долгое воздержание не приносит дискомфорта. Ваше возбуждение легко спугнёт любая мелочь, даже если вы чувствуете приятные эмоции во время секса, вам хотелось бы побыстрее закончить, помыться и забыть. Также вас огорчает всеобщая социальная концентрация вокруг секса.

— Всё так, — согласилась Злата. — Это как-то лечится?

— Вы просто асексуалка, это такая ориентация. Вы здоровы и способны испытывать сексуальное возбуждение в качестве биологической реакции на внешние раздражители, от которых чувствуете потребность избавиться, но без связи с желанием партнёрского секса. Не знали, что такое есть? В городе сообщество имеется, не желаете посетить?

В сообщество ходило восемь женщин и двое мужчин, с ними Злата наконец-то обрела и себя, и настоящих подруг, не задающих глупых вопросов, не ужасающихся, а разделяющих все её проблемы.

— Не повезло тебе, что твой цуккини в сексуальном спектре, — сказала одна из них, Татьяна. — Моему давно ничего не надо, и слава богу.

Словом цуккини здесь называли вторую половинку у тех, что состоял в квір-платонических отношениях, иначе говоря, в крепких отношениях, не соответствующих стандартам общепринятого романтического партнёрства.

— Просто заведите любовницу, — посоветовала другая, Наталья. — Мы сохраним девочку, очень милую, кудрявую, как пуделёк, только глупенькую. Я хотела ей юрфак оплатить, но она сказала, что не вытянет.

— У моего цуккини любовница разведёнка, с ребёнком от первого брака, — поведала третья, Анастасия. — Я подарила ей шубу и куплю вторую, если она вместо меня ему кого-нибудь родит.

Так и повелось, Алексей зарабатывал деньги и дома бывал нечасто, а уж если появлялся, Злата старалась окружить его максимальным комфортом. Мама со свекровью ходили в свои клубы, она — в свой, который Лёша отчего-то ненавидел, словно они делали что-то дурное. Злате льстило, что среди новых подруг она самая красивая, и когда они вчетвером заходили в ресторан, взгляды со всех сторон притягивались именно к ней. С прежней любовницей Лёша расстался, отчего снова пришлось играть неприятную роль. Подруги ей сочувствовали.

Когда Лёша снова перестал ночевать дома и донимать своей неприятной физиологией, она догадалась: ему встретилась новая женщина. Вскоре появилось подтверждение — какой-то аноним написал, что у мужа в иномирном охотничьем имении живёт любовница. Вот смешной человек! Злата воодушевилась, хотя несколько опасалась, что любовница окажется низкого социального происхождения, какой-то несчастной особой из числа тех, которых неприхотливые и небрезгливые мужчины вынуждены скрывать как деликатные финансовые подробности.

Злата настояла на визите в «колыбу», как муж называл своё имение, и любовница ей очень понравилась, как и бойцовый зверь, и маленькая её дочка. Наконец-то Злата станет как все, даже лучше. Она предвкушала зависть на лицах подруг, потому что до сих пор в их компании самая приличная любовница была у Насти, но с эксцентричной и яркой Светланой, дерущейся на ринге, Злата затмит всех. Более того, у той было высшее образование и несчастная история в анамнезе. О да, наконец-то Злате будет, о чём рассказать!

Муж казался встревоженным, сторонний человек, возможно, ничего и не заметил бы, но Злата жила с Алексеем уже семь лет и отлично его изучила, поэтому, пока ехали в машине, не лезла с расспросами, смотрела на дорогу да вела.

— О чём ты говорил с дядей Митей? — спросила будто невзначай.

Из троих братьев мамы игнорировал Лёшу только политик, Александр, Злата была уверена, из чистого снобизма. Остальные двое охотно с ним общались и обменивались услугами разного рода.

— Твоего дядю заинтересовал мозгоед, — ответил муж. — Он спрашивал, как часто дерётся зверь, с какой интенсивностью, и какие повреждения получал в боях.

— Ужасное зрелище эти бои, — заметила Злата. — Совсем не эстетично. Зато она — прелесть.

Алексей фыркнул и уставился в наручный комп — кто-то ему писал, он стал отвечать.

— Ты ведь не делаешь ей документы? — спросила Злата.

— Дорогая, не забивай свою прелестную головку тем, для чего она не предназначена, — спокойно ответил муж.

— Но я не могу оставаться в стороне, — настойчиво пояснила Злата, — меня поразило, как плохо они живут, какая тесная эта твоя «колыба». Неужели нельзя как-то сделать так, чтоб у Ланы с дочерью было приличное жильё?

— Какого хуя ты в это лезешь? — огрызнулся муж, но Злата проигнорировала грубость:

пусть говорит, что угодно, лишь бы сделал так, как нужно ей. — Каким образом, по-твоему, я могу это устроить? Разогнать охотников, или построить для неё персональную колыбу с отдельной нулёвкой?

— Если это очень затратно, я могу найти денег сама, — сказала Злата.

— Я не знаю, сколько это продлится, — раздражённо бросил муж, — понимаешь? Сегодня её зверь дерётся, а завтра ляжет, это неминуемо. Нет никакой гарантии, что крупные затраты отобьются и, пока не пришло это завтра, я хочу поднять бабла сегодня.

— Но ведь ты с ней спишь, — не понимала Злата. — Значит должен обеспечить приличные условия...

Муж помолчал.

— Всякий раз взгляну на тебя — и сердце млеет от совершенства, — неприятным тоном сказал он. — В люди ж выйдешь с тобой — все оглядываются, завидуют, а на деле словно сердца в бабе нет.

— Если бы не было сердца, я бы о ней не тревожилась, — возразила Злата.

Муж лишь рукой махнул. Кажется, он был недоволен ею, ужасно несправедливо недоволен, потому что Злата хотела как лучше и всегда всё делала правильно, как должно. Она ни разу, даже в прежние времена не задолжала модельеру или косметологу, так как знала, что если пользуешься чьими-то услугами, они непременно должны быть оплачены. В том случае, если деньги по каким-то причинам неприемлемы — рассчитаться следует другим образом, каким-то подарком, а в случае этой симпатичной и несчастной женщины — созданием нормальных условий. К счастью, вскоре они подъехали к дому. Бабушка Тоня, в большей степени из одиночества, чем из необходимости живущая в гостевом домике у ограды, открыла ворота и закрыла вслед за ними.

— Если отдать Тоню в пансионат, мы могли бы взять их сюда, к нам домой, — предложила Злата.

— Просто заткнись бога ради, — взмолился муж и выскочил из машины.

Дома Злата поцеловала маму, вторую маму, как она называла свекровь, заглянула к сыну и дочери в детские комнаты, думая о том, что каждая из них больше чем помещение, в котором уютилась эта женщина с её дочкой и бойцовым зверем, затем пошла в кабинет Алексея, чтобы на что-то его вынудить. Она точно знала, что если просить достаточно настойчиво — он уступит.

Муж со стаканом алкоголя сидел за столом, забросив на него ноги, и о чём-то думал.

— Тебе помочь разуться? — доброжелательно спросила Злата.

— Мне не ебать мозги.

— Лёша, — мягко начала она. — Всё должно быть на должном уровне...

Договорить не дал звонок, кто-то позвонил мужу по видеосвязи.

Алексей нажал кнопку приёма, и на экране появилось лицо незнакомого Злате человека с какой-то странно вытянутой, яйцеобразной головой.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал яйцеголовый, показывая редкие зубы. — Вы меня не знаете, но у меня к вам есть предложение, от которого невозможно отказаться.

Муж оглянулся и рукой велел Злате выйти прочь. Что ж, придётся пока посмотреть телешоу с мамами...

Глава 37. Матриарх

Она стала седой, от морды до хвоста, вся покрытая шрамами, со сломанными отростками, и пахла старостью. Рядом с ней стояла старшая Дочь, ровесница Матриарха, воительница и Мать. Скоро она займёт её место. «Я не стану такой, — подумала Матриарх, глядя на главу чужой семьи, — однажды погибну в бою с двуногими...»

— Ты слишком стара, чтобы спариваться, — саркастично сказала седая.

— Ащц, Мать Матерей! — она сморщила нос. — Я пришла не к самцам, а к тебе.

— Чего ты хочешь?

— Надо поговорить.

Болотные мусты расселись по кочкам, недоверчиво разглядывая чужачку, пришедшую не поискать самца, а к Матриарху. Среди младших Матерей у входа в логово она увидела ту, что приходила в их семью, спариваться с Редхи. За нею прятались детёныши чуть рыжеватого окраса, один внук и три Внучки, несущие её здоровую кровь. Прекрасно. А вот старого самца, с которым она сама когда-то спаривалась, больше не было.

— Говори, чужачка.

Матриарх села и в знак уважения опустила уши.

— У нас с тобой общие внуки, Мать Матерей, — сказала она. — И хоть мы из разных семей, но все мы мусты.

— Дальше.

— И у нас с тобой общий враг.

— У нас нет общих врагов, — произнесла седая. — Мы очистили болото и свою часть леса, сюда приходит лишь добыча. Твои враги — на твоей земле, чужачка.

— Ты знаешь, что случилось в Мёртвом Лесу?

Мусты завертелись, взволнованно переговариваясь и сплетничая.

— Там все сдохли и земля отравой стала, как и трупы, — кивнула седая. — Наша Мать туда пошла, но вернулась праздною, разведчик подтвердил.

— Это сделали двуногие. Они валили лес с ревущими неживыми зверями и убивали моих родичей громовыми палками. Семья справилась с ними, но пришли другие, с неживыми птицами, и разбросали ядовитую пыль. Вся добыча и все враги погибли, а логово вымерло. Кроме меня, я опоздала к смерти их и своей. Лес не взял меня, река выкормила, дети в чреве росли. И я поклялась отомстить.

— Это твоя месть, — заметила седая.

— Ащц!!! Они придут и сюда, — она тряхнула головой. — Они приносят смерть всему живому, творят мёртвое болото, а в нём ищут каменный сок и увозят. Они убивают нашу добычу, наших врагов, всё подряд, и хотят забрать нашу землю.

— К нам дважды приходили двуногие с громовыми палками, — сказала старшая Дочь. — Они ничего не творили, но искали добычу. Первый убил стражей, второй — уже никого. Их кости высохли в осоке, детёныши играют ими.

— Однажды они придут с отравой, трескучками, или с другой неживой мерзостью, осушат твоё болото и поставят собственное логово, потому что желают странного. А их шкуры будут так тверды, что зубы воинов не смогут прокусить их.

— Этому не бывать! — фыркнула седая.

— Я нашла одно логово и выбила, — продолжала Матриарх. — Теперь нашла другое, но двуногих слишком много, как и самцов с громовыми палками. Мне нужна твоя помощь, Мать Матерей, зубы твоих воинов, когти твоих Дочек.

Седая задумалась и застыла, словно камень. Молодёжь переговаривалась, опытные, покрытые шрамами мусты, вздыбив холки, ждали слов своего Матриарха.

— Это твоя война, — сказала седая. — Семья не пойдёт под гром за чужаков, не потеряет Матерей и воинов ради чужой ненависти.

— А ради жизни ваших детёнышей и молодняка? — гневно спросила она. — Ради того лета, когда младшая из твоих внучек по праву займёт твой камень?

— Нас двуногие не трогают. Это твоя месть.

— Ты вспомнишь мои слова, — с голодной и злой горечью сказала Матриарх.

У старшей Дочери от её тона гневно вздыбилась холка. "С этой я б смогла договориться" — отчего-то подумалось, словно вибриссами почувствовала.

— Я услышала тебя, чужачка, — без злобы ответила седая. — Спаривайся, либо уходи.

Глава 38. Мария

Мария с адвокаткой не прекращали искать Светлану. Искали настойчиво, и совершенно безрезультатно. После грандиозного скандала с её побегом и объявлением в розыск, с открытым в полиции делом на саму Марию, та едва смогла остаться на посту зав кафедрой ксенозоо в университете.

Неделю валялась в общественной медкапсуле с гипертонией. К ней приходили студенты, Натали, лаборантка кафедры, и Грэгор. Хвала вселенной за студентов — было кого отправить домой, покормить кошек и симусов, один из которых как обычно разболелся животом и обдрыстал весь двор. А если бы не Грэгор, Мария, пожалуй, рухнула в депрессию.

— Душа моя, ты ведь сама говоришь, что шит порою хеппенс, — утешал он. — Ты ни в чём не виновата.

Но Мария знала, что виновата. Зачем онапустила Лану на станцию? Что мешало поселить её в общественном коттедже, на социалке? Комфорт, детский садик, своя больница, да что угодно! Нет, Марии хотелось, чтоб Светлана немедленно встала на ноги, и вот, пожалуйста, получите и распишитесь... Где теперь Светлана, жива ли вообще? Что с её ребёнком? Рейнджеры нашли лишь следы внедорожника, а затем потеряли. Мария попросту старая дура...

Отчасти от мрачных обстоятельств спасал универ. Она завершила работу с мёртвой самкой мозгоеда, обработала анализы живого, и остро жалела, что взяла недостаточно проб. Но даже с тем, что было в наличии, удалось неплохо поработать. У Марии вышла прекрасная статья в ведущем Scopusе, в связи с чем коллеги выражали вежливое восхищение.

— Староста, кто дежурный? — спросила в конце лекции.

Студенты с шумом стали хватать сумки и быстро рассасываться — дежурить на кафедре ксенозоо означало чистить клетки. А чистить клетки следовало каждый день, иначе появлялся запах. Впрочем, в конце дня запах появлялся несмотря ни на что, даже при включенной системе фильтрации воздуха. Вскоре в аудитории осталось двое: огорчённая всеобщим бегством веснушчатая староста и растерянный парень с оттопыренными ушами.

— Ты дежуришь? — спросила его Мария.

— Мне нб пересдать, — промямлил ушастик.

— Тема?

— Фауна почвенных нематод лесной экосистемы...

— Вот ты клетки и почистишь.

Ушастик вздохнул с видимым облегчением. Кажется, он ничего не выучил. Вдруг запищал внутренний коммуникатор — звонила секретарша ректора, Леночка, сама бывшая студентка, безвылазно, без практики, осевшая в универе.

— Марья Ивановна, шеф просит зайти, — сказала она.

— Ладно, — Мария пожалала плечами. — После пересдачи.

— Сейчас зайти просит, — уточнила Леночка. — Там какие-то люди пришли, — добавила шёпотом.

— Что за люди? — Мария встревожилась.

— Не знаю, — шептала секретарь, — по виду важные, и шеф весь возбудился...

Мария по-настоящему испугалась.

«Соцопека, снова полиция, рейнджеры нашли Лану, нашли трупы, изуродованные

тела...» — тошнотворным хороводом вертелась в мыслях. Она сняла халат, причесала короткие волосы и уже дошла до двери, но передумала и вернулась выпить таблетку от давления, а тогда уже пришлось трижды плевать через левое плечо, потому что возвращаться — плохая примета. В приметы Мария, разумеется, не верила, но в последнее время на её старую глупую голову свалилось столько гадостей, что даже иллюзорная защита от вероятных новых отчасти утешила.

В кабинете ректора пахло духами, лимонным чаем и модным «диким» ксенокофе, исключительно натуральным, продающимся по баснословной цене.

На столе, на серебряном подносе, стояли нетронутые сладости, принесённые Леночкой.

За столом сидели разноцветные господа. Мария с первого взгляда поняла, что это не полиция и не соцопека, потому что господа эти были с сытыми лицами, чистыми руками, элегантными стрижками и в прекрасных костюмах. Именно тот тип людей, к которым сама Мария со времён бунтарской молодости испытывала неприязнь, с их ровным загаром, роскошной одеждой, дорогими аксессуарами и снисходительными улыбками. Ректор пересел из своего высокого кресла на диванчик, а руки сложил на коленях, как делают благовоспитанные дети, хотя ему было за сорок. Вид у него был как у человека, которому необходим стакан воды, одеялко и секретарша Леночка, которая отвела б его в подсобку любой из кафедр, где бы ректор смог спокойно посидеть в тишине и прийти в себя.

— А вот и наша Марья Ивановна! — сказал он испуганно и радостно. — Заходите, присаживайтесь. ЛЕНОЧКА, ЧАЮ!!!

Белый господин с лёгким тропическим загаром, в шерстяном сером костюме, приветливо улыбнулся и кивнул. Чёрный господин в твидовом костюме цвета капучино повернулся и, встав, церемонно поклонился. Кажется, чернокожий был главнее загорелого, от него ректора и заколдобило, потому что глаз с господина в твиде ректор не сводил. Мария настороженно приблизилась.

— Польщён нашим знакомством, — сказал чернокожий господин очень чисто, почти без акцента. — Премного наслышан. Позвольте представиться...

Он протянул визитку, словно костюм из добротного сукна и очки в оправе из платины не являлись удостоверением личности. Мария трижды перечитала её, потому что не верила глазам.

— Профессор Mohammed Bothma, — сказала она, — топ-координатор восточно-европейского сектора системы «Ручей»...

— Дмитрий Сергеевич, — представился второй. — Я представляю фармакологический концерн «Healthy nation».

— Прививка «Глобал», — кивнула Мария. — Хорошая вещь, мы все привиты.

Господа с естественными улыбками и напряжённая Мария пожали друг другу руки и расселись. Этот визит был слишком невероятным, чтобы обернуться чем-нибудь хорошим.

— Нас заинтересовала ваша статья, доктор, — сказал Дмитрий Сергеевич.

— Которая? — уточнила Мария.

— О мозгоедах, *braineater caudatus*.

— А-а, — только и произнесла Мария.

— Адаптивная регенерация с быстрой сменой возможностей, — негромко произнёс господин Bothma. — Что вы скажете об этом?

— То, что писала в статье, — Мария старалась выражаться предельно осторожно. — Чем сильнее встретится противник, чем больше повреждений получит мозгоед, тем большие

возможности для поражения такого противника появятся у него после регенерации. Увеличиваются уровень гормонов, растёт скорость импульсов в нервной системе, соответственно и смелость.

— Поразительно, — с вежливой улыбкой заметил Дмитрий Сергеевич, — эдакое природное нищестанство: то, что нас не убивает, делает нас сильнее...

— А скажите, на основании каких исследований вы сделали такой вывод? — спросил профессор Bothma.

— Биотонические пробы с компьютерной развёрткой, — ответила Мария. — У меня... был доступ к живому мозгоеду. Сейчас, к сожалению, больше нет.

— У «Ручья», к сожалению, тоже, — заметил топ-координатор. — Иначе мы бы вас не тревожили. Должен признаться, я получил полный карт-бланш на его изучение от высшего руководства и собирался заниматься этим, не привлекая вас, доктор. Но возникли кое-какие проблемы. Прежде всего — в ограниченном ореоле обитания, а именно — проекция вашей области в иномирье. Затем — невозможность содержания в неволе. Мы с трудом нашли и отловили одно животное в скалах в тридцати кило. С большим трудом, — профессор подчеркнул голосом слово «большим». — Но оно издохло при всех идеальных условиях, которые мы пытались ему создать. Мы отловили ещё одного — с тем же успехом, ел, пил, спал, сдох через неделю. Животное попросту не живёт в неволе.

"Живёт..." — подумала Мария.

— Для чего «Ручью» живой мозгоед? — спросила она вслух.

— Не только «Ручью», а всему человечеству, — вставил Дмитрий Сергеевич.

Господин Bothma взглянул на Марию долгим взглядом и стал листать наручный комп.

— Это моя жена, — сказал он наконец. — Ваша тёзка, тоже Мария. Её родители были истово верующими людьми, как, несомненно, и ваши.

Он показал фотографию иссохшей чернокожей женщины, чудовищно изуродованной и скорченной в современном инвалидном кресле, подключенном к портативной системе искусственного жизнеобеспечения. Живыми в женщине были только глаза.

— А вот это Мария до аварии...

Он показал фотографию весёлой красавицы, белозубой и жизнерадостной, обеими руками поднимавшей над головой копну кудрявых, иссиня-чёрных волос.

— Вечная жизнь любимого человека в медкапсуле, — с горечью произнёс топ-координатор. — Понимаете? Со всеми перспективами современной науки и со всеми собственными возможностями вылечить её я бессилён. Мы обращались в лучшие больницы «Ручья» и к лучшим докторам. Простите, даже к шаману по настоянию моей матери. Самым позитивным ответом светил медицины было то, что *пока* нет возможностей её вылечить. Самым циничным — совет шамана взять в жёны его внучку.

— Однако, более детально изучив адаптивную регенерацию, — вкрадчиво заметил Дмитрий Сергеевич, — разумеется, с быстрой сменой возможностей, я думаю, мы сможем найти лекарство.

Мария сделала вдох и медленно выдохнула.

— У меня больше нет доступа к живому мозгоеду, — повторила она. — Возможно вы не в курсе, но случился скандал...

— В курсе, — кивнул фарм-воротила, улыбаясь.

— Скандал уладим, — сказал топ-менеджер. — А на работу «Ручей» выделит вашему университету грант. Два миллиона вас устроит? Разумеется, для начала.

Ректор, безмолвно до сих пор сидевший, заметно оживился.

— На меня, вообще-то, открыто дело, — чуть подумав, заметила Мария.

— Закроем, — парировал топ-менеджер. — Ну же, говорите, что ещё?

— Да то, что у меня нет доступа к живому мозгоеду, — ещё раз сказала Мария. — И скандал, и расследование — всё звенья одной цепи. Зверя подобрала и приручила сотрудница нашего ОЗДЖ, которая жила и работала на станции. Я не знаю, как она сделала это, я не знаю, где она сейчас. Потому у меня и неприятности. И где мозгоед не знаю тоже.

— Это не ваша ли беглая сотрудница часом? — спросил Дмитрий Сергеевич, включая наручный комп.

Мария глянула и оторопела. На арене стояла окровавленная Светлана, с вычурной причёской, в откровенном платье, держала на руках окровавленную тварь и, слабо улыбаясь, принимала аплодисменты.

— О боже, что это такое? — только и смогла произнести Мария наконец. — Где это?!

— Это ксенобои, — доброжелательно пояснил Дмитрий Сергеевич. — Тотализатор. А занимается ими мой родственник, муж племянницы. Я обратил внимание, что этот зверь каждую неделю дерётся, калечится, но к следующему бою неизменно приходит в норму.

— Адаптивная регенерация...

— В эту субботу будет новый бой, после него я с хозяином тотализатора и поговорю. Предложим хорошие деньги, он должен согласиться.

«Ну давай, — сказала себе Мария, собирая волю в кулак, — это твой шанс, не проси его...»

— Мне нужны гарантии безопасности для этой женщины, — указывая на Светлану, сказала она. — Развод с мужем-абыюзером, родительские права на ребёнка.

— Элементарно, — кивнул ручейник.

— Но суд ей присудил...

— Дорогая доктор, — мягко перебил фарм-воротила. — Закон — как дышло, как повернул — так вышло. Слыхали поговорку?

— Чего бы вам ещё хотелось? — продолжал допытываться господин Bothma.

— Нет законов защиты иномирья, окружающая среда безжалостно эксплуатируется... — продолжала Мария.

— Что вы скажете о заповеднике на всей территории карантина? — видя её воодушевление, с улыбкой спросил ручейник.

— Мало, дайте больше территории, — потребовала Мария. — Запрет на отлог мозгоедов. Запрет на добычу ископаемых. Постройка биологического исследовательского центра.

— Несомненно, — согласился ручейник. — Обсудим детали?

Час спустя Мария стремительно прошла мимо удивлённой, похожей на курицу лаборантки кафебры микробио и вломилась в кабинет Грэгора, вне себя от возбуждения. Тот оторвался от компьютера, изумлённо посмотрел вверх очков на неё, на бутылку, которую Мария вытащила из-под халата и грохнула на стол, на то, как она, старая корова, кружилась в одиноком танце, пока ногой не наткнулась на столик, и лишь тогда стала смеяться.

— Душа моя, у тебя так блестят глаза, словно кто-то из студентов уговорил тебя отведать капель, — произнёс он, улыбаясь.

— Лучше, Грэгор! Как давление, надеюсь, норм? Потому что сейчас мы напьемся как студенты! *Gaudeamus igitur*, чёрт побери!

Глава 39. Грей

Так вот для чего двуногим короткие хвосты! А он-то думал, дурилка. Хотя чего Грей дурилка? У него-то самого это дело надёжно спрятано в складочках. Вот придёт самка из лесу спариваться, сразу и вылезет, а самка к нему уже может прийти, вон, шрамов сколько. Настоящий воин. Хотя, как к нему прийти, если в этом логове всегда так шумно? Только, разве что, глупая какая-то или слюнявая. Нет, слюнявых самок Грею не надо.

Главное, что Мать как следует спарилась, и с правильным самцом, как он и думал, хоть в чём-то не ошибся, а значит скоро они уйдут в своё старое логово, зачем теперь-то сидеть в чужом? Возвращаться надо, и их с Сестрой забирать. А там и поле, и ельник за ним, и соты сдохли, Грей кругом поставит пригласительные метки и пусть все идут его выбирают. Он представлял, что бы сказали его бывшие Сёстры, ехидно смеявшиеся ранее, увидев Грея сейчас. Или прежняя Мать. Ох, уж лучше не представлять, не вспоминать ту семью, родичи его отвергли, а двуногая Мать — нет. У него теперь новая семья.

Иногда, незадолго до боя, он мог поиграть с Сестрой круглым шариком, а так-то постоянно либо дрался, либо болел, тогда играть не хотелось, и Грей смотрел с Сестрой на странные вещи, которые нельзя схватить и понюхать, а только разглядывать и слушать. У той была твёрдая лужа, в которой бегали маленькие двуногие и крохотные звери, всё это пело, трещало и звенело, но не пахло. Порой речь шла про охоту, игру и ловлю, это он понимал и следил, догонят или нет. А порою — невесть что творилось, всё странное.

Иногда, когда семья отвлекалась и забывала закрыть вход, он потихоньку уходил посмотреть, что и как происходит. Особо интересно было за логовом, хоть и сложно наружу выбраться. Но Грей наловчился: прижимался к стенам, к закрытым пещерам, правильно застывал, или хвостом цеплялся за выступ и сверху висел как неживой, терпеливо ожидая, пока пройдёт двуногий и откроет выход, тогда проскальзывал вслед, ищи-свищи.

За логовом нашлось много славных мест, куда Мать никогда не водила его и не пускала, к примеру, большие соты, за которыми жила и ела живая вкусная добыча, её никто не убивал, видно, держали про запас, поэтому Грей тоже не стал бить, просто понюхал, а та боялась. В кустах он испражнялся да собирал кочей по мелочи, не из голода, а для порядка — чего они пришли?

Ещё была гора виторогих черепов огромных монтов, в них отлично получалось прятаться и бродить, будто в лабиринте, там встречались мыши, Грей давил их и тоже ел.

А холодная пещера с добычей? Да какая пещера. Целое холодное логово, полное мяса, где рядами висели целые туши самой разной настоящей, вкусной добычи, быков и монтов, аж сердце заходило смотреть. Шкуры мочили в зловонной отравленной воде в другом логове, туда Грей не лез, уж слишком скверно пахло, но к тушам его тянуло любопытство. Однажды как следует спрятался, дождался, пока самцы потащат свежак, и проник следом. Затем случилась неприятность: самцы, повесив тушу, вышли, а Грея не видели и закрыли, так он порядком замёрз, потому что круглых Глаз до линьки — как пальцев на лапе, а летом шкура к холоду не готова. Зато наелся до отвала чего хотел, попробовал кусок от каждой туши. Вечером соскучился и всех позвал, так пришёл самец, выпустил его и стал кричать. Грей слышал негодование в его голосе, и тоже начал сердиться, потому что ничего плохого не сделал и много мяса оставил остальным, но явилась Мать и забрала в логово, ласкала, видно, тревожилась, где он делся, но усов обкусывать не стала, чтоб не убежал, значит,

можно дальше убежать. В принципе, и здесь жилось хорошо, лишь бы выпускали почаще, он же знает, где стоят ловушки, и не лезет.

В этот раз побег Грей провернул обычным образом — сделал вид, что спит, Мать с Сестрой поверили и пошли мочить шкуры, тогда проскользнул у них под ногами. Не заметили. До выхода он проехался на неживой зверюге местной самки, которая его всегда боялась и залезала наверх, а если не видела, то не боялась. Вот глупая двуногая. Будто от того, что муста не замечаешь, он куда-то исчез, а Грей-то рядом, ха...

Снаружи светил Дневной Глаз и пели птицы. Грей повалялся в пыли, подставляя брюхо лучам, затем проверил, нет ли новых кочей в кустах и стал ждать, какую добычу на этот раз принесут воины. Самка копалась в земле и делала странное, двое самцов возились поодаль — мочили шкуры в вонючем логове, где бурлила зловонная отравленная вода и шумели неживые зверюги. Кругом царило спокойствие, и Грей растянулся под камнем, с наслаждением греясь.

Шаург вышел из лесу, шатаясь. Ещё издали Грей увидел — больной. Брёл не прячась, неровно, волочил заднюю лапу, то останавливался, то принимался бежать вперёд и, вдруг, назад. Внезапно встал, будто увидел что-то скверное, и принялся грызть мёртвый камень с яростью, как врага. От него несло болезнью и смертью, а морду покрывали хлопья пены, белой с красным, от разбитых дёсен.

— Слюнявый идёт! — крикнул Грей, вскакивая, но его никто не услышал — самка всё рылась в земле, и шумела вода, и гремела неживая зверюга — на звуки слюнявый и полз, обезумев вконец. Лишь утром Грей о них думал, и вот, пожалуйста — накликал.

Слепые, глухие, немощные двуногие! А в логове-то Мать с Сестрой. Положим, Грей не заболеет от слюнявого, но они? Шаург тем временем влез в ловушку, взвыл, да так и потащил её за собой прямо в логово, безумный, ничего не чувствовавший больше, кроме своей страшной болезни, ударами гонящей его вперёд. Коротко крикнула, наконец заметив его, и побежала в логово самка.

Что тут размышлять? Грей запел и стал делать, что был должен и что умел.

— Там ксеноволк, бешеный! — закричала Валентина.

Лана хватилась — где Серый? Кажется, спал в углу, на коврик? А его в комнате и не было. Из мужчин в колыбе как назло осталось только двое дубильщиков да Алексей у себя в кабинете сидел за калькуляцией. К тому времени, как она выскочила на улицу, схватив трубу от пылесоса, Серый уже перегрыз горло ксеноволку, приволокшему за собой капкан, но и сам оказался укушен в бок. Руки у Ланы затряслись, из глаз хлынули слёзы.

— Блядь, в субботу бой, — сказал Шульга, оглядев зверей: мёртвого, явно больного, и пока ещё живого. — Не реви. Промой рану с мылом. Самое простое возьми, или жидкий порошок стиральный, да побольше, засунь его в душ, не жалей воды. Сейчас узнаем, что можно сделать...

Он сразу отбыл через нулевую точку, а назад вернулся с ветеринаром, худощавым приятным мужчиной, ещё молодым, но уже с залысинами. Ветеринар представился Димой, снял переходной скафандр, распаковал резиновые чехлы и вынул из чемодана свои инструменты, препараты, оборудование.

— Впервые вижу мозгоеда, — сказал он Лане, с опаской приближаясь. — Вы его хорошо держите? У вас намордник есть?

— Он же не сдохнет? — Лана рыдала. — Нет намордника, я так подержу. Серый, дай

голову...

Она засунула голову зверя себе подмышку и зажала шею. Дима надел армированные перчатки и взял у возмущённого, отчаянно цокающего и выражавшего негодование Серого анализ крови. Ащц!!! Поместил несколько капель в портативный анализатор.

— Он у вас привитый! — с изумлением констатировал вскоре.

Лана оторопела.

— Да никто его не прививал, — только и сказала она.

— Отчего же? Год назад прививка от бешенства, а два месяца назад была ревакцинация...

— Аппарат сбойть не может? — спросил Шульга.

— Ну что вы, это же немецкий, маде зи дойч, ещё на гарантии.

— Не может быть такого, — Лана ещё больше удивилась. — Два месяца назад он жил уже со мной, мне и в голову не приходило его прививать. Я боялась его кому-либо показывать.

— Сейчас проверим, какой именно вакциной...

Дима ввёл дополнительный запрос в свою компьютеризированную машинку и та надолго задумалась — по экрану побежали ряды цифр с буквами, машинка искала вариант вакцины и производителя.

— Ну что там? — с нетерпением спросил Шульга. — В субботу драться сможет?

— Сможет, наверное, — задумчиво протянул Дима. — Первую вакцину определить не выходит, будто что-то кустарное, а ревакцинировали его стандартным Глобалом. Я и не думал, что Глобал на ксеноживотных работает, интересно девки сели на шпагат! Надо будет попробовать с обычными собаками. Всё у него хорошо, у вашего бойца.

Он обработал укус — ащц! Померил температуру у Серого в заднице — ащц!!! АЩЦ!! Помял ему живот и взвесил, получилось пятнадцать килограмм триста двадцать грамм. Затем получил от Шульги деньги с чаевыми за секретность и отчалил через нулевую точку.

— Что было два месяца назад? — спросил её Алексей уже потом, ночью, когда они лежали на узком, неудобном диванчике, прижавшись друг к другу горячими боками.

— Ничего такого особого, — Светлана задумалась. — Не могу вспомнить...

— А я вот помню. Два месяца назад я послал Гардыша с Хлебом за твоею, Света дочкой.

Глава 40. Павор

Беда грянула, откуда Павор не ждал, и даже не догадывался. Внезапно, в один прекрасный день, сместили областного ручейника, с которым он успешно и плодотворно контактил многие и благие лета на самых взаимовыгодных условиях, того самого, кума Шульги.

— Не понимаю в чём причина, — жаловалась встревоженному Павору его жена, взяв телефон, ведь сам коллежанин был в таком шоке, что не ел, не спал и ни с кем не разговаривал. — Ничто не предвещало... В один день пришло постановление высшего руководства о его увольнении, приехал преемник, какой-то канадец... Володя сам не свой...

Павор сразу сунулся к канадцу на приём и неожиданно легко попал — его просто пропустили без очереди.

Новый областной ручейник был худ, высок, зеленоглаз и огненно рыж, отчего походил на лиса. Какая разница, откуда новый руководитель? Деньги нужны всем, всегда, и лишними не бывают, — резонно заключил Павор и сделал свою пропозицию. Однако, лисовидный канадец окатил его вежливым презрением.

— Есть у евреев пословица, — сказал он, — спасибо, господи, что деньгами взял. Вы не слышали?

— Слышал, — осторожно кивнул Павор, располагаясь улыбаясь, хотя стоял перед лисом навтыжку, разве что руки по швам не сложил, ведь присесть ему не предложили.

— Радуйтесь, что не сели, а просто потеряли пункт сброса мусора, который должен утилизироваться здесь, — с ударением на последнем слове сказал лис. — Потому что по делу вашего бывшего, простите, партнёра, ведётся служебное расследование, которое мы намерены передать в суд.

Это был удар ниже пояса и, к сожалению, только первый удар. Едва Павор морально оправился, решив взять кредит на строительство нового завода по утилизации, на этот раз не бутафорского, грянул гром: поменяли судью по его бракоразводному делу. Святые присно блаженные армянские усы, — о, как Павор тосковал теперь за ними, — сменились бабой средних лет, с такими грубыми чертами лица, словно его в спешке тесали из полена зеки колонии-«семидесятки». Теперь восторжествовала адвокатка Светланы, притащившая на суд соседа-пидора и бывших сотрудников, мерзавцев, обливших Павора грязью. Судья посмотрела в глаза Павору. Он посмотрел в глаза ей. И его развели с женой, права на дочь отдав Светлане. Удар деревянного молотка отозвался в мозгу так гулко, словно пришёлся в темя.

— Подавайте на апелляцию, — сказал он яйцеголовому Юхимовичу вечером, за рюмкой виски.

Они сидели в гостиной, перебравшись туда с излюбленной веранды, а за окном бушевала гроза.

— Безусловно подадим, — согласился Юхимович, — однако, что-то скверное происходит, Павор Игнатьевич.

И говорил он отнюдь не о погоде, хотя за окном молнии то и дело расчерчивали небо, а потоки воды безжалостно трепали виноград и разросшиеся кусты роз. Гром гремел раз за разом, постепенно превращаясь в слитный гул, и только отдельные раскаты выделялись в этом гуле с такой силой, будто где-то вдали рвались артиллерийские снаряды.

Павор тоже чувствовал подобное, хоть и думал, что просто психует из-за смещения ручейника и развода, которого всеми силами пытался избежать. Как, в каком месте пути Павор, всегда добивавшийся желаемого, стал безвинным страдальцем, которого всеблагой господь почему-то решил не просто испытывать, а с фантазией, присущей лишь ему? Когда закончится чёрная полоса? Сколько Павору ещё терпеть пощёчины судьбины да с оплеухами, о господи? И да, всё началось с побега драной кошки, блудливой драной кошки, у которой было всё на свете, неблагодарной гадины, пригретой на груди. Несомненно, господь хотел от Павора не только терпения, но и решительных действий.

— Пойдёмте глянем, — многозначительно сказал он яйцеголовому, когда буря за окном, наконец, утихла.

Они вышли в жаркую влажную ночь и запах озона. В ответ на человеческие шаги по мокрой траве зажглась подсветка веранды и двора.

Зверь был на месте — куда ему деваться. Глухой железный контейнер, привезённый яйцеголовым и поставленный в дальнем углу двора Павора, блестел в свете фонарей мокрыми боками, с белым номером сухогруза с правой стороны. Внутри возились страшно и глухо.

Юхимович клацнул задвижкой и открыл окошечко, в тот же миг в него с рыком ткнулась оскаленная пасть и оба отскочили, нервно пересмеиваясь. Затем яйцеголовый посветил прямо в морду фонариком, и тварь убралась.

— Она уже не жрёт, — сказал яйцеголовый, заглянув внутрь. — Мясо лежит, гниёт.

Павор и сам слышал зловоние из тесной тюрьмы, ставшей могилой для ксенопантеры.

— Это плохо? — спросил он.

— Это отлично. Потому что означает, что у нас, наконец-то, есть бессмертный зверь.

Светя фонариком, Павор заглянул в окошечко, впрочем, близко не приближался. На все руки мастер приобрёл животное, выросшее в слишком тесном семейном доме, якобы для контактного зоопарка. И в самом деле, иссиня-чёрная кошка с отростками на морде сперва ласкалась, выглядывая наружу, и тянула лапу, словно умоляя выпустить её, затем, отчаявшись, царапала железные стены и орала басом. К счастью, недолго — впрыснутый в миску с водой грибок постепенно сделал её молчаливой.

Она стояла посреди контейнера и била хвостом по бокам, а при виде Павора глухо зарычала. Глаза зверя, ранее янтарные, проросли и пузырились тысячью пушистых стебельков, отчего казалось, что в пустые глазницы вставлены кусочки брокколи.

— Она что-то видит ими? — спросил Павор.

— О, видит грибница прекрасно, и слышит... Она прорастает всю нервную систему...

Яйцеголовый поднял к окошку руку, пошевелил пальцами, зверь гулко ударился грудью в железо и контейнер заходил ходуном, оскаленная пасть мгновенно щёлкнула челюстями рядом, затем адская тварь вновь убралась в темноту и затаилась.

— Я предложил Шульге достойного противника для его мозгоеда, — сказал Юхимович, улыбаясь. — С предсказуемым на сто процентов результатом боя. И он, подлец эдакий, согласился! Кстати, не желаете ли денег поставить? Думаю, не только Шульга сможет нехило поднять...

— Я хочу только справедливого воздаяния, — Павор покачал головой. — Думаю, теперь эта стерва получит, что заслужила.

— Как скажете, я не мыслитель, думайте сами, или пусть лошадь думает, у неё голова большая, но глаза у меня есть, ими я вижу, что уж воздаяние вы точно получите.

Юхимович закрыл окошечко и ввёл код. Двое мужчин пошли назад, в дом, и фонари за их спинам тухли, погружая мир в густую и влажную тьму, такую же глухую как та, что опустилась на их души.

— Может всё-таки поставить денег? — задумчиво произнёс Павор.

— Грех не заработать... — согласился яйцеголовый.

— Вы, как я не раз замечал, реалист.

— Хм, — Юхимович ухмыльнулся. — Не уверен полностью, но кое-какие аксиомы мне, несомненно, известны.

Глава 41. Лана

Если Павор менялся и наглед постепенно, то Алексей изменился слишком резко. Вдруг пропала вся обходительность и та атмосфера флирта, которую чувствовала и сама Лана, и другие обитатели колыбы. Вернулась грубость, словно кто-то в его голове пустил ток, повернув тумблер в положение «хозяин-хам». Лану он больше не звал, сам не приходил, даже в кабинете на ночь не оставался, а уходил через фабрику. Днём, когда Капелька с радостью подбежала к нему с новой деревянной фигуркой, уверенная по прежнему опыту, что сейчас дядя Лёша поглядит, что у неё хорошего, потреплет чёлку или скажет смешное, он глянул мельком и отстранил её со странной гримасой.

— Что-то случилось? Тебя чем-то огорчили? — спросила его Лана, подловив в коридоре у погрузочной.

— Неприятности, — коротко бросил тот, наблюдая за упаковкой выделанных кож и шкур в прорезиненные чехлы.

— Какие? — встревожилась Лана.

— Кума сняли, это хуёво. Я его точки юзал.

— Но я ведь тебя ничем не обидела?

Она пытливо заглядывала ему в лицо, стараясь поймать взгляд, который ещё недавно от неё не отводился, пристальный и такой говорящий, что даже досада возникала. Теперь Лана сама ловила этот взгляд, а он ускользал, будто живая рыба в мокрых руках.

— Хорошая ты баба, Светлана. Только у меня дома такая же. Порезвились, да и будет.

— Такая же, — многозначительно кивнула она, чувствуя, как всё внутри холодеет, будто некий злой шутник высыпал за шиворот пригоршню снега. Правда, от снега не бывает больно.

Лучше бы Лана ничего не спрашивала, а молча приняла финал игры с выражением лица "ну наконец-то, не слишком и надо", либо сказала колкую гадость, но ей словно хотелось причинить себе дополнительную боль, и она продолжала смотреть в лицо человека, к которому успела привязаться, и который теперь отталкивал её, словно провинившуюся собаку, подобно тому, как сама она прогоняла Серого, если тот вредил или навязывался. Только зверя она любила и всегда прощала, а Лёша её не любил и, кажется, больше в ней не нуждался, а уж вины за нею и подавно не было.

— Ну, может трохи с припиздью, — согласился Алексей, — так кто без припизди, может ты? Надо меру знать.

— Ты сделал мне новые документы? — спросила Лана.

— Тебе она не нужны, — как ни в чём не бывало ответил Шульга. — Твой додик просрал последний суд, ты в разводе, права на дочь у тебя. Добби, блядь, свободен.

«Как давно он это узнал? Когда собирался сказать?»

— Прекрасно, — дрожащим голосом сказала Лана. — Отдай нам с ребёнком наши переходные скафандры, плюс мешок и седатив для Серого, и мы с большим удовольствием отсюда уберёмся.

— Не спеши.

Шульга, наконец, посмотрел ей в лицо, прекратив разглядывать погрузчиков и тюки, в его взгляде читалась обнажённая, как тело, неприязнь, и тяжёлая, как свинец, насмешка. Лана ничего не понимала и едва сдерживала слёзы перед фабричными рабочими.

— За тобой должок, — сказал он, — на тебе висят Гардыш и Хлеб.

— Но мой зверь всё это время дрался в твой карман, — едва произнесла она и, наконец, расплакалась, не в силах сдерживаться.

— Ты тоже подсобрала денег да янтаря, — кивнул Шульга. — Нищей не уйдёшь. Олежка, ну ёбана, как ты ставишь?! Погорит пушнина, ёпт!!!

Он подошёл в рабочим, ткнул пальцем в треснутый чехол и заставил сменить, затем вернулся к ней, полоснул глазами по залитому слезами лицу.

— Давай без сцен, — сказал раздражённо. — А если хочешь сцену закатить — то не здесь, люди плятятся.

— Я не хочу сцен, я хочу уйти с колыбы, — рыдала Лана. — А сейчас — особенно.

— Субботний бой — и хоть на все четыре стороны.

— Даёшь слово?

— Бля буду, зуб даю.

Четверг и пятница стали самыми ужасными из дней, которые Лана провела в браконьерском логове. Чувства горькой обиды, униженности, какой-то использованности, разбавлялись неприкрытым злорадством зечки Валентины, снисходительным сочувствием поварихи и даже грубыми знаками внимания со стороны охотников, которые решили, что раз шефу Лана больше не интересна, можно и самим приволокнуться, вдруг чего обвалится. Искренне сопереживала ей, кажется, только певица Катерина.

— Неприятно, я понимаю, — сказала та. — А ты отнесись к этому легко — ну, подумаешь!

— Я не могу, — покачала головой Лана, разбрызгивая слёзы, потому что всякий раз, стоило задуматься над гадкой ситуацией, начинала плакать.

Тогда Катя молча обняла её, большая и тёплая, пахнущая мылом и свежим потом.

Накануне перед боем явился Алексей.

— Ты на меня своего красавца не натравишь, чудовище? — спросил в дверях. — Иди, погуляй, раклэ, нам с мамой надо поговорить.

— А стоило бы, — произнесла Лана, когда Капелька послушно вышла, прихватив мячик.

— Ну, меня, положим, он завалит, ну, ещё двух человек, но на этом всё. Ты же сечёшь, что тогда с колыбы уже не свалишь, даже прикапывать не станут, просто выпиздят на свалку, как требуху рогаца.

— Просто скажи, зачем пришёл, потому что я на тебя смотреть не могу, — выдавила Лана.

— Я начинаю чувствовать себя виноватым, — словно с удивлением заявил Шульга, по-свойски усаживаясь за столик. — Давай перетрём, потому что зарёванный ебач на ринге мне в хуй не упёрся.

Серый устроился у неё под боком и застыл, как часто делал, разглядывая Алексея. Он всегда прекрасно чувствовал эмоции Ланы, почувствовал и теперь. На секунду захотелось швырнуть его в Шульгу, и будь что будет, но как же Капелька? Ведь тогда между нею и Вечностью никого не останется...

— Блядь, в самом деле чувствую себя скотиной, — продолжал он. — С чего бы? Давай-ка базану. Суд присудил опеку над ребёнком Павору. Ты собиралась остаться на отключённой станции. Я предложил возможность пересидеть паршивое время в колыбе и даже вариант срубить бабла. Ты пересидела? Да. Заработала? О да! Ну так какие могут быть

предъявы? Я тебя не в церковь звал, и я не поп. Ты знала, куда идёшь, и с кем.

— Но ведь ты со мною спал!

— А вот это работает в обе стороны, — Шульга покачал пальцем. — Потому что я тебя не насиловал, тебе всё нравилось. Ты взрослая баба, ранее состоявшая в браке с мудаком. Ты же не думала, что я влюбился и женюсь на тебе?

— Лёш, просто уходи!

— Я деньги принёс, — Шульга положил на стол увесистую «котлету», вставая. — Чтобы ты не говорила про «мой карман».

— Кажется, я понимаю, почему жена с тобой не спит, — сказала Лана. — Она чувствует твоё мерзкое нутро.

— А вот это тебя уже не касается, — с настоящей ненавистью ответил Шульга, и зверь рядом с нею зацокал, поднимая отростки. — Моя семья — это моя семья, и к ней никто не смеет лезть. А на твоём месте будет двести.

От этого ужасного разговора Лане и в самом деле стало легче, словно все ё наконец-то обзавелись своими точками. Исчезло чувство обиды, ведь обижаться можно на кого-то близкого, а на ядовитую гадину обижаться бессмысленно, та не виновата в собственной отраве. Её надо убить, либо сбежать.

Перед самым боем неожиданно заглянула Катерина, в прежнем кричащем костюме посуды. Это было странно, ведь через нулевую точку уже прибывали гости, и женщины занимались ими.

— Что, Кать? — только и спросила Лана, лёжа на кровати.

Сегодня она не одевалась в платье Белль. Пойдёт как есть, в джинсах и худы. Пляски под дудку Шульги закончились.

— Я сплю и с букмекером тоже, ну, ты знаешь, — сказала Катя. — Игорёк.

— Допустим, — ответила Лана, хотя была без понятия, с кем именно гуляет весёлая певица.

— Обычно ставки были на Серого. Однако сегодня Шульга поставил на его противника. Много поставил, Игорёк прихуел.

А вот это уже было по-настоящему скверно.

— Он сразу сам поставил, через левого парня, и предложил мне сделать то же самое, — продолжала Катерина. — Просто будь в курсе. Кстати, вот, держи, тебе передала какая-то мадам.

И протянула бумажную записку, которую Лана, не глядя, сунула в карман. Потом прочтёт.

Её охватила ненависть. Хотелось разбить всю комнату, искрушить мебель и технику, изорвать и уничтожить всё вокруг, но что это даст, кроме минутного облегчения? Нет, Лана оставит эмоции для последнего в жизни проклятого ринга.

— Знаешь что? — она открыла ящик стола, достала увесистую котлету, принесённую Шульгой. Ею Лана собиралась швырнуть ему в рожу на прощанье, но теперь передумала, и сунула в растерянные руки Катерины. — Поставь на Чудовище. И, кстати...

— Да? — Катерина обернулась.

— Мне нужен стимулятор. Что-нибудь, чтоб не чувствовать себя квашнёй.

— Не расслабиться, а взбодриться? — спросила Катя. — Кокаин, фен или глазные капли?

— Именно так.

Глава 42. Павор

— Я кое-что узнал, — сказал яйцеголовый, явившись в пятницу вечером. — Ваша жена не просто так выиграла суд, Павор Игнатьевич. Её покровительница из ОЗДЖ получила крупный ручейный грант на строительство научного ксенокомплекса на территории иномирья.

— Ну и что? — хмуро спросил Павор.

С заводом не ладилось, кредит предлагали лишь сомнительные банки и под грабительские проценты. Он застрял в ебаной чёрной полосе, которую широкой кистью нанесла из зловонного ведёрка с дёгтем условно бесплатная пизда, ничтожная домашняя баба.

— Уголовное дело на неё закрыли, в ближайшее время Ручей объявит земли заповедными и точки прекратят существование не только в карантине, а в зоне намного шире, к примеру, у Шульги заберут его колыбу. Грант выделен под изучение мозгоедов. Походу, ваша жёнушка теперь важная фигура на доске.

И Павор взорвался.

— Она просто тупая баба! — Закричал он. — Ни на что не способное мясо! Её единственный актив — эта конченная тварь, и надо эту тварь уничтожить! Устройте мне пропуск на бой.

— Ха-ха, Павор Игнатьевич, да вы шутник. Вы-то помните про ореховый прутик?

Павор помнил, прекрасно помнил, как и то, что Шульга ебал его жену. С памятью у Павора всё было заебись.

— И пистолет, — добавил он.

— Пропускают при наличии ста тысяч налом, — Юхимович пожал плечами.

— Я найду, — упрямыствовал Павор.

— Но для чего вам туда идти, Павор Игнатьевич? В чём ваша цель?

— Хочу своими глазами увидеть, как рухнет её мир, — подумав, сказал Павор. — Хочу видеть её лицо в тот момент, когда она, наконец-то врубится, что никто и сдохнет никем.

— Да кто же вас пустит, — кажется, яйцеголовый ерничал. — Шульга вас из шлюзовой камеры завернёт.

— А вот это уже моя забота...

Павор купил парик и накладную бороду, совсем как настоящие. Приладил — сам себя в зеркале не узнал. На него смотрел какой-то старый хиппарь, застрявший в социальном неформате, осталось лишь одеться. В гардеробе у Павора ничего подходящего отродясь не водилось. Он поехал в городской сквер, где тусили неформалы. Ссыкуны и потерянные возрастные люди сидели стайками по интересам там и сям, собираясь вокруг музыкантов разной степени голосистости, либо пускали по кругу косячок. Девка в кричащей одежде, с истыканным булавками лицом, показала ему упругую татуированную жопу.

Павор покрутился среди них, передвигаясь от стайки к стайке, чужеродный, словно породистый пёс, убежавший за сукой в течке, в окружении покрытых лишаями дворян. Один музыкант даже славно пел, душевное, о боге и говне, его Павор послушал.

— Божественный астрал, ветер северный... — пел мужик, весь, от глаз, заросший рыжим волосом, -

Я раньше панковал, жизнь проверена,

Лежит на сердце тяжкий бред,
Но не очко обычно губит,
А обосранный завет!

Павор нашёл среди пёстро́го отребья человека покрупнее и, отозвав в сторонку, предложил махнуть одеждой.

— Часы идут в комплекте? — разглядывая костюм и руки Павора, спросил большой и грустный парень, похожий на бисквитного медведя с длинной бородой, перехваченной шнурками.

— Часов ты не получишь, по бабла на капельки подкину, — ответил тот, подмигивая. Докатился — подумалось ему. С каким отребьем трусь, и мне это нравится!

— Да ты, смотрю, и мёртвого уговоришь, — сказал парень и принялся раздеваться. — Труссы тоже?

— Труссы оставь, оставь, — отмахнулся Павор, снимая пиджак.

Домой он явился, благоухая чужим гормональным потом, коноплёй и водкой, которой поил грустного парня, по мановению волшебной палочки превратившегося в респектабельного господина. Одет Павор был в легкомысленную яркую гавайку, некогда хорошую, но теперь убитую, совершенно затёртую кожанку с рваной подкладкой и широкие штаны с миллионом карманов, в одном из которых внезапно нашёлся пакетик героина и чёрная ложка. Проверил бессмертного зверя в контейнере — всё было в порядке, грибница глухо скреблась, и принялся вертеться перед зеркалом, напевая о боге и говне:

— Но не очко обычно губит, а обосранный завет!

Домработница Тамара встретила его в прихожей, подала чаю и, стоя в дверях, искоса смотрела, как Павор чудит, прилаживая парик и бороду.

— Я хочу расчёт, — внезапно сказала она.

— А? — не понял Павор.

Он как раз наслаждался своим изменённым видом, думая, что даже покойная маменька не узнала бы его, как говорящий пылесос сбил его с мыслей.

— Что такое? — добавил недовольно.

А потом увидел тонкий зелёный стебелёк, проросший из её левой ноздри, и бледность лица, и красный воспалённый глаз, в уголке которого тоже торчал зелёный росток, первый, и пока единственный.

— Вы что, антиваксерша? — быстро и неприятно трезвея, спросил он.

— Какое это имеет значение? — бросила домработница невежливо. — Я просто хочу расчёт.

— Вы не привиты Глобалом? — продолжал настаивать Павор, чувствуя, как холодеют и покрываются потом руки.

— Прививка Глобал неэффективна и небезопасна, — угрюмо ответила Тамара. — И то, что её сделали обязательной — ущемление прав человека. Вся моя семья отказалась от Глобала.

— Вам надо в медкапсулу, немедленно, — сказал Павор, и тут же пожалел о сказанном.

Стоит ей обратиться в больницу, как начнётся проверка всех контактных лиц, откроется его, Павора, постыдный секрет, глухо шевелящийся в тёмном контейнере на заднем дворе, а огласка совершенно ни к чему. Потому что под тонким льдом, по которому скользил сейчас Павор, катила бурные воды река большого тюремного срока.

— Вы дадите мне расчёт? — спросила грибница в теле женщины. — Мне больше не

нравится у вас работать.

— Вы нездоровы и должны обратиться к врачу, — зачем-то повторил он.

— Я не лечусь у врачей, я сторонница траволечения, — домработница закашлялась.

«Пиздец котёнку, больше срать не будет» — со всей ясностью понял Павор, а вслух сказал:

— Мы рассчитаемся завтра вечером, хотя мне, безусловно, жаль расставаться с вами, Тамара. Рубашки вы гладили просто безупречно. Жаль, что проститься придётся.

Ночью, когда домработница ушла в комнату для прислуги, Павор потихоньку припёр её двери креслом. Спал он скверно, снилось, что в городском сквере слушает патлатых бардов и собирает грибы по кустам: прекрасные пузатые белые и румяные подосиновики, и собрал уже целый пакет для мусора, но вдруг грибы превратились в зелёную поросль капусты брокколи. Целый пакет брокколи! Павор отбросил его прочь и проснулся посреди ночи. Затем лежал и слушал свой большой пустой дом. "Как это всё со мной случилось? — думал он. — Жили нормально с дочкой и женой, в кабаре ходили, в ресторан, отдыхать летали в отпуск, почему так вышло? Чего тупой вагине не хватало?" Ведь Павор её любил, и одевал, и финансово извинялся, если бывал неправ, ну ладно, с этим можно согласиться — порой случалось перегнуть. Но сейчас он должен слышать, как мерно дышит жена под боком, а не звуки упавших предметов из комнаты прислуги. Павор горько вздохнул.

Обычно Тамара вставала задолго до него, бродила в мягких тапочках, готовила ему завтрак, гладила рубашку и костюм, в наушниках слушая аудио-книги, а когда он уходил — начинала убираться. В воскресенье домработница брала выходной, чтобы с дочерью и внуком пойти в церковь методистов. Не выдержав, Павор встал. Оглядываясь и кругом включая свет, пошёл к комнате прислуги. Приникнув ухом к двери, он стал слушать. Пару раз Павору чудилось, что он слышит шаги, но вскоре вновь наступала тишина, а в ней — реальные либо мнимые шорохи.

— Показалось, — шепнул Павор.

И в дверь с другой стороны от его уха глухо и сильно стукнули. Он даже подскочил от неожиданности.

— Тамара, это вы? — громко спросил.

Безмолвные и хаотичные удары, сопровождаемые хриплым кашлем, посыпались на дверь. Грибница дождала изнутри несчастный пылесос и теперь рвалась наружу. Положим, Павор не заразится, но стать жертвой нападения бессмертной домработницы как-то не хотелось. Стул был слишком хлипким, поэтому Павор, пыхтя и тужась, как бурлак на Волге, приволок огромную кадку с фикусом и припёр дверь понадёжнее.

— Вы уволены, — произнёс, отдышавшись.

Юхимович явился лишь к обеду и был неприятно поражён новостями.

— Чёртовы антиваксеры, — сказал он, слушая, как домработница, заслышав их голоса, раз за разом кидается на дверь, к счастью, крепкую и новую. — Когда у неё выходной?

— Завтра, — Павор развёл руками, глядя, как трясётся многострадальный фикус. — И я не представляю, что с нею делать.

— Сжечь, — серьёзно кивнул яйцеголовый. — Либо растворить в цистерне с кислотой. Это дерьмо заразное, но, к счастью, не стойкое. Записи видео с камер есть?

— Конечно, — ответил Павор.

— Я подхимичу «свежий» видос о том, как она, — яйцеголовый кивнул на запертую кактусом дверь, — ушла своим ходом. А вы — знать не знаете, ведать не ведаете.

— Однако, как бы нам с вами микоапокалипсис не замутить, — с сомнением произнёс Павор.

— Ну, небольшой вспышки не избежать, среди зрителей найдутся глобально не привитые. Но к тому времени я буду потягивать ром на Майорке, а на вас, кроме этой грибницы, — он кивнул на дверь, удары за которой прекратились и слышался только шорох рук, скользящих по двери, — выходов нет.

К счастью Павора, на его собственной фабрике по переработке отходов было всё необходимое, включая портативный мусоросжигатель высокой мощности. По звонку Павора сторожа привезли его прямо во двор, выгрузив у кухонного чёрного выхода.

Юхимович приготовил крепкий мешок для мусора и верёвку. Павор отодвинул от комнаты прислуги кадку с фикусом и стал за нею с кочергой.

Дверь распахнулась, и Тамара вылетела в холл, бледная, как смерть, которую сейчас собой и являла, с пучками брокколи вместо глаз и носа, с исцарапанными руками, на месте ран покрывшимися тёмно-зелёной кудрявой порослью. Хрипло кашляя, она повела головой, словно наросты на глазах что-то видели, а пучки в ноздрях — чуяли, и безошибочно бросилась на Павора. Тот с силой ткнул её в грудь кочергой и отбросил прямо в подставленный Юхимовичем мешок. Вдвоём с яйцеголовым они увязали хрипло лающую и отчаянно бьющуюся покойную домработницу в тугую колбасу.

— Какая сильная, — отдуваясь, констатировал Павор.

— Грибница прорастает всю нервную систему, за счёт чего и управляет телом. Поначалу сила есть, — пояснил яйцеголовый, сидя верхом на домработнице, будто на большой извивающейся гусенице. — Но когда организм носителя больше не может питать грибок — плодовое тело грибка сдыхает тоже, потому и агрессия — чтоб размножить споры.

Они засунули вязанку в фабричный мусоросжигатель, закрыли крышку из огнеупорного стекла, и Павор запустил. Гусеница за стеклом стала извиваться во вспыхнувшем со всех сторон пламени, но вдруг лопнула, превратившись в бабочку — перегорели верёвки, развернулся мешок, и Тамара забилась, неприлично задирая короткие бабьи ноги с широкими, обвисшими бёдрами и тонкими голеньями. Она горела и кашляла, выбрасывая изо рта гроздь брокколи, которые тут же вспыхивали искрами и сгорали, словно маленькие звёзды. Но вот движения стали скованными, горящий скелет сложился в позу зародыша и замер. Постепенно он обуглился и рассыпался пеплом.

— Нет тела — нет дела, — сказал яйцеголовый и подмигнул. — Ну что же, Павор Игнатьевич, пора и нам с вами собираться.

Глава 43. Грей

Грей догадался, что вечером будет бой, потому что с утра его не кормили, лишь давали воду. Тонкую шкуру Мать натягивать не стала, вместо этого курлыкала с самкой, которая не боится, потом смотрела глазами в кусочек коры, потом вдруг стала танцевать и приплясывать, а Грей вертелся в ногах и тоже приплясывал за компанию, вдруг всё же еды перепадёт? Не дала, ну и ладно, поест на притравке. Затем Мать стала брать невкусные шкуры и складывать в мешок, как у самок книсов, для детёнышей, но у тех растёт на брюхе, а у двуногих — лежит отдельно. После этого Мать взяла маленькую воду и набрызгала себе в глаза. Положим, так надо. А зачем было брызгать и ему? Грей от этой воды еле проморгался и лапой морду тёр, а потом облизывал горькое и плевался. И вдруг услышал шуршание лапок паука. Пропустил?! Не-ет, этот паук возился в дальней части логова, где жили охотники, и откуда Грея гнали.

На нюх, зрение и слух он никогда не жаловался, но внезапно оказалось, что раньше Грей был слеп, глух и с сопливым носом, словно детёныш. Мир изменился, словно гейм снизошёл, только по-другому. Сколько запахов и звуков вокруг появилось, какими чёткими стали самые крохотные шкуры! Тот бутон голода, который всегда жил у него внутри, разбух и заполнил всё его существо, готовый лопнуть и расцвести благодатной яростью, он чувствовал, что сегодня будет особая битва и жаждал её больше, чем воды в жару.

Он лёг под дверью и стал слушать звуки логова для притравки, гомон двуногих и голоса зверей, что заедали друг друга. Шаург, ещё одна киарра, внезапно — рёв двух зубарей! Вот это Грей бы посмотрел! Такое надо видеть. А вдруг к ним в соты тоже зубарь придёт, как они с Матерью будут его бороться вдвоём? Ничего, как-то загрызут, Грей с Матерью — ух, сила! Он танцевал у входа от нетерпения, как детёныш. Прежняя Мать говорила, что терпение — первая добродетель муста, эту добродетель Грей всю внезапно растерял и сам не понял как. Он слышал также и странные звуки снаружи, словно кто-то рыл крышу логова сверху. Ещё враги ползут?! О радость! Его переполняло движение, кровь струилась быстро и бурно, в нём тёк полноводный ручей после грозы, кровь звала его в гомон битвы. Грею захотелось немедленно впиться в горло врага и он, постанывая, р-растр-рошил в тр-руху кусок дерева на шкуре, будто слюнявый. Опомнился и бросил, чтобы тут же впиться в шкуру на полу и р-разорвать. О благодатный бой! О предвкушение битвы, переполнившее сердце, ты слаще, чем кровь врага на языке! Вдруг Грей услышал песню битвы, и с удивлением понял, что это сам поёт, тогда умолк — врага ведь не было, только Мать, быстро делавшая странное.

Наконец, пришёл самец из воинов, позвал их за собой, и Мать взяла его, как всегда делала раньше. Грей стонал в её лапах, слушая, как быстро бьётся её сердце, как шумит кровь в её жилах, как самцы, пыхтя, утаскивают из логова тела павших врагов, слышал манящий запах крови и сходил с ума.

Наконец он увидел своего законного врага — о да-а-а! Это была самка патра. Опасный враг, какая удача! Она тоже услышала Грея и стала петь, двуногий, закованный в соты, едва удержал её, такого Грей ещё не встречал, но ему было некогда думать, потому что враг стоял перед ним. Затем увидел — больной. Самка пахла неправильно. Слюнявая? Нет, что-то ещё. Её ноздри, глазницы и уши покрывали наросты, подобные лишайнику или тонким поганкам. Мать увидела патра и закричала с гневом и страхом. Отчего она не пускает Грея? Отчего

трясёт соты, словно хочет выйти? Враг — вот же он, перед ними! А если Грей погибнет — то достойной смертью, с зубами в чёрном горле патра. Щемлящая сладость грядущего всплеснулась в нём и затопила всего Грея без остатка. Мир вокруг исчез, остались только он — и вожделенный бой.

Он змеёй извернулся, выскочил из вдруг ослабевших лап Матери, и запел так громко, как никогда в жизни.

Для затравки семья перебила всех сулиц и шаургов, что жрали объедки и крутились вокруг логова двуногих, из них было двое слюнявых. Семья Матриарха, её непобедимый зверь, обрёл силу. Она растила этого зверя для битвы, и день настал.

По левое плечо, то, что ближе к сердцу, стояла старшая Дочь, она займёт её место, когда Матриарх падёт. По правое — Редхи, славный воин, он сделает всё, чтобы Мать выжила. Из сумрака выскользнул Йел, её лучший разведчик, невидимый и бесшумный, словно тень.

— Что ты видел, что ты узнал, мой сын? — спросила она.

— Двуногие собрались в нижнем логове, — ответил Йел, — их много, как пальцев на лапах всех мустов, но воинов из них не больше, чем пальцев на передних лапах. Они травят зверей, чтоб те бились, и кричат. Вокруг логова ловушки, я их пометил.

— Туда можно забраться?

— Я нашёл на крыше лаз, в нём были твёрдые соты, они не пускали, но я стал рыть и сломал их.

— Куда вы ударите? — крикнула Матриарх, оборачиваясь к семье.

— В места без шкуры, в голову, в шею, где гнутся лапы, — ответили мусты.

— Двуногий поднимет палку?

— Уйдём в сторону...

— Двуногий возьмёт трескучку?

— Отпрыгнем вниз...

— Двуногий достанет коготь?

— Нырнём под лапу...

— Пусть глаза ваши смотрят и видят, пусть уши слушают и слышат, — сурово сказала она, оглядывая вздыбленные холки и блестящие во тьме глаза Дочерей и сыновей, Внушек и внуков, её воинов, её гордость. — Они пришли со смертью в наши земли, так убьём же всех, пусть ни один двуногий не уйдёт! Мы нападём на расс...

Вдруг звучная, тонкая песня чужой битвы коснулась её слуха, и была она как ветер, лижущий огненные скалы, и была она как дождь, бьющий по листьям. От тембра этой песни Мать вздрогнула всем телом и застыла, подобно камню.

— Это муст, что живёт с двуногими, — сказал Йел. — Я предупреждал.

Но Мать даже не глянула в его сторону. Каждый шип, каждая шерстинка на её теле встали дыбом и завибрировали, а соски заныли как в тот день, когда Грей впервые пил её молоко.

— Так вот каков твой голос... — тихо сказала она во тьму. — Значит, Лес привёл меня сюда не просто так, а за тобой. Ты проснулся — и я пришла. О-о-о, я пришла!

Глава 44. Лана

— ... и её Чу-у-удовище!

Зал приветствовал уже привычными аплодисментами и поощрительным шумом.

— Я на тебя ставлю, детка! — крикнул какой-то фронт с накрашенным лицом и в старомодном котелке.

К ногам авансом шлёпнулось янтарное кольцо, а зверь в руках напрягся, как струна. Он был до крайности взвинчен задолго до боя, и сейчас его особенно тревожили звуки, запахи и яркий свет.

Всё, что в своём калейдоскопе восприятия видела сама Лана, было обострённым, ярким, клиповым, словно состояло из многих осколков, причудливо сложившихся в пёстрый зал, забитый азартными зрителями, ринг с грубо затёртыми потёками крови, вычурного конференсье в кричаще-розовом смокинге на высокой стойке, соперников.

Против неё стояли огромная ксенопантера и мужчина с яйцеобразно вытянутой головой, облачённый в подобие лат, сваренных из решёток, с утяжелителями на ногах и электрическими приводами в перчатках, за счёт которых, скорее всего, костюм-клетка ходил, тормозил и удерживал на цепи зверя. Целый экзоскелет.

— В левом углу ринга — Же-е-елезный человек со своей Чё-о-орной Пантерой! — закричал конференсье, и владелец зверя-противника сорвал глухой намордник с бойца.

Зал ахнул.

Лане кошка показалась неестественной, странной и страшной. На бой выставили большое, возможно заразное животное, слишком большое для Серого и слишком опасное для неё самой. Животное, которого опасался собственный хозяин, тщательно защитившийся, в то время как на ней было одно лишь худи с джинсами, да рюкзак за спиной. Любое движение яйцеголового сопровождалось лязгом, но сам этот человек, — Лана готова была поклясться, — смеялся. Неужели это начались галлюцинации из-за глазных капель? Нет, зрители волновались и шумели больше обычного, а в проходе раздался грохот — это Катерина в кричащем своём наряде уронила поднос с бутылками. Единственное, что мизерно утешило — респиратора на человеке в передвижной клетке не было, а значит, он сам не слишком опасался поросли, покрывавшей кошачью морду пятнами, словно фактурный пушистый лишай.

— Я отказываюсь от боя! — закричала Лана, поворачиваясь к залу, и глазами выискивая Шульгу. — Это неравный бой! Противник под допингом!

Крик потонул в музыке и шуме зала. Не выпуская зверя, она толкнула и потрясла решётку. Увы, надёжно запертую.

Алексей, заведомо обрёкший Серого на проигрыш и гибель, как обычно сидел в вип-ложе с теми людьми, в лицах которых читался достаток и вес. Он посмотрел на неё и по взгляду чёрных глаз, а Лана изучила уже все его взгляды, она поняла, что тот встревожен и даже напуган. Господин в кресле по соседству коснулся его руки и что-то сказал с недовольным видом.

— Бой! — рявкнул конференсье.

Ударил гонг, и человек в передвижной клетке спустил пантеру с цепи.

Тонко запел Серый, оттолкнулся от живота, выскользнув из рук Ланы с упрямой лёгкостью, и длинными прыжками полетел навстречу чудовищному монстру с наростами на

голове.

«Прямой удар его сметёт и сразу сломает, — с ужасом подумала она, но перед самым столкновением мозгоед увильнул в сторону так быстро, как мог только он, напрыгнул сбоку, рванул за шею и сразу оказался сверху на ксенокошке, меж лопаток, словно маленький наездник на дьявольском коне. В его глазах не осталось янтаря, теперь там плескалась глубокая, как ночь, чернота — так расширились зрачки.

Пантера, не чувствуя боли, даже не вздрогнув, продолжала нестись на Лану и та попяtilась, упёршись спиной в решётку, отделявшую арену от зала. «Ко мне идёт смерть», — вдруг подумалось ей.

Мозгоед обвился хвостом вокруг мощной шеи, упал на морду и впился прямо в нарост. Рванул головой — прочь отлетел кусок зелёной плоти. Пантера хрипло взревела, тормозя, ударила по морде лапой, но мозгоед скользнул под брюхо: рванул, провернул, отскочил, уходя, и повис на решётке.

Крови не было, вместо крови из ран выпадали зелёные наросты, подобные тем, что прорастали глаза, уши и нос пантеры. Та, кашляя, повела головой, выскивая маленького и злого врага, увидела, словно наросты обладали собственным зрением, и ринулась на него. Огромные лапы с острейшими когтями ударили в решётку и та заходила ходуном. Лане казалось, что Серый успел отпрыгнуть. Он тут же вновь напал на кошку с громким и тонким воем, однако, на арену брызнули первые капли красной крови.

Лане в плечо болезненно впелись твёрдые, сухие пальцы. С трудом оторвавшись от дикого зрелища, она обернулась.

— Лезь сюда! — сквозь зубы процедил Шульга, протянувший руку между прутьями. — Лезь по сетке, сейчас, быстро!

— Дай пистолет, — сказала Лана, стряхивая ненавистную руку.

— Не дам! — Шульга коротко мотнул головой. — Просто убирайся отсюда, кому говорю?! Перелезай, я тебя поймаю.

— Я не брошу зверя!

— Сдохнешь, дура!

— Чтоб ты первым сдох, подонок!

Им приходилось кричать друг другу, чтобы хоть что-либо услышать в поднявшейся вокруг адской какофонии из криков зрителей, хриплого рёва пантеры и тонких воплей мозгоеда.

— Ты ебанулась или обдолблась? Лезь ко мне, живо! — быстро говорил Шульга, глядя мимо неё на зверей. — Я ничего не знал! Клянусь, я не знал, что будет такое!

— А что ты знал, уёбок, раз ставил на противника?

Лана плюнула в лицо со шрамом, жалея, что во рту нет кислоты. Тот утёрся рукавом и убрался с мерзкой усмешкой.

На ринге раненый Серый по прежнему безуспешно атаковал противника, всё ещё ловкий, но слишком маленький и совершенно не эффективный: в местах его укусов на чёрном гладком теле расцветали соцветия той зелёной мерзости, что хлопьями покрывала арену, но кошка не утратила ни быстроты, ни силы. Она была смертельно опасна, резка и быстра, она всё так же молотила лапами и щёлкала зубами, пытаясь достать юркого противника и, наконец, ей удалось: высокий прыжок — и челюсти сомкнулись на лапе мозгоеда.

Серый молча впился в нос и вырвал его вместе с куском брокколи, но кошка стряхнула

зверька с морды и придавила могучей лапой. Открыла пасть, примериваясь оборвать его жизнь следующим укусом.

— Серый, ко мне! — закричала Лана, задыхаясь от ужаса. — Увернись и беги, малыш, беги!!!

Услышав её голос, мозгоед оплёл лапу хвостом, извернулся, словно угорь, и смог вырваться. Длинное серое тело покрывали рваные раны от когтей, лапа повисла, живая алая кровь стекала по его бокам на арену, но зверь не отступил и не побежал, а снова закричал пронзительно и тонко. Полыхая ненавистью к врагу и презрением к боли, он пошёл в свой последний бой: бросил длинное узкое тело прямо в морду, поросшую брокколи.

Крик Серого отразился от сводов зала и размножился, распался нестройным эхом, перетёк в целый хор тонких голосов, слившихся в тяжёлый, давящий над музыкой, свистом и воплями толпы сплошной и страшный звук, от которого каждая волосинка на теле Ланы встала дыбом. Потому что так могла кричать только Смерть.

Издёрганная, доведённая до крайности, она подумала, что ей попросту чудится жуткий многоголосый вой, она смотрела перед собой, не в силах оторваться от боя, и не видела, как затыкают уши зрители.

С ограды, отделяющий ринг от зала, совсем неподалёку от Ланы, соскользнуло длинное серое тело.

Это была самка — на брюхе висело небольшое компактное вымя. Она повела головой и на Лану словно дуло двустволки уставились чёрные провалы глаз.

А затем мозгоеды посыпались на ринг.

Они прыгали сверху, падая с балок под потолком, выныривали из-под ног публики, взлетали по решётке и шли на арену, будто полчище огромных серых крыс. Поражённая Лана, вжавшись в решётку спиной смотрела, как точные копии Серого окружают неуязвимую пантеру со всех сторон и начинают рвать на части. Прыжок следовал за прыжком, удар за ударом, отскок за отскоком, словно ими руководил коллективный разум либо другая невидимая и могучая сила. Удар — укус — уход, и в то же место — новый удар — укус. И снова. И снова! Теперь закричал яйцеголовый, всплеснул руками, оглушительно лязгая стальным своим доспехом, и кинулся к прутьям.

— Откро-о...!!! — донеслось до Ланы, и утонуло в восторженном рёве зрителей, к которым с барышом возвращались их потраченные на бой немалые деньги.

Стены ринга ещё не видели такого: на глазах людей стая мозгоедов буквально разбирала на части огромную ксенокошку. Вот отвалилась одна лапа, отпало ухо, за ним — хвост, вторая лапа превратилась в зелёную культю, и пантера упала на пол, огрызаясь, отмахиваясь и щёлкая зубами. Но стая продолжала свою страшную работу, как один огромный могучий зверь, обволакивающий, бесконечно перетекающий. Зверь с десятками оскаленных ртов, зверь с сотней залитых чернотой глаз, он жевал, глодал и обсасывал кошку, пока на арене не остались только шевелящиеся части её тела, зелёная гниль да бессильно клацающая зубами голова.

Наступила тишина, нарушаемая лишь коротким цоканьем зверей и звонким лязгом: это яйцеголовый тряс запертую калитку, через которую вошёл на ринг.

— Дамы и госпо... — начал конференсье с благоговейным ужасом в голосе, но его перебил сухой холодный клёкот, прозвучавший подобно автоматной очереди, сделанной через глушитель. И каждый выстрел был жирной точкой в финале чьей-то жизни.

Как по команде мозгоеды брызнули во все стороны сразу, взлетая на ограду и прыгая в

зал. К людям.

— Бегите! — истошно закричал Шульга у Ланы за спиной.

В тот же миг началась беспорядочная стрельба и грянула паника.

Глава 45. Хаос

*Терпение — добродетель муста,
непраздность — добродетель Матери,
гейм — добродетель воина.*

© Мать Матерей

Она обнюхала Грея и бегло облизала раны. Подошла молодая самка, наверное Сестра, боднула лбом, приветствуя, и с уважением обнюхала укушенную большим, негодным патром лапу.

— Это ты? Это ты? — как заведённый спрашивал он. — Я думал, не увижу тебя никогда.

— Теперь я Мать Матерей, — ответила она и Грей почтительно прижал уши. — Я привела семью убить двуногих. Ты уйдёшь с нами, мой сын.

— Нет, — отказался твёрдо.

Матриарх повернула к нему морду.

— Ты жил в плену, подобно добыче, — холодно сказала она. — Над твоим благородным геймом и здоровой кровью насмехались, принуждая драться в одиночку.

— Я сам шёл в бой за свою новую семью, за двуногую Мать, — возразил Грей.

— Ащц! — Матриарх с досадой поджала губу. — Значит она умрёт первой.

— Если ты сделаешь это, я отдам себя Лесу! — непочтительно крикнул он и младший брат, покрытый шрамами воин, гневно вздыбил холку, но Грей с вызовом выдержал его взгляд — он был старше, а шрамов носил гораздо больше.

Мать молча смотрела на Грея, священное безумие гейма всё ещё плескалось в её глазах.

— Почему? — кратко бросила она.

— Она спасла меня много раз, — ответил тот, — оберегала, пока я не проснулся. Вылизывала мои раны. И она дала мне молоко, как ты.

Матриарх замерла, разглядывая Грея и думая о своём, но вдруг обернулась к семье и закричала:

— Сперва убейте самцов с палками, затем — кого успеете убить. Вперёд, мои воины!

Мусты бросились в бой. Захлопали громовые палки, закричали на все голоса двуногие, как стадо роххов пускаясь наутёк, толпясь в проходах, падая и сбивая друг друга, а мусты преследовали их и рвали. Грей краем глаза увидел, как лёг под Сёстрами самец с болезнью горла, и как грохочет в сторону петляющего брата самец со шрамом, и как отбрасывает раненого брата, но затем бежит, толкаясь, и скрывается в толпе.

Среди многоголосого крика, воя и хаоса побоища, в огороженном маленьком логове для притравки остался только Грей со своими двумя Матерями, да двуногий в отдельных собственных сотах, и тот, забившись в дальний угол, сидел очень тихо, а может и громко, но его трусливый голос было не слышать в песне битвы.

— Яви её пред мои глаза и нос, — велела Матриарх, и Грей на трёх ногах поплёлся к двуногой своей Матери.

— Идём, — сказал он, — и будь почтительной. Глава семьи желает узнать тебя, это важно...

Но та, как обычно, ничего не понимала, а, сидя на земле, всё пыталась схватить его лапами, лопоча, словно птица, и Грей слышал по голосу — была объята страхом, сама как

детёныш, будто не бросалась на усса и не дралась за него с двуногим самцом, тоже мёртвым теперь. Увы, порой гейм покидал её начисто.

Маленький твёрдый камень вонзился рядом с ним, оставив дырку в полу, но Грей отскочил. Даже после боя он был не так уж плох.

— Она боится, — виновато пояснил Матриарху, повернувшись.

Та подошла сама, снисходительно и степенно, с тем особым достоинством, с которым на его памяти ходила Бабка, и которого раньше Грей не видел в ней. Зависла над вжавшейся в соты Матерью.

— Ты дала молоко моему сыну, — медленно сказала. — Ты хорошо прятала его, спящего, и сберегла. Запомни мой запах, двуногая, а я запомню твой. Ты останешься жить.

Матриарх приблизила чуткий нос к её бледной морде, принялась к дыханию, к поту на шее, и вдруг заметила:

— Она непраздна.

— Пища, прятаться, ручей, — ответила Мать дрожащим голосом.

— Она не умеет говорить, — смущённо пояснил Грей. — Ну да, мы приходили сюда спариться и задержались...

— Пора отсюда убираться, — ответила Матриарх, — но сперва расплата. Защищай свою двуногую Мать.

И в два прыжка вспорхнула на соты.

Лана заглянула в чёрные глаза Смерти так близко, как никогда. Узкая морда с седым уже носом, сплошь покрытая старыми шрамами, распялила пасть, полную острейших зубов, приблизилась к её лицу и ноздри раздулись. Смерть обнюхала Лану, заглянула ей в глаза и сухо сказала:

— К-к-к-к-к! К-к.

— К-к-к, — с перепугу ответила Лана, как порой разговаривала с Серым.

Если она хоть что-то в жизни понимала, эта самка была в стае вожаком. «Матриарх, у них матриархат, и она знает Серого, — подумалось Лане. — Чёрт побери, кажется, я подобрала принца крови...»

Она не знала, почему мозгоеды её не тронули, быть может Серый пометил своим запахом, но знала другое: вокруг воцарился ад, в арену врезались две хаотичные пули, а стая мозгоедов теперь крошила азартных дам и господ, ублюдков и проституток, кровососов, членососов и человеческих отбросов, являвшихся в колыбу на бои, а на пищеблоке сидела Капелька, уже собранная, с розовым девчачьим рюкзаком, ждала финала боя и мамы с домашним питомцем, чтобы убежать с колыбы отнюдь не через нулевую точку, а назад, к себе на станцию, прочь за вырубку, лес и замершие прииски. Потому что в переданной через Катю записке размашистый почерк Марьи Ивановны писал о полном карт-бланше. Хвала Линнею, просто вернись, вернись с ребёнком и зверем, все проблемы решены, у нас зелёный легалайс от Ручья и все преференции.

Лана молилась, чтобы бог, если он существует, дал разума поварихе захлопнуть дверь при первых звуках паники... А Серый? Ножка у него была явно сломана, он сам — исполосован кошкой. Так на трёх лапах и передвигался, к счастью, не падал без сил — капли ещё действовали.

— Малыш, мне надо идти, — сказала она, и только тут заметила яйцеголового, вжавшегося в прутья двух клеток: собственной, и решётки ринга.

Экзоскелет, защищавший его от большой ксенопантеры, сослужил яйцеголовому сразу две службы: плохую и хорошую. Хорошим было то, что мозгоеды тоже не могли его достать, а плохим — он сам не мог перелезть за ограду и покинуть арену, как только что собиралась сделать Лана.

Она подошла к этому человеку, а Серый на трёх ногах шёл следом, слева, чуть сзади.

— Добрый день, Светлана, — сказал яйцеголовый, улыбаясь редкими зубами, — позвольте представиться, я Виктор Юхимович, адвокат вашего супруга. Отличный у вас зверь.

— Да что вы говорите?! — дрожащим голосом поразила Лана, такая ненависть в ней вспыхнула, словно кто-то щёлкнул зажигалкой Зиппо. — Так это всё Павор подмутил! Как я не догадалась!

— Я могу быть полезным, Светлана, — доброжелательно и быстро продолжал Юхимович, поглядывая вокруг. — Я знаю мно-о-ого секретов вашего бывшего супруга. Секретов, которые позволят вам отсудить и дом, и фирму, в особенности один замечательный секрет...

— Какой же? — со злым любопытством спросила Лана.

— Который поможет вам сегодня овдоветь и всё забрать без суда.

До этого дня иномирье интересовало Павора только как условно дешёвая мусорная свалка. Со сменой областного ручейника утилизация стала обходиться ему в копеечку, и он подумывал прикупить разрешение на собственную точку, через подставную фирму, конечно, потому что ни единой фабрике по утилизации отходов Ручей такого разрешения пока не дал.

— Слыш, хиппи-перестарок, у тебя хоть деньги есть на ставку? — спросил у Павора парень с ружьём за плечом, один из двоих, стоявших у шлюзовой камеры для проверки посетителей, которые тут снимали фабричные переходные скафандры — нет ли оружия, есть ли деньги.

Эти вопросы ему уже задавали с другой стороны, в миру, на мебельной фабрике, куда он приехал через пару часов после яйцеголового с контейнером: участников пускали и устраивали раньше. Павор знал, что скоро эту точку для Шульги закроют, а землю на много километров вокруг объявят заповедной, отчего браконьер сразу утратит возможность зарабатывать на рогах и копытах, и теперь откровенно злорадствовал. Небольшой, но эффективный ПСМ Павор спрятал под париком, а сверху нахлобучил ковбойскую шляпу, крепко севшую и завершившую его перевоплощение в отброса. Весил пистолет всего лишь полкила, но по уверениям Юхимовича стоил каждой потраченной на него копейки. С этим всем Павор влез в скафандр и тревожился, удастся ли пройти с металлом на башке вместо отдельного чехла и не изувечиться. Удалось.

— Вот, — он похлопал себя по ногам, по всем десяти карманам широких штанцов, набитых купюрами, достал одну пачку и покрутил у парня под носом. — Видал, а? Бабка моя померла, хочу наследство удвоить.

— Ну иди, удваивай, — ухмыльнулся парень, бегло пробежав ладонями вдоль его одежды, а под шляпу не полез.

У стойки тотализатора с полным лысым мужчиной, за бронированным стеклом принимающим ставки, Павор посмотрел, как делают другие, и поступил так же: на предварительные бои поставил то и сё по мелочи, на главный бой — основную сумму.

— Ставь на мозгоеда, он топчик, — шепнул шустрый мужичок с острым носиком, и

добавил: — Одолжи сотню, а?

Павору не понравилось, как мужичок прижимается, и он оттёр его локтём — ещё сопрёт наличность.

Кого в колыбе в этот вечер только не было! Встретил Павор и знакомых бизнесменов, и даже отчасти знакомого начальника городской полиции в сопровождении увешанной янтарём дородной и холёной красавицы-супруги, в прямом и переносном смысле — пышной барыни. Он чуть не поздоровался от неожиданности, но, к счастью, вовремя вспомнил, что сам инкогнито, и занял скромное место в задних рядах.

Сильно покрашенная женщина, едва одетая в кусочки латекса, с огромной шляпой в виде бокала на голове, подносила всем желающим выпивку. Павор, разумеется, взял стаканчик — виски у Шульги был отменным. «Ничего, скоро это всё лопнет, как мыльный пузырь, — с удовольствием оглядывая зал, подумал он, — будет Лёха строить новую колыбу в неизвестных ебнях...»

Вдруг Павор поймал себя на том, что шарит глазами по сторонам отнюдь не для того, чтоб разглядывать чужих красоток с голыми ногами и плечами, которых мужчины брали с собой на бои, чтоб разогнать азартом стылую кровь, и которые были таким же атрибутом статуса, как хороший костюм. Он отчаянно хотел увидеть Светлану, ему всё казалось, что сейчас она выйдет в зал откуда-то из внутреннего хода, ведущего в коридоры колыбы, хотя Павор прекрасно знал, что появится жена только на арене во время финального боя. «А ведь я всё ещё её люблю, — вдруг подумал он, — оттого и ненавижу, что люблю, а она забрала себя у меня...»

Пришёл Шульга с большой шишкой — генеральным директором фармацевтического концерна, завсегдаем ксенобоёв, уселся в огороженной вип-ложе. На высокую стойку выбрался конферансье в розовом смокинге, в кричащем боа из страусиных перьев, и стал орать мерзости — начинались бои.

— Позвольте пройти, — сказал Павор, протискиваясь через обувь и колени молодых парней, по виду байкеров.

— Куда ты прёшься? — недовольно сказал один, бородатый.

Он даже не повёл закинутой на колено ногой в сапоге из кожи ксеноящера, в подобной обуви щеголял Шульга.

— Понос у меня, — виновато пояснил Павор. — Нервничаю, все деньги поставил, а на нервной почве всегда дрыщу. Сейчас обосрусь, мужики, буду вам смердеть под носом целый вечер, места-то рядом.

Нога сразу убралась.

— Где у вас туалет? — спросил Павор у длинного худого парня с ружьём, в защитном комбезе охотника, стоявшего у выхода.

— Шоу началось, — недовольно ответил тот.

— Припекло, братан!

— Вон кабинки. Живо.

Кабинка экотуалета — не то, что Павор хотел, а хотел он проникнуть внутрь колыбы, наверх, а не в бойцовский зал в подвальном этаже. Впрочем, даже в кабинке нашлось зеркало. Павор снял шляпу, парик, проверил пистолет и переложил в карман, присобачил назад маскарадные принадлежности, вернулся в зал, но на прежнее место не пошёл, а стал с краю, у стены, поближе к выходу. Была у него какая-то скверная чуйка, что дело пойдёт не так и не туда, куда они с яйцеголовым тянули возжи, ведь удача — норовистая кобыла, но

Павор подобные мысли гнал прочь, потому что на кону стояла сама Справедливость. Смотрел бои невнимательно, не разделяя восторгов и огорчения зала, и еле дождался финала.

Он ожидал увидеть Светлану в её вызывающем ярком платье, но остался разочарован — она вышла на бой одетая так, словно собиралась возиться на клумбе, с волосами, собранными в хвост. За плечами был небольшой рюкзак, в руках она вынесла небольшого своего монстра и теперь потерянно смотрела на бессмертного зверя. Затем стала трясти решётку — о-о-о, выхода не было! На какое-то время ему стало жаль её, и Павор наслаждался этим острым и болезненным чувством сострадания к женщине, которую всё-таки любил по-настоящему, но тут же напомнил себе, кто виновница всех его бед, и жалость растворилась в предчувствии торжества справедливости, как шот коньяка растворяется в чае, делая его более крепким и душистым.

Длинную серую тварь он заметил случайно, просто опустил руку к карману с пистолетом, а глаза следом, и вдруг увидел, что у плинтуса имеется хвост. Присмотрелся внимательно и в самом деле чуть не обосрался. В метре от него замер, прижавшись к плинтусу, натуральный мозгоед, совсем такой, как тот, что сейчас медленно дох на арене, хоть в этом яйцеголовый не подвёл. Бессмертная кошка работала — что надо, но против одного мозгоеда, не двух. Больше Павор ни на что другое смотреть уже не мог, а стоял так же неподвижно, как и замершая тварь. Боялся, чтоб не кинулась.

Когда они полезли со всех сторон — он выскочил из зала первым, не дожидаясь финала боя.

Ломанулся в шлюзовую камеру и стал натягивать стандартный переходной скафандр из сваленных в кучу. Руки тряслись, и застегнуться Павор смог с шестого раза. Вдруг опомнился — как он включит нулевую точку? Она активизировалась явно дистанционно, в другом месте. А ещё где-то тут, в колыбе, сидит его дочка! Павор схватил второй переходник, и как сумасшедший побежал мимо кабинок не вниз, а в сторону, напряжённо прислушиваясь к шуму азартного зала, в котором, перекрывая музыку и голоса, вдруг завывло всё иномирье сразу.

Павор заплутал в коридоре, потыкался как беспомощный щенок в запертые двери, и вдруг ввалился в открытую: он оказался в бабской комнате с двумя кроватями, полной женских шмоток. Плюнул, выбежал прочь. Тем временем в зале, внизу, загремели выстрелы и дико закричали люди, поднялся тот гвалт, вой и грохот, который ни с чем нельзя было спутать. Спрятаться. Нужно было срочно как следует спрятаться и пересидеть. Вернуться в женскую комнату и запереться там?

Словно в ответ на его мысли раздался голос Капочки.

— Баба Лиза, где стреляют? — пронзительно крикнула она.

Павор помчался на голос, молясь, чтобы дочка ещё что-нибудь сказала.

— Но там же мамочка! — снова крикнула дочка совсем рядом.

Весь мокрый от бега в резиновом переходном скафандре, Павор свернул на голос, ткнулся в ещё одну запертую дверь, ударил в неё плечом со всей силы и вломился в пищеблок, дико вращая глазами.

— А ну пошёл отсюда! — неуверенно сказала Павору дородная баба в возрасте, судя по внешности — грубая и пьющая тётка. — Тебе чего?

Длинные столы пищеблока были уставлены тарелками с фруктами, нарезкой, канапе, и подносами с чистыми и грязными стаканами. На полу ящиками громоздилась выпивка.

Рядом с тёткой, с надкушенным яблоком в руке, стояла дочка. Увидев её, Павор чуть не заплакал.

— Капочка, это я, — сказал он, срывая бессмысленные теперь бороду и парик.

И привалил дверь тумбочкой.

— Это ты?! — поразилась дочка, бросая яблоко. — А где мамочка?

— Мамочка сдохла, детка, мамочки больше нет.

Она не помнила, как перемахнула через ограду ринга. Наверное, как-то перелезла, цепляясь за сетку, потому что вдруг поскользнулась в крови и чуть не упала. Посмотрела вниз — под ногами лежал, кажется, Макар, а может Шурик, тот тоже был тёмноволосым, но по лицу парней опознать не смогла, потому что лиц не осталось. Она думала, что привыкла к виду крови и смерти, но оказалось — нет, потому что опять стошнило.

Подавляя рвоту, Лана пошла прочь из зала, заваленного телами. Нет, всё-таки тот, первый, был Шуриком, потому что Макар нашёлся в проходе дальше, рядом с Саломе. Бедная Саломе, умевшая делать такие чудесные причёски, теперь навсегда бросила пагубное пристрастие гулять по маковому полю. Рядом с ними лежал мёртвый мозгоед, самка. Лана подобрала ружьё, проверила, заряжено ли. Внутри оказалось два патрона. Хотя, зачем ей ружьё? Ведь за нею по прежнему следовал Серый, забегал чуть вперёд, а временами отставал, чтоб обнюхать трупы. Слава богу не ел, а то Лану бы снова вырвало. Нет, ружьё пусть будет.

Выход загораживал труп конференсье с разорванной шеей, его розовый смокинг стал бордовом, а боа слиплось. Лежал он скверно, весь изломанный — никак не обойти, и Лане пришлось взобраться на конференсье, чтоб перелезть сперва его, а затем господина в прекрасном костюме.

— Дамы и господа, — крикнула она, и серая тварь с окровавленной мордой отпрыгнула от трупа женщины в блестящем ярком платье чуть поодаль. — Ублюдки и проститутки! Кровососы, членососы и человеческие отбросы! Перед вами победитель.

Она ткнула пальцем в ещё одного мозгоеда. Тот посмотрел на неё янтарными глазами с круглой точкой зрачка, и отошёл неспешно, без агрессии.

Запертая шлюзовая камера обнадёжила Лану. Пусть перед нею и лежали мёртвые тела, по которым разгуливали мозгоеды, но запертые двери означали, что части зрителей удалось спастись. Она искала тело Алексея, но не нашла, кажется, Шульга смог уйти или запереться. Она высматривала тело Павора, ведь яйцеголовый сказал ей, что муж где-то здесь, но и его не находила. Из кабинки экотуалета расплывалась кровавая лужа. Лана заглянула — на унитазе пригорюнился незнакомый человек с ирокезом на выбритой голове, обескровленный и восково-бледный.

Двое мозгоедов крутилось у ставочной стойки, цокали, трогали пуленепробиваемое стекло носами и лапами, пачкая красным. Там, за стеклом, заляк смертельно бледный Игорёк, а к нему — слава Всевышнему — прижималась Катерина с расцарапанной щекой. Это были первые живые люди, которых увидела Лана, и она очень обрадовалась.

— Привет, Игорь, — сказала она, подходя к окошку и рукой отстраняя навязчивую самку, норовившую просунуть туда нос и лапу. — Вы как, ребята?

Самка зыркнула чернотой, ощерилась, но убралась.

Кажется, если бы пред Игорем появился сатана, взошедший прямиком из ада в кровавом свете своего величия, его лицо не изменилось бы, а взгляд остался бы тем же потерянным.

Лана пощёлкала пальцами у него перед лицом и он очнулся.

— Привет, — сказал Игорь.

— Молодцы, что в порядке. Кать, ты поставила на мозгоеда мои деньги?

Катерина кивнула. На шее и руке у неё была кровь, но, кажется, не её.

— Сколько мне причитается?

Игорёк оживился и полез в компьютер.

— Ты поставила двадцать тысяч, — сказал он. — И ещё были ставки на мозгоеда... А против... Так... Полагается тебе двести тысяч.

— Сколько? — переспросила Лана.

— Двести, — повторил Игорёк, и начал выгребать из ящиков деньги.

Краем глаза Лана заметила, что джинсы у него мокрые, но теперь Игорь занялся привычным делом и немного пришёл в себя.

— Ты подготовь, я на обратном пути заберу. Кать, ты не была на пищеблоке?

— Оттуда и шла, когда началось, — произнесла наконец-то певица. — Потому и жива.

— Я скоро, — пообещала Лана, — я за Капелькой.

«Почему они так смотрят?» — подумала она.

В стеклянном пуленепробиваемом стакане Игорёк с Катериной провожали её долгим взглядом. Лана оглянулась, и обнаружила, что за ней кроме Серого следует целая процессия. Он — близко, остальные поодаль, не меньше семи любопытных душ.

— Я не знаю, что мне теперь делать, — пояснила мозгоедам Лана. — Я не знаю, что мне делать и с этой всей поеботой и с вами, блядьми. Я, кажется, тронулась.

— К-к-к? — спросил Серый.

— К-к-к, — со вздохом ответила Лана.

В коридорах колыбы трупов было мало: двое фабричных рабочих и один охотник, подле того нашёлся второй мёртвый мозгоед, самец.

— И так бывает, — пояснила Лана эскорту.

Двери пищеблока, хвала всем святым, оказались заперты. Перед ними лежала Валентина с дырой вместо глаза. Шляпка с фужером съехала на бок, Лана сняла её и накрыла изуродованное лицо. Зэчка гарантированно ушла от своего тюремного срока. Затем постучала в двери:

— Ау? Есть кто живой?

— Мамочка! — закричала Капелька. — Я знала, что ты вернёшься!!! Это мама, мама!

Что-то тяжёлое отъехало от двери и Лана толкнула её от себя.

— Привет, дорогая! — сказал Павор.

— Ну, привет, — ответила Лана, глядя на пистолет в его руке.

Глава 46. Лана, расплата

Она смотрела на Павора и не понимала, как могла с ним сойтись, как могла терпеть его шесть долгих лет, и самое главное — каким образом от него получилась такая славная дочка. Видимо, семя не имело значения, только земля, только лоно, и она подумала: «Это только моя дочь, не его...»

— Если ты выстрелишь, то гарантированно ляжешь трупом, — тихо сказала Лана. — Если не выстрелишь — я попытаюсь тебя спасти ради дочери, чтобы не слышать обвинений, что я виновна в смерти её биологического отца.

Поварихи нигде видно не было, а Капельку муж держал за руку.

— Мама, папочка бабу Лизу в холодильнике закрыл, — сказала дочь, с опаской озираясь на отца — боялась и робела.

— Ты меня бросила, — сказал Павор, глядя сперва на Лану, а затем вниз, ей под ноги. — Ты меня унизила перед людьми.

— И ты решил меня убить грибковой кошкой! — кивнула та.

— Только зверя. Тебя я хотел вернуть, — сказал Павор. — Я любил тебя по-настоящему, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — покачала головой Лана. — Когда любят — не причиняют вред.

— Дай мне ещё один шанс, — сказал Павор, не сводя с неё чёрного пистолетного глаза. — Ради дочери! Клянусь, что больше ни разу, ни пальцем, ни словом...

— Нет, — презрительно бросила Лана.

— Но почему? — не понимал муж, он едва не плакал и, кажется, был на грани паники. — Ты жила на всём готовом, я покупал тебе любую одежду, везде водил и возил!

— Зачем давать мудаку второй шанс? — Лана пожалала плечами, разглядывая его, словно гадкое насекомое. — На свете очень много мудаков. Шанс давать нужно новым.

Пистолет дрогнул, одновременно с этим Серый прыгнул вперёд. Грянул выстрел, и зверь упал на подлёте.

Заплакала Капелька, вырывая, выкручивая из отцовской руки ладошку, бросилась к нему. Затрещала, словно взбесившись, зацокала стая у неё за спиной.

— Не-е-ет! — протяжно и дико крикнула Лана, оскалившись, закрывая Павора собственным телом и расставив руки. — НЕТ!!! — Гаркнула она, делая шаг к мозгоедам, глядя в оскаленные рты и чёрные провалы глаз.

— Я сама.

Она схватила ружьё за дуло и прикладом рубанула Павора по руке. Вторая пуля ушла в пол, а пистолет упал. Не раздумывая, Лана со всей силы саданула берцем мужу между ног, да так, что голеностоп заныл, и Павор, резко выдохнув, сложился и присел. Тогда она врезала прикладом в бледное лицо с вытаращенными глазами, нос хрустнул, ломаясь, муж тяжело упал на бок. Со сжатым в нитку ртом Лана принялась месить его ногами. Била по бокам, жирному брюху, била окровавленную рожу, которая пыталась уворачиваться и закрываться руками, била и эти руки тоже. Те всё цеплялись за приклад, но Лана сбрасывала их берцами и месила, пока Павор не закричал, и этот крик родил сладкое чувство в её груди.

— Этой! Рукой! Ты бил! — приговаривала она, как сумасшедшая работая ногами и прикладом, сверху вниз, будто дрова рубила или выбивала ковёр, ей хотелось забить его насмерть как змею, проползшую через унитаз, и она с остервенением и вскриками утюжила

ненавистное лицо и тело. — А этой! Хотел! Обнять!

Задыхаясь, она перевернула ружьё, прижала приклад к плечу и прицелилась в упор. Пришла пора овдоветь.

— Мама, мамочка, не надо! — заплакала Капелька, цепляясь за ноги и пояс.

Дочь повисла на Лане, и та очнулась.

Павор стонал, поджав ноги к животу. Лицо его уподобилось отбивной котлете, пальцы были сломаны и, кажется, левое предплечье, его муж баюкал на груди. Серый лежал без движения, окружённый самками — те быстро лизали его раны. Лана разогнала мозгоедов и прижала ладонь к его грудке — сердце билось. Она вознесла краткую молитву и только теперь смогла перевести дух.

— Тётя Лиза, выходите, — сказала она, открывая большой колыбный холодильник, целую комнату с полками — на всю артель.

— Нет, — ответила продрогшая повариха, сидя на головках сыра и как дубину сжимая окорок.

Лана пинками погнала Павора в холодильник.

— Ползи, уёбок, — приговаривала она, охаживая его так, как давно следовало, — и молись: сегодня твой второй день рождения.

Тот выплюнул зубы и со стоном пополз. Пришлось снова стать между ним и мозгоедами, потому что когда Павор двигался — те начинали шуметь.

— Даже выебать как следует бабу не можешь, ничтожество, — тихо сказала Лана мужу на прощанье, — сука, шесть лет с тобой просрала, ни жизни, ни секса не было. Ты кончал за три минуты, неликвид, жирная мразь.

И захлопнула за ним двери. Подумала, и открыла снова — Павор дёрнулся, закрывая кровавое лицо, но она только бросила тётке Лизе её большую пушистую кофту.

— Посидите пока тут, — добавила.

И закрыла снова.

— Чо, милок, и впрямь за три минуты? — спросила повариха после паузы.

— Я всё просрал, — разбитыми губами прошамкал Павор и зарыдал.

— Цыц, не вой, — велела повариха. — Радуйся, что жив остался.

Она была права, на все сто процентов права, эта старая, пьющая баба, умом Павор всё понимал, но сердцем оказался даже не в аду, а в самом довлеющем Ничто. Требовалось хоть что-нибудь, появившееся в пустоте, хоть частично заполнившее её, и милосердный Господь сжалился над Павором: баба встала, побряхтывая. Постучала и повозилась в темноте на полках, пошуршала пакетами, звякнула стеклом, и в руку ему сунулась пузатая бутылка.

Глава 47. Грей

Он очнулся от боли в груди. Мать положила Грея на лежбище в их части логова, и Сестра была тут же, и младшие Сёстры, и двое братьев.

— Надо лизать! — возмущённо кричали те. — Двуногая не лижет и нам не даёт!

— Она знает, что делать, — ответил Грей и обессиленно закрыл глаза.

Мать пальцами и тонкой шпуккой больно ковырялась в ране, и штука была длиннее и твёрже языка мустов. Ею мать подцепила и достала кусок твёрдого камня, засевшего в Грее, выбросила его. Затем намазала вонючей дрянью и прилепила куски липкой шкуры, а лапу примотала к палке, как раньше делала, и вытерла его тёплым и мокрым, вроде большого языка. Грей ждал молока, но его больше не было, наверное кончилось. Конечно кончилось, ведь Мать теперь ходила непраздной. Он попил предложенной воды, вздохнул и вырубился. Когда очнулся — показалось, что долго спал, но нет, всё ещё длилась ночь. Рядом стояла вода в твёрдой лужице, её по очереди пили все и он тоже попил, тогда стало легче.

На лежбище было полно мустов, Сёстры грели его боками, даже Мать Матерей сидела рядом, Грей увидел её и обрадовался.

— Твоя двуногая хороша, — сказала Матриарх. — Она достала пальцами твёрдый камень из Редхи, такой же, как сидел в тебе, который мы не могли вылизать сами.

Редхи лежал тут же, он уже содрал кусок шкуры, прилепленный Матерью, и теперь лизался с презрительным видом воина — ерунда, царапина.

Сестра в углу пыталась бросать лёгкий шар младшим братьям, но те не понимали как играть, сторонились и щерились, отбегая. Эх, глупые, Грей бы показал, как надо! Да не может, совсем ослаб, и лапа сломана.

— Где Мать? — спросил он.

— Ащц! Я здесь, глупец.

— Двуногая моя Мать?

— Она делает странное, — ответила Матриарх. — Мы ходили за ней, смотрели, не понимаем, для чего. Не ест и не охотится. Что ты видел? Что ты узнал, сын мой?

Брат по имени Йел взобрался на лежбище, ткнулся лбом.

— В той части логова, где мы заели больную самку патра, — сказал он, — она закрыла морду шкурой и поливает вонючими слюнями землю, и сыплет зловонным песком, я не смог подойти, так едко пахнет.

— Двуногие?

— Двое живых сидят за твёрдой водой, их видно, но не достать.

— Ащц! — с досадой воскликнула Матриарх.

— Ещё двое в холодной пещере, куда их загнала самка, но открыть нельзя, мы рыли лапами. Многие ушли через воющий выход, туда тоже не забраться, слишком твёрдо, лаз не прорыть.

— Ащц!!! Значит, они вернутся с громовыми палками, трескучками и новым ядом.

— Двуногих очень много, — вставил Грей и все повернулись к нему. — Они приходят через визжащие входы и уходят. Где-то далеко, за лесом, есть логово, огромное как муравейник, и всех не перебьёшь.

Матриарх задумалась, мусты утихли.

— Эта война никогда не закончится, — сказала она наконец. — Болотная и горная

семьи отказались сражаться вместе со мной, а наша семья слишком мала, чтоб сражаться в одиночку. Сегодня мы потеряли как пальцев на лапе Матерей и воинов, ещё столько же ранены. Надо уходить. Встань, мой сын, ты пойдёшь с нами.

— Нет, — отказался Грей. — Мать спарилась, мы вернёмся в старое логово.

— Ащц!!! Твоё место с подобными тебе...

— Там поле, ельник за ним, дневные крыланы летают, — заговорил Грей, мечтательно закрывая глаза. — Цветы и растения, трава мягкая, как шёлк, желудок чистить, кусты и низкие деревья — лазать. Там соты раньше бились, но потом сдохли, можно входить и выходить. Есть где рыться, где спрятать молодняк. Там много мяса, чистая вода и рыба без костей, о-о-о, как она вкусна!

— Без костей не бывает, — возразила старшая из Сестёр.

— Вот увидишь, — твердил Грей. — Мать даст вам столько рыбы, сколько сможете съесть.

— Мы много едим! — фыркнул брат-разведчик.

— В холодной пещере еда никогда не кончается. Идёмте со мной.

Мусты умолкли и стали глядеть на Мать Матерей. Та сидела неподвижно, словно изваяние — думала.

— Она терпелива, полезна пальцами и носит плод во чреве, — произнесла наконец. — Непраздность — добродетель Матери.

Затем опять умолкла, семья ждала её слов.

— Мусты не могут выбить всех двуногих, но *семья* может завести своих, подобно тем двоим, котрых ты завёл, мой сын. Пусть служат как сторожа от остальных своих сородичей. А чужаков станем гнать. Я посмотрю на ваше логово.

Мозгоеды крутились повсюду, куда не сунься. Сколько их было в стае? Двадцать? Больше? Она поставила миску с водой в их с Капелькой бывшей комнате, настрого велела никуда не выходить. Насмотрится ужасов, станет кричать по ночам. В медкапсуле Лана взяла несколько ампул Глобала и впрыснула в воду для зверей — мало ли.

В дубильне нашла мешок негашеной извести и контейнер с концентрированной перекисью — следовало непременно подумать о грибке, как она, возможно ошибочно, идентифицировала зелёную дрянь, поразившую ксенокошку. Но оставлять на арене зелёные обрубки, клочки и всё ещё шевелящую челюстью голову однозначно не следовало.

Яйцеголовый сидел на прежнем месте и при виде неё обрадовался.

— Вас так долго не было, Светлана, я уже стал тревожиться, — льстиво начал он. — Вы не могли бы открыть?

— Сейчас открою, — ответила та. — Я пришла убираться. Утилизация отходов.

И хладнокровно разрядила пистолет Павора ему в грудь. Отдача заставила отшатнуться. Яйцеголовый с лязгом лёг на ринг и больше не шевелился, Лана для верности послала в вытянутую голову последнюю пулю. Эта сволочь и завершила превращение Павора в скота, и здесь не было дочки, нервы которой требовалось пощадить. «Просто необходимая часть уборки...» — подумала она.

А утилизация предстояла серьёзная. Лана залила всю арену концентрированной перекисью и та забурлила, погнав шапки пены. Она дождалась, пока шевеление утихнет, затем совком и веником собрала в железную бочку большие и малые куски побледневшей, выцветшей брокколи. Сверху засыпала негашеной известью. Подумала и щедро посыпала

яйцеголового сквозь экзоскелет и весь пол, стараясь попасть в каждую щель. Известь кончилась — и она притащила другой мешок, распылила порошок по всем проходам зала. Ещё раз осмотрела трупы — на них зелёной поросли не нашлось, наверное, грибок поражал только живые организмы. Уставшая, с поникшим лицом, вернулась в комнату и даже вздрогнула — та кишела мозгоедами.

— Мамочка, эти Серые не играют! — сердито сказала Капелька. — Они глупые и не дают погладиться.

— Они дикие, — вздохнула Лана. — Я же сказала их не трогать. Где твой рюкзак?

Она надела на плечи свой, с ценностями и собранными деньгами, пистолет сунула в карман, ружьё поставила на предохранитель и тоже взяла с собой — на всякий случай. Как ребёнку завернула в одеяло Серого, да так и пошли: они с Капелькой впереди, мозгоеды, переговариваясь на своём наречье, следом. Прощай, колыба.

Лана решила взять один из охотничьих пикапов, выбрав тот, что смотрелся понадежнее, с полным аккумулятором. Посадила дочку, вручила ей в руки Серого, выгнала мозгоедов из кузова, обошла вокруг машины и села за руль, выгнала мозгоедов из-под ног, захлопнула дверь, посмотрела в зеркало, снова вышла. Аплодисментами — браво, суки, бра-аво!!! — ещё раз выгнала мозгоедов из кузова, вернулась за руль и уронила голову на руки, потому что стая опять сидела в кузове, а двое — даже на капоте.

— К-к-к-к, — тихо сообщил Серый из одеяла.

— Да я уже поняла, что к-к-к, дай мне время смириться.

Уставшая дочка уснула, едва машина тронулась, но Лана радовалась, что перед боем закапала глаза — только это держаться и помогало. Ехала она медленно и дважды свернула не туда, отчего пришлось возвращаться. Слава богу, аккумулятора хватило до самой станции.

— Вставай, малышка, — мы приехали, — тихонько сказала Капельке, трогая её за руку, но та не проснулась, и Лана выбралась первой.

Всходило солнце. Край неба розовел над полем, светлела, размягчаясь, ночная тьма над чёрным ельником, а у реки перекрикивались первые птицы. Зияли широко распахнутые ворота станции, словно Лану тут ждали. Розы оказались вытоптаны какими-то животными, фруктовые саженцы объедены и уничтожены, а виноград разросся и одичал. Сперва она занесла вовнутрь Серого, затем — спящую дочь, уложила на своей кровати. Рядом, на тумбочке стоял будильник — его Лана по привычке отключила.

Пошла в командный пункт, распахивая ногами мозгоедов, чтоб не лезли в двери и, наконец-то, повернула рубильник, пуская по станции ток. Везде, кроме забора. Затем сняла телефонную трубку, с замиранием сердца услышала гудок. Набрала единицу — инженера по ТБ, и заплакала, когда на том конце, в далёком и желанном мире, прозвучал заспанный голос не кого-нибудь, а Марьи Ивановны.

— Живая? — быстро спросила куратор. — Слава Линнею!

— Живая, — солгала она.

Прежняя Лана скончалась в болезненных ранах, интимных и глубоких. Вместо неё с куратором говорила какая-то другая женщина, мстительная, жестокая, сомнительной нравственности. Нет, этой женщине тоже нет места на свете. Лана слепит себя заново.

— Зверь с тобой? — продолжала куратор. — У меня все планы на нём построены...

— Со мной, — вздохнула Лана. — Но есть один нюанс...

Глава 48. Жуже

— Семнадцатая, срочно требуется усиленный наряд рейнджеров на базу ЖТ-4-ОВ!

— Четвёртая, что за база?

— Бывшая энерготочка мебельной фабрики, территория нового заповедника. Нам сообщили про опасность грибкового заражения, наличие мёртвых тел и необходимость эвакуации живых.

— Четвёртая, сколько тел?

— Семнадцатая, никто не знает. Но грибок — японский, тот же, что и тут.

— О блядь...

— О да...

Когда шефиня вызвала Женьку с Жулем, у того внутри всё оборвалось. «Допрыгался, — думал Женька, со злобой и острым горем глядя на напарника. — Кто-то стукнул о его поборах с тех мёртвых копателей. Либо — с живых браконьеров. Либо — ещё какая-то скверная хуйня...»

Оказалась в самом деле хуйня, и не «какая-то», а ебейшая, врагу такой не пожелаешь.

— Распоряжение центрального узла Ручья, — сказала шефиня, и была она предельно серьёзна, — восточно-европейского центра. Нулевая точка мебельной фабрики деактивирована, фабрика арестована. Вы отправитесь на эту станцию через другую точку, из офиса фармкомпания, с выходом в двадцати километрах южнее. С вами поедут медицинские работники, санитарные инспектора, внутренняя полиция и служба безопасности Ручья, всех по двое.

Глаза у Женьки чуть не вылезли на лоб от этой новости. Но этого было мало: дверь в кабинет открылась и вошёл полный медик в очках, в двух масках, тряпочной и стеклянной, в полной антибактериальной защите. В руках он нёс контейнер с одноразовыми шприцами. Медику было жарко в его амуниции, по лбу катился пот, круглые очки запотели.

— Руку, — сказал он. — Глобал.

— Мы привиты, — возразил Жуль.

— Оголились оба, — ледяным тоном приказала шефиня. — Мы на пороге эпидемии.

Женька закатал рукав и получил укол, как и Жуль. Переглянулись — происходящее очень не нравилось.

— Ваша задача будет такой, — продолжала шефиня: — привозите людей на станцию мебельной фабрики, превращённую в ксенобойцовый ринг под самым вашим носом, чёртовы ослы, обходите её снизу доверху, полиция составляет протоколы *о заражении Хика2036*, СБ занимается утилизацией трупов людей и животных. Вы двое — собираете живых людей, которых должно найтись не меньше четырёх, из которых двое сидят в кухонном холодильнике, в данный момент отключённом. Медики осматривают их на предмет грибка, помещают в бокс-капсулы, вы всех доставляете сюда, где СБ задерживает, нечего им болтаться и болтать. Особенно нас интересует один.

— Кто? — хмуро спросил француз.

— Виновник распространения грибка. Этого надо арестовать. И вот ещё.

На стол шлёпнулась бумага.

— Подписка о неразглашении, — сказала шеф.

Что оставалось делать? Жуже опять переглянулись и подписали.

Из столицы прислали мощный грузовик-электрокар, с таким мотором, что хоть лес вали. Внутри, за надписью «люди» расселось восемь человек группы с хмурыми, озабоченными лицами, всякий со своим оборудованием, а медики даже с пятью специальными медкапсулами с особой фильтрацией воздуха — инфобокс. Инфобоксы выстроились, как гробы. Группа получила строжайший общий приказ — не допустить распространения эпидемии Хика2036, попросту «японки», *любыми средствами*. К счастью, при всей своей заразности, стойкой японка не была, прекрасно истреблялась антисептиками, а на ранних стадиях заражения, до того, как грибница прорастала весь организм, лечилась вульгарным нистатином, ударные дозы которого теперь «в миру» вливали тем заражённым антиваксерам, которых, на их счастье, удавалось вовремя поймать. Весь район оцепили, перекрыли въезд и выезд. Нацгвардия в сопровождении медиков ходила по квартирам и домам — прививали Глобалом всех, без разбора, не слушая возражений. Фармкомпания «Healthy nation» получила огромный государственный заказ на изготовление вакцины и несколько заграничных заказов.

— Вспомнишь моё слово, фармкомпания эпидемию и устроила, — сказала Женьке по телефону взволнованная новостями мама. — Чтоб озолотиться.

Но упаси Господь от расползания грибка по иномирию...

Женька сел за руль, Жуль устроился рядом, оба в алых ручейных суперкомбезах рейнджера, вооружённые до зубов, и по компасу поехали до старой вырубki янтарной компании, лицензию которой отозвали после появления мозгоедов. Здесь крылся дополнительный сюрприз — с прошлой недели за убитого мозгоеда ввели такой штраф, что внуки не расплатятся. Жуль сказал, что если бы эти твари объявились в условно китайских проекциях — давали бы смертную казнь. К счастью, Женька лично видел мозгоедов только с коптера, на болотах, до прямого столкновения слава богу не доходило, иначе убьёшь какого — и прощай, мечта о собственном, несъёмном жильё.

Добирались скверно. Дорог-то нет, пока по полю и по тропе рогачей словно в танке прыгали до вырубki — растрясло нехило. В крытом кузове раздался грохот, и толстый медик Коля, тот, что делал прививки, заколотил в кабину с криками:

— Мать твою, косорукий пидор, кто тебя за руль, гандона, посадил?!

— Садись сам, умник! — огрызнулся Женька.

— И сяду! И лучше поведу!

Женька лишь краем глаза успел заметить догонявшую их огромную тушу. Жуль заметил тоже слишком поздно, он успел крикнуть:

— Осторожно, держись!

И в грузовик врезался огромный рогач, да так, что машину подбросило и развернуло, а в кузове всё и все посыпались как кегли.

Был он чёрный как ночь, зловонный как дьявол, огромный как гора. По задним ногам, пропитывая шерсть, стекала гормональная моча — самец был в гоне и ни черта не соображал, принял грузовик за соперника или опасного зверя и, не раздумывая, атаковал. Вот рогач остановился, силой инерции ломая крепкое дерево будто прут, взревел, заглушая шум мотора, пригнул башку размером с бочку, увитую баранками рогов с многолетними кольцами, и снова бросился в бой.

— Гони по тропе! — закричал Жуль, хватая огнестрел.

Какой тут транквилизатор? Прямая опасность для жизни.

Женька погнался, как сумасшедший, а Жуль, зацепившись ногой за сидушку, повис в трясущемся окне, посылая во взбешённого монстра одну за другой тяжёлые разрывные пули, и раз попал, потому что тот взревел от боли, но продолжил погоню с прежней яростью. Впереди тропу перегораживал ствол, и Женька резко затормозил, отчего напарник едва не выпал.

— Стреляй! — дико крикнул, сам хватая ружьё.

Жуль упёр приклад в плечо, свёл цель с мушкой и выстрелил.

— Есть! — сказал с удовольствием. — В глаз.

Гигант утробно простонал и рухнул на бегу. Скорость его движения протащила огромное тело метров семь, и он снова врезался в грузовик, только теперь — мёртвый, как глина, взрытая его ногами.

Из кузова вылезла обосравшаяся группа. Оценивали повреждения, ощупывали друг друга, с ужасом и восхищением разглядывали мёртвого рогача, какой-то внутренник с ним быстро сфоткался. Медики заклеили царапины пострадавшим, а СБшнику укололи промедол и наложили шину на сломанное предплечье. Из пяти медкапсул в рабочем состоянии осталось две, оба врача чуть не плакали. Зато санработники бурно радовались, что их канистры уцелели, один размашисто крестился, глядя в небо.

— Бахнуло бы так, что и хоронить некого было, — пояснил он.

Какие яды они там везли?

— Ну что, поведёшь? — хмуро спросил Женька медика Колю.

Бледный блин его полного лица в круглых очках контрастировал с алым ручейным комбезом, отчего Коля походил на польский флаг.

— Прости, был неправ, — коротко ответил тот, и протянул Женьке телефон. — Слушай, сфоткай меня с этим монстром? Анестезистке покажу...

Потом убрали с дороги упавшее дерево и буксировали труп рогача — назад-то ехать надо? Женька сердился, кричал и матерился как никогда в своей жизни. Чёртова группа, непуганые идиоты, вели себя в лесу как дети, и ему приходилось следить за ними как воспитателю, если бывают воспитателки со стволом. Когда они подъехали к отключенной станции, точнее — браконьерской колыбе, он был взвинчен по самое не могу.

А там их ждал пиздец, притом, уже виденный ранее, и Женька поставил диагноз пиздецу с первого взгляда, потому что на точно такие же трупы составлял протокол собственными ручками — в лагере чёрных копателей.

Первое тело с вырванным глазом и куском шеи лежало ещё в коридоре, второе нашлось метрах в десяти. В холле их было сразу восемь, но остальные концентрировались внизу, где подвальное помещение переоборудовали в самый настоящий ринг со зрительными рядами. Там они и лежали массово, не меньше двадцати, все как один с характерными рваными ранами, многие с оружием, а кое-где рядом с ними находились и мёртвые мозгоеды, чьего авторства, несомненно, раны и были. Над ними уже кружили мухи, но крепкого запаха пока не появилось — всё перебивала химическая вонь, кто-то тут уже хозяйничал. Внутренники опустили электропилы и крюки, которые несли в руках.

— Его счастье, что сразу сдох, а не присел на штраф до гробовой доски, — Жуль цинично кивнул на мертвеца, по виду — браконьера. — Так бы помер медленно, в нищете.

— Хозяин этого гадюшника жив, здоров, и даже на свободе, — негромко произнёс СБшник со сломанной рукой, оглядывая мёртвый зал. — У него родич — шишка.

— Как всегда, — вздохнул медик Коля. — Ну что, господа? У меня разрядка

регистрировать все смерти от Хика2036.

— А у нас — утилизировать грибковые тела на месте, — сказал санитарник.

— По-вашему, это похоже на грибок? — возмущённо спросил Женька, ткнув пальцем в лицо полуголой дамы с вычурным янтарным ожерельем на шее и дырой вместо носа.

— Ты что, срочку не служил? — с гадкой ухмылкой спросил внутренник.

— Нет, — сердито ответил Женька. — У нас была военная кафедра. Это раны от укусов мо...

— Типичный грибок, ты что, ослеп? — оборвал его Жуль. — Не твоё дело, малой. Пошли искать живых.

Это был ещё один ужасный день, оставивший гадкое послевкусие в Женькиной памяти. Ведь именно в этот день он узнал, что правда ничего не стоит, более того: правдой становится то, что надо кому-то из высокого начальства с высокими возможностями, а лично ты хоть десять правд можешь знать, но рот закрой и молча делай, что велено.

Поэтому, когда открыл холодильник в пищеблоке, у которого лежало ещё одно «поражённое грибком» тело, он был чертовски зол.

В холодильнике сидела баба в тёплой кофте и с нею в обнимку — толстый мужик с запёкшейся кровавой котлетой вместо рожи, оба в стельку.

— Спаситель наш! — икнула баба, поднимаясь.

— Вы Павор Григорец? — Женька проигнорировал её, пропуская, и придержал рукой избитого мужика, идущего следом.

— Я, — кивнул тот.

— За распространение опасной инфекции, именем Ручья вы арестованы, — сказал Женька, с огромным удовольствием укладывая того мордой в пол.

К сожалению, мужик не сопротивлялся.

Новости Лана не любила, включала их редко, предпочитая найти подборку фильмов и всю постепенно высмотреть, но в этот день случайно клацнула на местный новостной канал и зависла. Запаривая порцию овсяной каши (Капелька теперь ела в детсаду), она с недоумением смотрела, как разгоняют протестующих. И где, скажите на милость? Быть может, в столице, на площади? Или в каком-либо из европейских государств? Возможно в Китае? Нет, митинговали в её собственном родном городе, между мэрией и городским представительством Ручья, что скромно ютилось в двухэтажном сером здании с газоном. Этот газон разношерстная толпа теперь и вытаптывала.

— Мы не будем прививаться Глобалом! — кричал в микрофон человек с плакатом «НЕТ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ВАКЦИНАЦИИ» в руках.

Человек походил на БББ — Беззаботного Безработного Без особых потребностей. Такие не парясь, жили за счёт государства, получали бесплатное жильё, дотации на себя, деньги на детей, и активно плодились, чтобы денег дали больше. Часто они бывали истово верующими и целыми семьями ходили в протестантские церкви либо костёл, но и криминал полз оттуда же. Худой журналист в кепочке кивал с видом ипохондрика, его рот деликатно прикрывала масочка, а нос всю дышал.

— Грибок не настолько заразен, как нам преподносят производители Глобал! — вторила плакатчику полная активистка с отросшими корнями некрашенных волос. — Моя соседка вывела его парами ацетона! Ацетона! «Healthy nation» просто пользуется поводом нажиться!

Лана развела руками и сложила их на небольшом пока, но уже безошибочно видимом животе.

Четыре с половиной месяца. И три полных месяца с тех пор, как она снова жила на своей станции, только теперь занятия были поинтереснее, график — посвободнее, а Капелька ходила в комфортный детский сад ОЗДЖ. Лана отправляла её через нулевую точку в отличном детском скафандре, специально изготовленном на заказ, а нянечка встречала с другой стороны и провожала в группу. Садик Капелька любила — там водились другие дети, взрослые, и даже говорящая голограмма Минни, невесты Микки, со сложной коммуникативной функцией, виртуальный друг подготовительной группы. Там никто не щерился, не выпрыгивал из-под ног в темноте в самый неловкий момент, когда ты бредёшь в туалет, там все понимали речь, играли по-человечески, а не портили мячики один за другим.

Узнав о беременности, Лана не поразилась. Было бы удивительно, если бы жизнь в колыбе не оставила физической памяти, кроме живого и болезненного нравственного шрама. «Аборт», — брезгливо и скользко подумалось ей, пока устанавливала камеру с заградительной сеткой возле нового логова мозгоедов — прошлую молодняк изгрыз, сломал и сбросил.

Под кустами шиповника звери вырыли глубокую нору с широким входом и выходом в винограде, который Лана стричь не стала — пусть дичает.

Стая была неопрятна, сорила падалью, и двор быстро приобрёл неприятный и стойкий запах, свойственный логову хищников. Мозгоеды приносили огромные кости и бросали повсюду, их Лана со скандалом изымала, садовой метлой распахивая протестующих, и

сжигала в новом мощном мусоросжигателе.

Не успела она оплакать, обкатать и принять мысль «аборт», как случилось странное. Одна из самок подошла, о чём-то толкуя. Она бодалась, кусала берцы и чего-то требовала. Затем вцепилась в штанину и повела в пристройку рядом с гаражом, где стоял садовый пылесос, газонокосилка и другой полезный инвентарь. Там, на изорванном рулоне серого войлока, лежали детёныши — шесть шгук, и сидела Матриарх, обнюхивая их. В знак доверия и благодарности за дом и стол молодая самка показала Лане самое лучшее и ценное — своих детей. А старая, покрытая шрамами королева позволила присесть на корточки и посмотреть на слепые, шевелящиеся колбаски с тонкими крысиными хвостами. Два самца, четыре самочки. Затем мамаша упала, подставляя детям молочные соски, зажмурила янтарные глаза с круглым чёрным зрачком, и Лана поняла, что оставит ребёнка, который рос в ней самой. «Семя — ничто. Земля — всё», — вспомнила собственную прежнюю мысль.

Она вздохнула и съела первую ложку овсянки, захрустывая ореховой печенькой.

На экране нацгардия в защитной амуниции безжалостно вязала митингующих, их тут же, в автозаках, насильственно прививали.

— Я подам на вас жалобу! — кричал один задержанный и привитый, красный, словно томат.

Ответ нацгвардейца телевизионщики запикали.

Несмотря на борьбу с «японкой», полностью грибок не убивался, кочуя от мыши — к кошке, и порой находил своего антиваксеры. Хорошо, хоть не расползлся по области, может из-за ультразвукового поля, а может оттого, что в округе вынужденно выбили всех диких птиц. И откуда пришла японка? Из её, Ланы, бывшего дома, из дома Павора. Нулевыми пациентами, как выяснилось, стали дочка и внук домработницы, люди с нетрадиционной медицинской ориентацией. Павор теперь сидел без права залога, ждал суда и срока, дом опечатали, огородили, а дворы, его и соседский, стояли выжженные мощным антисептиком. У соседа от грибка подошли обе собаки и симус, тот плакал и многословно проклинал Павора. Всё это время с города не снимали карантин, не разрешали въезд и выезд, но к поголовной вакцинации, настоящей жёсткой мере, власти перешли только сейчас.

В новостях показали инфекционное отделение городской больницы, заполненное специальными бокс-капсулами. В них, под снотворным, тихо лежали заражённые грибком антиваксеры и получали нистатиновые вливания. Показали излечившихся — бледных и ошалевших. Одного заражённого обнаружили и поместили в инфобокс слишком поздно, теперь грибница хаотично билась внутри, пытаясь выбраться, как огромный, судорожно кашляющий жук, а медработники мрачно смотрели на её движения — предстояла утилизация.

Показали и старушку с пучками брокколи на лице, слишком дряхлую и старую, чтоб напасть, бездумно сосущую беззубым, поросшим грибами ртом татуированную руку собственного взрослого внука, тот отворачивался, скрывая слёзы. От старушки Лана огорчилась и съела ещё ложку слизкой каши. Её беспокоила изжога, всю первую беременность она мучилась точно так же, овсянка была отличным средством спасения.

Отряд МЧС с огнемётами выжигал заражённую страусиную ферму, а хозяин горевал в стороне — он сэкономил на нистатиновой кормовой добавке.

С маленьких красных вертолётов распыляли жёлтую нистатиновую пыль.

В контактном зоопарке ветеринары превентивно кололи нистатин ксеноживотным.

В новостях царил один грибок, словно позитивных новостей не осталось. Впрочем,

показали свадьбу прокурора — пир во время чумы.

Начался блог рекламы, и Лана доела свою овсянку. Предлагали супер пылесос-посудомойку-мини-стиралку, которую если купить, то больше можно ни о чём не беспокоиться. Предлагали бесплатную вакцинацию Глобалом, сироп от кашля, стиральный чудо-порошок и ветеринара, белозубого парня с ампулой: позаботься о своём питомце. Намедни Лане через адвокатку давали большие деньги за рекламу с мозгоедом, но та ни в чём не нуждалась и отклонила пропозицию. Должность специалиста-практика в новом исследовательском центре, который организовал, легализовал и на широкую ногу оплачивал Ручей, позволяла не заботиться о насущном хлебе, а на банковском счету копилась зарплата. Там же лежала приличная сумма выигрыша, как шутила Лана — боевые Серого.

Она уложила волосы, прилично оделась и съездила в гинекологическую клинику, где сдала анализы и сделала УЗИ — всё шло прекрасно. После забрала Капельку из сада и поехали в город, в старое любимое кафе, на мороженное. Теперь посетители проходили через рамку со специальным светодетектором грибка, которые массово привезли, все одинаковые, и раздали по организациям и предприятиям, санинспекция теперь обязывала пользоваться подобными. Имеешь дверь? Поставь детектор. Некоторые, безответственные, рамку даже не включали, что, конечно, было нарушением правил карантина, тем более, что порой детектор на ком-то срабатывал, выявляя споры.

Расковыряв свою порцию пломбира в хрустальной вазочке, Капелька без особого вдохновения выела мороженное и оставила горку фруктов, затем поглядела по сторонам и сказала:

— Может пойдём домой? Там к Серому самка пришла. Все звери садятся вокруг, смотрят и цокают, я тоже смотрела и цокала. Пошли смотреть вместе! Это очень интересно, как они грызутся, толкаются и лижутся, а потом он её ебёт.

Лана захлебнулась соком и закашлялась, прижимая салфетку ко рту. От кашля заплакала, а может от досады.

— Капелька, какой ужас, какое кошмарное слово, где ты его взяла?!

Кажется, пребывание в колыбе травмировало ребёнка. Лана ужасная мать.

— Наташина мама разводит британских котиков, — Капелька покивала с умным видом. — Наташа говорит, что сперва коты ебутся — а затем рождаются.

— Никогда, — Лана потрясла пальцем, — никогда не говори этих слов, потому что я приду в садик и напихую твоей Наташе полный рот горчицы, и её маме напихую, и мне за это ничего от полиции не будет, потому что я ценный ручейный сотрудник, а вот она с тобой перестанет дружить.

Капелька осмыслила и заревела.

— Не на-а-адо-о! — затынула она.

— Ну вот и не ругайся. Я же не ругаюсь.

В стае в самом деле откуда-то взялась чужая самка, более светлая, чем остальные, и более мелкая. Покрутилась среди оживившихся самцов, но заигрывать стала с Серым и он надолго пропал со станции, из пищеблока, из спальни. Лана нашла их у ельника. Самка со страхом и неприязнью таранила янтарные глазки и поднимала верхнюю губу, демонстрируя, что вооружена и опасна. Она далеко отбегала всякий раз, когда Лана пыталась приблизиться, и та оставила чужачку в покое. Но Капелька, как оказалось, нет.

Пришла пора кормить зверьё. Она переделась в новый рабочий комбез, который носила по настоянию Марьи Ивановны, с супер-защитой, вроде костюма рейнджера, хотя

сама не видела в этом необходимости: за всё время Лану цапнули только однажды, и то в экстремальной ситуации, когда она вручную вправляла выбитую лапу молодому, порядком глупому черту. В тот раз, поливая кровью пол и затыкая пальцами дыру в плече, Лана улеглась в новую стационарную медкапсулу и автомат наложил ей швы по-живому: обезбола она боялась, не знала, как скажется на ребёнке.

— Мама, они притащили живого оленёнка! — порой плакала дочка. — Давай отнимем?

— Этого делать нельзя. Он мёртв, дорогая, тебе показалось, — лгала Лана и уводила дочь.

Что поделать, если звери охотились и готовили к охоте своё потомство. Она понемногу научилась отличать своих жестоких питомцев, сперва — самцов от самок, затем — одного от другого, и по тому, как они ели, постигла иерархию. Иногда, стоило ранним утром выйти во двор, к ней со всех сторон устремлялись длинные серые тела, и тогда она знала: охота была неудачной. В противном случае сытое зверье отсыпалось в логове, сложившись в кучу друг на друге, только Серый ломился в станцию, хвалиться окровавленной шкурой, и Лана неизменно гладила его, потому что её зверь был офигенным.

Запищал пищевой синтезатор — корм приготовился. Лана поставила фильм на паузу, достала из камеры пятикилограммовый контейнер с филе форели и понесла во двор. Мозгоеды посыпались с забора, по которому с радостью ползали, с деревьев, выскочили из норы и стали суетиться. Поднялся гвалт. Наконец, вперёд вышла старая королева и первой получила свой кусок.

— Приём пищи начали, — прокомментировала Лана, одаривая рыбой старших самок.

Сначала непременно ели они, затем — самцы, а в самом конце раздачи — молодняк. С изумлением Лана увидела среди серых спин — более светлую, это пришедшая самка пролезла в толпу, чтоб урвать лакомство.

— Все станут вешаться — и ты тоже? — пошутила Лана, но та дико зыркнула и поскорее убралась с синтезированной рыбой в зубах. За ней подошёл Серый, виновато ткнулся лбом и тут же бросился следом.

Всего на станции, под опекой Ручья, жило двадцать семь чертей, включая детёнышей.

Внедорожник Шульги приколесил по полю под вечер и стал за воротами, почти на том же месте, что и в первый раз. Можно было проигнорировать, натравить стаю либо вызвать рейнджеров по телефону, но тогда бы любопытство растерзало Лану, как мозгоеды тряпку. Разведчики уже поскакали вперёд и теперь суетились на капоте, на крыше — искали и не находили лаз. Сердце у Ланы ёкнуло, пока она шла к машине, а за нею волочилось с десятков серых спин. «Я сделаю презрительное лицо, — думала она. — Равнодушное и презрительное. Другого он не заслужил.» Но когда стекло приспустилось — не смогла сдержать вздоха разочарования. За рулём сидел вовсе не Алексей, а его жена.

— Здравствуйте, Злата, — сказала она. — Не ожидала вас увидеть.

— Здравствуйте. Спасибо, что вышли ко мне, — ответила та. — Я боялась, не захотите.

Мозгоеды ходили вокруг внедорожника, пробовали на зуб его разные части, один, молодой и отчаянный, сдуру запел тонким голосом, но матриарх повернулась к нему: ащц! И тот затих.

Женщины молчали.

— Это ведь Лёшин ребёнок? — спросила Злата, глазами указывая на живот.

— Да, — кивнула Лана. — Девочка.

— Он сам не свой всё последнее время. Денег много потерял, колыбу, вас. С утра —

нюхает, а к ночи непременно пьян.

— Это он вас прислал?

— Он хочет извиниться, говорит, что виноват. Лёша очень эмоциональный, он страдает от своего поступка и чувства привязанности к вам.

Лана внимательно посмотрела на неё.

— Злата, так глупо, что мы на вы, — сказала она. — Женщины, делившие мужчине, непременно должны быть на ты. Ведь мы почти родственницы. Ты сама сказала, что любовница — не только мужа, а всей семьи.

— Согласна, — подумав, ответила Злата.

— Ты не хочешь чаю?

— Лёша сказал ни в коем случае из машины не выходить.

— Есть множество вещей, которые женщина решает сама, — Лана подмигнула и принялась аплодировать мозгодам, как делала обычно, когда гнала их. Стая знала, что хлопки означают «прочь», и неохотно расходилась, перетекая, словно серая масса. Жена Шульги, в защитном охотничьем комбезе, с опаской выбралась наружу, и Лана снова поразилась, до чего она хороша собой. Даже неказистый наряд её несколько не портил.

Станция Злате понравилась. Она с любопытством рассмотрела коллекцию насекомых в шкафах лаборатории, заглянула в микроскоп, посмеялась с забавной музыкальной нарезки из жизни мозгоедов, подарила заколку для волос дочери: простой и стильный кусочек резного рога. Затем Капелька убежала к ельнику, а женщины уселись на пищеблоке, за кофе и сладостями.

— Не боишься её отпускать? Такую маленькую? — поллюбопытствовала Злата.

— Она не одна, пусть лес её боится, — с гордостью ответила Лана. — Двери мы больше не запираем.

— Ты не хотела бы вернуться к Лёше? — вдруг спросила жена.

— Ни в коей мере, — Лана удивлённо вскинула брови.

— Но как ты будешь с ребёнком сама? — не понимала та. — Лёша никого из детей не оставил. И он же тебе нравился...

— Твой муж меня на смерть на ринге бросил. Это весьма охладило... огонь. И я прекрасно проживу одна.

Злата постучала пальцами по столу, глядя в угол.

— Он тебя не за этим прислал, — догадалась Лана.

— Он просил назвать любую сумму за детёныша мозгоеда, — Злата развела руками. — Просто любую.

— Я не продам щенка, — отрезала она, чувствуя, как в сердце поднимается та же злость, что бывала на ринге, и от которой она с таким трудом избавилась.

— Но ведь Лёша — отец ребёнка. Он сможет хотя бы прийти?

— Отец — ничто, — презрительно бросила Лана. — И мужчина — ничто. Дети и мужчины хотят получить всё, ничего не отдавая. Пусть Лёша не приходит, потому что назад он не вернётся. И пусть оставит мысль раздобыть детёныша, потому что иначе я сама к нему приду...

Злата вздохнула так горестно, словно душа рвалась прочь из её тела, и надолго задумалась.

— Понимаю, — сказала наконец. — Жаль, что сама так не могу. У меня — мама, у мамы — статус превыше всего.

— Я знала, что женщина с женщиной всегда объяснится, — Лана подмигнула.

Она вышла проводить гостью до джипа, заодно отловила и отправила мыться чумазую отчего-то Капельку.

— Ты не боишься ехать в темноте? — спросила.

— О, мне только до вырубки, — пояснила Злата. — Там парни ждут, поедем вместе до дядиной нулевой точки. Он разрешил Лёше пока пользоваться...

Стустились сиреневые сумерки. Луна, увенчанная серебряной дымкой, поднялась над рваным чёрным бархатом ельника. Первая звезда трепетала в небе, во дворе зажглись лампы, в их свете отблёскивали адским пурпуром глаза двух десятков невидимых терпеливых тварей, следивших за каждым шагом незваной гостьи.

— Вроде и дом у меня больше, и статус лучше, а завидую я тебе, — произнесла Злата, усаживаясь в машину. — Иногда мне кажется, что я зачарована, будто птица перед раскачивающейся змеёй, — добавила она. — Делаю всё, что он попросит, даже гадости. Вот, к тебе явилась без спросу...

Лана пожала плечами.

— Иногда достаточно перестать быть птицей, — сказала она. — Если змея попробует зачаровать мозгоеда — тот ударит первым.

finis

Больше книг на сайте - Knigoed.net